

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧНОЕ В ЯЗЫКАХ И ЛИТЕРАТУРАХ

Сборник материалов
2-й международной научной конференции
28 февраля 2014 г.

ISBN 978-5-4217-0293-1

9 785421 702931

Курганский
государственный
университет

редакционно-издательский
центр
41-71-07

Министерство образования и науки Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Курганский государственный университет»

**УНИВЕРСАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧНОЕ
В ЯЗЫКАХ И ЛИТЕРАТУРАХ**

Сборник материалов 2-й международной научной конференции

28 февраля 2014 года

Курган 2014

УДК 801 (08)
ББК Зауралье Ш + 81, 2
Т 30

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. кафедры зарубежной литературы РГПУ имени А.И. Герцена Г.В. Стадников;

д-р филол. наук, проф. кафедры русского языка КГУ Е.Р. Ратушная;
канд. филол. наук И.Г. Стародумов, ст. преподаватель кафедры ОПД КИЖТ УрГУПС.

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета.

Редакционная коллегия:

канд. филол. наук Д.В. Портнягин (отв. редактор), д-р филол. наук, доц. Н.Н. Бочегова, д-р филол. наук, доц. Н.Н. Цыцаркина, О.Н. Андрюшина (техн. редактор).

Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах: материалы 2-й международной научной конференции (28 февраля 2014 г.). Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. 288 с.

В сборнике представлены материалы 2-й международной научной конференции, состоявшейся 28 февраля 2014 года на кафедре английской филологии КГУ. В своих статьях участники конференции касаются различных аспектов проблематики типологических схождений и национального своеобразия в мировом лингвистическом и литературном процессе.

Авторы статей привлекают для исследования актуальный материал, к которому применяют современную методологию и реализуют различные методологические принципы анализа. Материалы сборника можно рекомендовать не только исследователям и преподавателям, чей научный интерес сформировался давно и захватывает в своё поле новые объекты анализа, но и студентам, магистрантам, аспирантам, только начинающим свой путь в науке и нуждающимся в расширении исследовательского кругозора и углублении спектра методологических принципов.

ISBN 978-5-4217-0293-1

УДК 801 (08)
ББК Зауралье Ш + 81, 2

© Курганский государственный университет, 2014
© Коллектив авторов, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРА. ТЕКСТ. ДИСКУРС

Артамонова Т.Г. (Курган) Метафора «государство-корабль» в произведениях американского романтизма	6
Бочегова Н.Н., Портнягин Д.В. (Курган) Стратегия переработки сюжета «Короля Лиры» в «Тысяче акров» Джейн Смайли	12
Гриценко Т.А. (Курган) Природные явления в картине мира древнерусских летописцев домонгольского периода	37
Гришкова Л.В. (Курган) Концептосфера русского романского дискурса XIX века	43
Драгунова О.С. (Курган) А.Н. Зырянов – основоположник зауральской диалектологии	55
Жукова И.М. (Курган) Повесть Л.Н. Толстого «Отец Сергей»: опыт нарратологического анализа	65
Иванова Ю.Н. (Курган) Диалог-исповедь в языковом оформлении	68
Камаева Ю.В. (Санкт-Петербург) Тенденции дискурса в современных СМИ	74
Мардоса Й. (Вильнюс, Литва) Особенности применения почек от веток верб в лечебных целях во второй половине XX – начале XXI века: этноконфессиональный аспект	77
Морозова О.Н. (Санкт-Петербург) Специфика современных форм интернет-коммуникации	83
Назарова Т.Б. (Москва) Семиотика и филологический анализ художественного текста	87
Савельева М.В. (Курган) Прагматические функции повтора	92
Соловьева Т.Н. (Курган) Агиографический канон в святительском житии Василия Великого	100
Фёдорова В.П. (Курган) Краевед Михаил Павлович Бирюков	107
Швед И.А. (Брест, Беларусь) О мифологической коммуникации «человек-птица»	115

ЯЗЫК И ПОЗНАНИЕ

Богданова Е.В. (Йошкар-Ола) Исследование частотности общественно-политической лексики (ОПЛ) на примере французской прессы	123
--	-----

Боярская М.М. (Санкт-Петербург) Проблема определения синонимии	129
Иванова Е.А. (Курган) Грамматическая категория числа фразеологизмов-антропонимантов по социальным признакам в русском и английском языке (на материале публицистических текстов)	137
Кабыш В.И. (Курган) Семантические типы фразеологических каузативов	143
Какзанова Е.М. (Москва) Универсальное и культурно-специфичное в языке: эпонимические интернационализмы тематической группы «еда»	147
Киселёва С.В., Верносова Е.И. (Санкт-Петербург) Влияние семантического окружения глагола light на развитие его многозначности в диахронии	153
Киселёва С.В., Росянова Т.С. (Санкт-Петербург) Многозначный термин в свете прототипической семантики	166
Коваленко С.С. (Санкт-Петербург) Синестетические средства выразительности в описании ароматов	170
Самошкин Е.А. (Якутск) «Интернет-мемы» – фразеологизмы XXI века	174
Сапронов Ю.В., Полякова С.Е. (Санкт-Петербург) Когнитивные основания анализа понятий артефактов	178
Смакотина Т.М. (Курган) Инициальный союз but в англоязычном научном дискурсе	182
Фаткулин Б.Г. (Челябинск) Исламоведческая терминология в современном китайском языке (на примере раздела «Афганистан» в китайской сетевой энциклопедии Байду)	192
Шведова Н.В. (Курган) Фразеологизмы «всё равно» в современном русском языке	195

КОГНИТИВИСТИКА И СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Овчинникова К.Н. (Петропавловск, Казахстан) Гипертекстуальность концепта «природа» в поэзии В.Г. Шестерикова	200
Семёнова Е.В. (Санкт-Петербург) Психологические термины в сопоставительном и когнитивном аспектах	205

Скворцова А.В. (С-Петербург) Типы оппозиций в рамках объединения лексических репрезентантов концепта «relatives» в современном английском языке.....	209
Степаненко О.А. (Курган) К вопросу об эволюции этнических стереотипов в немецком лингвокультурном пространстве.....	218
Тулина Е.В. (Магнитогорск) Реализация социальных стереотипов в анекдотах о юристах и их клиентах.....	225
Ульянин В.Ф., Maral O. (Курган; Вена, Австрия) Концепт "Angst" ("ängest") в художественно-литературном дискурсе.....	232
Шихардина Л.Н. (Курган) К вопросу о лингвистической персонологии.....	243

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Казенас О.А., Сапегина Е.В., Казенас Г.В. (Курган) Возможности использования программы PRAAT в лингвистических исследованиях.....	246
Поманисочка М.А. (Курган) Обучение письменной речи. К вопросу о жанрах.....	252
Смолина О.В. (Санкт-Петербург) К проблеме обучения второму иностранному языку студентов технического университета.....	259
Ткаченко М.В. (Курган) Образовательная технология кейс-стади и перспективы её применения в изучении иностранного языка.....	264
Шабурова О.В. (Курган) Вторичная языковая личность младшего школьника в современных социокультурных условиях.....	268
Юркевич Л.Н. (Курган) Преодоление субъективности понимания иноязычных медиатекстов студентами университета.....	272
Prikhodko M. (Indiana, PA, USA) Russian scholars negotiate life experience to embrace Fullbright identities in L2 narratives.....	277
Сведения об авторах	284

МЕТАФОРА «ГОСУДАРСТВО-КОРАБЛЬ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АМЕРИКАНСКОГО РОМАНТИЗМА

Т.Г. АРТАМОНОВА

(Курган, Россия)

Метафорический образ государства-корабля вошёл в мировую литературу ещё в эпоху античности. Этот образ (сопоставление государства с кораблём – *Т.А.*) «древний, как мир, во всяком случае, как сама европейская цивилизация. Из европейских народов греки, чья жизнь была теснейшим образом связана с морем, первые ввели его в литературный обиход» [1], – пишет Э.Д. Фролов. Известный историк Харийс Туманс в своей статье «К идее государства в архаической Греции» отмечает, что «впервые метафора корабля появляется в стихах Алкея, где он красочно описывает попавший в бедствие корабль и призывает единомышленников дружно противостоять буре» [2]. Однако «толкование этого образа до сих пор продолжает вызывать споры, в особенности же оспаривается интерпретация корабля как государства... и по сей день фрагменты стихов Алкея с описанием терпящего бедствие корабля получают разную трактовку» [2]. Н. Казанский считает, что Алкеем была открыта не сама метафора «государство-корабль», а её приуроченность к политическим неурядицам [2]. Верно замечание Харийса Туманса, что «после Алкея уподобление государства кораблю стало расхожей темой не только в греческой, но и в мировой литературе» [2]. Метафору корабля, символизирующую государство, можно встретить в текстах Плутарха, Феогнида, Сократа, Платона, Полибия, Демосфена. Харийс Туманс приходит к выводу, что образ корабля в Древней Греции выражает «идею государства как тесно сплоченного и объединенного внутренней связью коллектива», причём это единство общества «основывается... на светском и отрефлектированном осознании сопричастности к общему делу и общей судьбе» [2].

Получив дальнейшее развитие в мировой литературе, метафорический образ государства-корабля вошёл в поэзию и прозу американских романтиков, живших и творивших в «стране матросов» (Ю. Ковалёв). Одной из главных причин этого явления является то, что «морская жизнь»

всегда «была важной частью национальной действительности» [3:18] США. По верному замечанию Ю. Ковалёва, уже в 1830-е годы представители американской маринистики «корабельную палубу стали воспринимать как участок национальной действительности с её социальной дифференциацией и антагонистическими противоречиями» [3: 20]. Новые интерпретации вечной метафоры находим, в частности, в творчестве Генри Лонгфелло, Германа Мелвилла, Уолта Уитмена.

Генри Лонгфелло, проведший детство в Портленде штата Мэн, на берегу Атлантического океана, гордившийся предками, которым приходилось бороздить океанские просторы, органично вводит в свою поэзию метафору корабля, имеющую особый философский смысл. Её находим, в частности, в стихотворении «Постройка корабля», вошедшего в сборник «У моря и очага» (1849). Прообразом строящегося в стихотворном произведении судна послужил грандиозный корабль Дональда Маккея «Нью-Уорд» [4].

Содержание создаваемой Генри Лонгфелло метафоры «государство-корабль» раскрывают отдельные детали поэтического сюжета. Создание судна принимает характер всенародного почина: «И в том, и в этом направленья суда во все концы идут, и вносит дружно каждый штат в постройку корабля свой вклад» [5]. Строительство проходит под национальным американским флагом: «На мачте, как священный знак, наш бело-сине-алый флаг в содружестве полос и звезд!» [5]. Автор прямо указывает на метафорическую символику корабля как образа родной страны: «И странник одинокий, среди скитаний, в чужом порту, увидя этот флаг, шумящий на лету, почувствует приветливую руку, протянутую родиной в разлуку, и сладостный прилив воспоминаний» [5].

Ю. Ковалёв отмечает, что «вплоть до Гражданской войны... неизменным атрибутом американской литературы» стали «романтические утопии» [3: 14]. В своём стихотворении Генри Лонгфелло творит «некий (чисто условный) социальный... идеал» [3: 14], сюжет произведения развивает идею созидания нового государства, в котором восторжествуют подлинные гуманистические ценности: свобода, вера, любовь, согласие. На наш взгляд, ошибочно мнение А. Старцева, полагавшего, что «в стихотворении "The Building of the Ship" ("Постройка корабля"), демонстрирующем «исключительную буржуазную благонамеренность», Генри Лонгфелло сформулировал «особенно чётко и выпукло идеалы буржуазно-мещанского практицизма» [6].

По нашему убеждению, нравственные ориентиры, указанные в произведении, носят универсальный общечеловеческий характер, и автор формулирует их в духе романтизма. Генри Лонгфелло воспевает идеал духовной свободы. По мнению поэта, будущее принадлежит романтикам, тем, кто способен мечтать: «Мечта живёт у нас в сердцах, Она всегда сильнее, чем страх» [5]. Духовно самоопределиться, понять, «где долг, где грех, где да, где нет» [5], помогает вера. Любовь является той путеводной звездой, которая не позволит каким бы то ни было потрясениям одолеть корабль: «Тот, кем любовь руководит, всегда и всюду победит»; «ведь кротость и любовь сильнее, чем бури самых грозных дней» [5]. Успешное продвижение вперёд невозможно без сплочённости и единения людей: «Корабль наш – дом, и слава в нём, “Союз” его мы назовём» [5]. И, наконец, одной из составляющих гармонического развития человека, общества, государства является труд: «О, трижды, трижды счастлив тот, кто труд свой хорошо начнёт, и нет ни в чём ему преград, когда дела идут на лад!» [5] Идущий верным курсом корабль стремится «к желанной, радостной земле. Где на счастливых берегах» всех «ждёт блаженство, а не страх» [5].

В романтической концепции Генри Лонгфелло Америка – молодая, развивающаяся страна, её идеалы чисты и прекрасны. Автор уподобляет свою страну юной деве, несущей в мир идеал любви: «Резная дева украшает нос корабля, она витает над морем в мантии своей, как будто мчится среди зыбей, и смотрит далеко вперед...» [5]. В резном портрете угадываются черты искренне полюбившей дочери мастера. Генри Лонгфелло выражает романтическую надежду на торжество любви во всём мире: «Её (построенную ладью – *Т.А.*) в объятия свои, лаская, принял океан, её лелеет великан лазурным лепетом струи» [5].

Известно, что стихотворение «Постройка корабля», во время публичной декламации заставлявшее плакать трёхтысячную аудиторию, было высоко оценено Авраамом Линкольном. Когда ему подарили произведение поэта-романтика, президент выразил восхищение «чудесным даром» Лонгфелло – «так волновать души людей» [7].

Если в поэзии Генри Лонгфелло метафора «государство-корабль» выражает оптимистическую веру в светлое завтра американского общества, то в прозе Германа Мелвилла – глубокий скепсис в отношении будущего Америки. Пессимистические настроения американского прозаика, создавшего роман «Моби Дик, или Белый Кит» (1851), в котором «китобой-

ное судно “Пекод” с его командой, составленной из представителей разных рас и национальностей, – образ, который в символическом плане может трактоваться как Америка» [8: 676], имели социально-историческую почву. Мелвилл был свидетелем постепенного отклонения американской действительности 1840-1850-х годов от просветительских идеалов «отцов-основателей», искажения демократических лозунгов. Писатель видел несовершенство экономической системы США, не принимал рабовладения, жестокого истребления индейских племён, хищнического разграбления природных богатств страны, спекуляции землёй, коррупции, проникшей во все эшелоны власти, лжи, клеветы, демагогии как методов политической борьбы, фетишизации богатства. Мелвилл осознавал, что обостряющиеся противоречия между Севером и Югом, начавшаяся в 1846 году захватническая война, принятие в сентябре 1850 года бесчеловечного закона о беглых рабах ведут страну к катастрофе. Америка конца 1840-х – начала 1850-х годов «напоминала паровой котёл, в котором давление далеко превысило допустимые нормы, а стрелка манометра ушла за красную черту, предвещающая скорый взрыв. Страна катилась к гражданской войне... Мелвилл...предвидел катастрофичность ближайшего будущего» [3: 23].

Американский романтик считал, что будущее страны определяет духовно-нравственное состояние современного общества, и продвижение американского корабля «зависит от общественного поведения американцев, которое определяется индивидуальной нравственностью и социальными нравами» [3: 29].

Метафорический образ государства-корабля Генри Лонгфелло открывает читателю те ценности, торжество которых обеспечит процветание США. Метафора «Пекода» в «Моби Дике» несёт в себе авторскую мысль о тех заблуждениях и пороках буржуазного общества, которые отклоняют американский корабль от верного курса. Считавший высшими ценностями «бескомпромиссный демократизм, идею всеобщего равенства рас и народов, высокое достоинство Труда и безграничное уважение к Труженику» [3: 16]. Мелвилл осуждает холодность, бесчувственность, жестокость, лицемерие, бескрылый практицизм, жажду наживы, имеющие место на «Пекоде».

И Генри Лонгфелло, и Герман Мелвилл считали, что необходимым условием гармонического развития общества является следование христианским заповедям. И в стихотворении «Постройка корабля», и в романе

«Моби Дик» матросов отплывающих судов наставляют проповедники. Но если поэт акцентирует внимание на следовании религии, то прозаик делает главным предметом своего художественного анализа отступление от вечных ценностей. Согласно Герману Мелвиллу, современный «цивилизованный» мир уклонился от Бога. Характерной приметой времени, в том числе и в США, стало показное благочестие. Истинной веры нет ни в судовладельцах Вилдаде и Фалеке, ни в капитане «Пекода» Ахаве, чьё библейское имя говорит о нечестивости героя. По мысли Старбека, первого помощника капитана, безумием и богохульством является месть существу, лишённому разума, а именно такая месть стала смыслом жизни Ахава.

По Мелвиллу, вводящему в сюжетную ткань романа историю о пророке Ионе, спасти человека, общество, страну может религия. Не случайно в своём положительном герое, туземце Квикеге, Мелвилл акцентирует преданность языческому божеству Йоджо и безупречное соблюдение всех религиозных ритуалов.

Если корабль Лонгфелло движим любовью, то «Пекод» Мелвилла ведёт слепой фанатизм капитана Ахава. По наблюдению Ю. Ковалёва, «в творчестве американских романтиков на рубеже сороковых и пятидесятых годов проблема Зла, чинимого фанатиками во имя торжества Добра, и вообще проблема фанатизма заняла весьма важное место» [3: 25]. Мелвилл не принимал как слепой ярости южан-плантаторов, так и фанатизма новоанглийских аболиционистов, считая, что безумие может привести страну к катастрофе.

У поэта-романтика корабль, символизирующий государство, несущий любовь, рисуется в светлых, радостных тонах, у автора романа «Пекод», причиняющий зло Божьим созданиям, предстаёт угрюмым, мрачным судном: «Это было судно старинного образца, не слишком большое и постаромодному раздутое в боках. Корпус его, обветренный и огрубелый под тайфунами и штилями во всех четырёх океанах, был тёмного цвета, как лицо французского гренадёра, которому приходилось сражаться и в Египте, и в Сибири. Древний нос корабля, казалось, порос почтенной бородой... Старинные палубы были ветхи и испещрены морщинами, словно истёртые паломниками плиты Кентерберийского собора, на которых истёк кровью Фома Бекет... Всё судно было увешано трофеями – настоящий каннибал среди кораблей, украсившийся костями убитых врагов... С презрением отвергнув простое штурвальное колесо, почтенное судно несло на

себе необыкновенный румпель, целиком вырезанный из узкой и длинной челюсти своего наследственного врага... Да, это был благородный корабль, да только уж очень угрюмый» [9: 127-128]. По мысли Германа Мелвилла, страна, где дьявольское одержало верх над Божеским, обречена. Гибель «Пекода» является логическим завершением развития метафорического сюжета в романе «Моби Дик».

Свой вариант метафоры «государство-корабль» создаёт Уолт Уитмен в стихотворении «О Капитан! Мой капитан!» (1865). Америка, прошедшая «сквозь бурю» Гражданской войны, приведённая в мирную гавань «капитаном» Линкольном, предстаёт в этом произведении в образе «фрегата, отчаянного и грозного» [10]. Если метафора корабля у Генри Лонгфелло реализует романтические иллюзии поэта относительно будущего Соединённых Штатов, а в романе Германа Мелвилла выражает глубокий скепсис в отношении будущего страны стяжателей и фанатиков, то в поэзии Уолта Уитмена она передаёт тревогу автора за судьбу Америки, потерявшей рулевого. Уолт Уитмен, как и многие его сограждане, был потрясён смертью Авраама Линкольна, погибшего от руки фанатика-южанина. И в романе Мелвилла, и в стихотворении Уитмена говорится о фанатизме как об опасной болезни, прогрессирующая которой губительно для государства. Метафора палубы, забрызганной «кровавою струёй», символизирует страну, ещё не вполне оправившуюся от социальных болезней. Трагизм сцены жестокого убийства «капитана» усиливается контрастом между радостным ликованием народа, празднующего победу северян, и безмолвием «отца» нации, павшего на боевом посту.

Таким образом, метафора государство-корабль остаётся востребованной американскими романтиками на протяжении нескольких десятилетий 19 века и, обретая новую жизнь в поэзии и прозе США, глубоко отражает духовно-нравственное состояние американского общества на разных этапах национальной истории.

Список литературы

- 1 Фролов Э. Д. Факел Прометея: Огни Диоскуров: реальность и метафора. URL: <http://sno.pro1.ru/lib/frolov/2-10.htm> (дата обращения: 12.02.2014).
- 2 Харийс Туманс. К идее государства в архаической Греции. URL: <http://blogi.lu.lv/harijs/category/государ> (дата обращения: 5.02.2014).
- 3 Ковалёв Ю. Пределы вселенной Германа Мелвилла // Мелвилл Г. Моби Дик, или Белый Кит. М. : Эксмо, 2010. С. 5-34.
- 4 Скрыгин Л. Из Истории морского флота (подборка статей из журнала «Мор-

- ской флот» за 1981-1986 гг.). URL: <http://windgammers.narod.ru/Korabli/Greit-Ripablik.html> (дата обращения: 1.02.2014).
- 5 Лонгфелло Г. У. Постройка корабля. URL: <http://lukianpovorotov.narod.ru/longfellow.html#> Постройка корабля (дата обращения: 28.01.2014).
- 6 Старцев А. Лонгфелло // Литературная энциклопедия: в 11 т. М., 1929–1939. М. : ОГИЗ РСФСР, гос. словарно-энцикл. изд-во «Сов. энцикл.», 1932. Т. 6. С. 568-572.
- 7 Бабаева М. Генри Лонгфелло. URL: <http://control.audiopedia.su/audio/12449> (дата обращения: 12.02.2014).
- 8 Ковалёв Ю. Послесловие // Моби Дик, или Белый Кит : роман. М. : Эксмо, 2010. С. 674-680.
- 9 Мелвилл Г. Моби Дик, или Белый Кит. М. : Эксмо, 2010. 704 с.
- 10 Уитмен У. О капитан! Мой капитан! URL: <http://angelic-poetry.livejournal.com/6713> (дата обращения: 9.02.2014).

СТРАТЕГИЯ ПЕРЕРАБОТКИ СЮЖЕТА «КОРОЛЯ ЛИРА» В «ТЫСЯЧЕ АКРОВ» ДЖЕЙН СМАЙЛИ

Н.Н. БОЧЕГОВА, Д.В. ПОРТНЯГИН
(Курган, Россия)

Lear
[...]Speak again.
W. Shakespeare
The Tragedy of King Lear (Act I, scene1)

Завоевавший Пулитцеровскую премию роман Джейн Смайли (Smiley, b. 1949) «Тысяча акров» (A Thousand Acres, 1991) – произведение, с одной стороны, очень злободневное, с другой, – продолжающее давнюю и богатую традицию. Суть поднимаемых в романе проблем (сексуальное насилие в семье, бедственная экологическая ситуация) и, что не менее важно, степень откровенности, с которой они обсуждаются, – позволяют увидеть в «Тысяче акров» дитя 90-х годов XX века. В области же переработки Шекспировского сюжета «Тысяча акров» является преемником «Лира» (Lear, 1969–71) Эдварда Бонда (Bond, b. 1934), пьесы Тома Стоппарда (Stoppard, b. 1937) «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» (Rosencrantz and Guildenstern are Dead, 1967) и переделок Шекспира эпохи Реставрации (1660-1680) и XVIII века. К последним относятся адаптации У. Давенанта

(Davenant, 1606-1668) и Дж. Драйдена (Dryden, 1631-1700), версия «Короля Лира» (King Lear, 1608) Наума Тейта (Tate, 1652-1715). Пьеса Шекспира сама по себе имеет источником более раннее произведение – “King Leir” (1605). Ряд исследователей, кроме того, считает, что Шекспир (Shakespeare, 1564-1616) переписал собственную пьесу (версия фолио является переработкой версии кварто).

Тейтовская модификация «Лира», в которой король выживает, а Эдгар женится на Корделии, почти целый век была единственной адаптацией знаменитого сюжета, допущенной к постановке на английской сцене. В определённом смысле в защиту этой редакции высказывался, возможно, самый влиятельный Шекспировский критик XX века Э.С. Брэдли (Bradley, 1851–1935):

Doubtless we are right when we turn with disgust from Tate's sentimental alterations <...>. But are we so sure that we are right when we unreservedly condemn the feeling which prompted these alterations <...>? I find that my feelings call for this 'happy ending.' <...> What we desire for him <Lear> during the brief remainder of his days is <...>what Shakespeare himself might have given him – peace and happiness by Cordelia's fireside. [11: 251-254]

Испытывая неприязнь к сентиментальности Тейта, Брэдли сам весьма вольно трактует Шекспировский сюжет. Его анализ принимает то форму канонизации Корделии (“to use too many words about Cordelia seems to be a kind of impiety” [Idem, 316].[...] “Her image comes before us calm and bright and still” [Idem, 317]), то санации образа Эдгара (“he becomes the most capable person in the story, without losing any of his purity and nobility in mind” [Idem, 305]), то обожания Лира (“There is nothing more noble and beautiful in literature than Shakespeare's exposition of the effect of suffering in reviving the greatness and eliciting the sweetness of Lear's nature” [Idem, 284]). О Гонерилье он пишет, что “she is the most hideous human being (if she is one) that Shakespeare ever drew” [Idem, 300], одновременно отвергая Регану как “less formidable and more loathsome” [Idem, 299] в сравнении с сестрой. В своих лекциях о «Короле Лире» Брэдли фактически изменяет пьесу, порой заходя очень далеко (например, когда переименовывает её в “The Redemption of King Lear” [Idem, 285]). Роман Смайли – своеобразный ответ на подобные манихейские интерпретации «Лира». «Тысяча акров» – это одновременно и переработка канонического литературного произведения, и новое прочтение его. В использовании такой схемы у Смайли есть пред-

шественники. В романе Джин Рис (Jean Rhys, 1890-1979) «Широкое Саргассово море» [в пер. С. Белова – «Антуанетта». – Д. П.] («Wide Sargasso Sea», 1966) рассказывается история первой жены Рочестера из «Джейн Эйр» («Jane Eyre», 1847) Шарлотты Бронте (Brontë, 1816-1855). «Мистер Фо» («Foe», 1986) Дж.М. Кутзее (Coetzee, b. 1940) повествует о Робинзоне Крузо от лица супруги Робинзона. Как и в случае с вышеназванными произведениями, «Тысяча акров» может быть рассмотрен и оценен как автономный текст, однако незнание первоисточника отрицательно сказывается на полноте читательской рецепции. По аналогии с «Широким Саргассовым морем» и «Мистером Фо» стратегическая задача «Тысячи акров» видится в демонстрации востребованности и популярности первоисточника у современного читателя одновременно с критикой и переосмыслением отдельных моментов. Тактические построения, используемые для реализации поставленной цели, различны. Это может быть и возведение в ранг протагониста того персонажа, который в оригинале занимал второстепенное положение или вообще находился на периферии (подобным образом поступает Джин Рис в «Широкое Саргассово море»), и создание совершенно нового характера (тактика Кутзее в «Мистере Фо»). Упомянутые произведения не ограничиваются использованием готовых форм, они их творчески переосмысливают. Постмодернистский характер романов Рис, Кутзее и Смайли несёт в себе ярко выраженную ревизионистскую составляющую. Иначе говоря, эти сочинения рассказывают не столько другую версию известной истории, сколько историю *Другого* и *Другой*. Именно поэтому роман Смайли – не просто пересказ «Короля Лиры» от лица одной из «злых» сестёр, а своеобразный манифест, осуждающий наклеивание упрощённых моральных ярлыков в современных условиях. Ещё одна общая черта перечисленных произведений – феминизм.

Феминистическая тематика имеет сильные корни в американской литературе. Исследователи движения за женское равноправие пишут о четырёх волнах феминизма в Европе и США. Первая волна относится к 1913 году и связана с именем Эмили Уайлдинг Дэвисон (Davison (1872-1913) – одной из первых активисток борьбы за женское избирательное право, получивших название «суфражистки» (от англ. *suffrage* – избирательное право). Протестуя против тюремного заключения соратниц, Дэвисон решила сорвать королевские скачки. 4 июня 1913 года она бросилась под ноги лошади короля Георга V, была тяжело ранена и вскоре скончалась. Это

происшествие повергло Англию в шок, поскольку никогда ещё женщина не убивала себя за идею на глазах у многотысячной толпы. Вторая волна относится к концу 1960-х годов XX века, когда список вопросов на повестке дня женского равноправия значительно расширился; третья волна совпадает с началом 1990-х годов.

Сейчас мы переживаем четвёртую волну феминизма, охватившую весь мир благодаря развитию качественно новых средств распространения информации. В наши дни женщины заявляют о себе не только посредством уличных акций и общественных мероприятий, но и через использование различных интернет-ресурсов. Феминистический дискурс, представленный как художественными, так и публицистическими текстами, становится всё более обширным. Обобщённым выражением концепта «женской доли» в американском языковом сознании конца XX века можно считать высказывание героини рассказа Пэм Хьюстон (Houston, b. 1962) «Ковбои – моя слабость» (Cowboys Are My Weakness, 1992) помещённое в сильную позицию – концовку рассказа:

I listened to country music the whole way to Cody, Wyoming. The men in the songs were all either brutal or inexpensive and always sorry later. **The women were victims, every one.** [18: 251-254]

Вместе с тем «Тысячу акров» от своих прекурсоров отличает ряд существенных штрихов. Прежде всего, Смайли усложнила авторскую задачу, переместив персонажей своей переработки в абсолютно отличные от исходного текста время и пространство. У Джин Рис мы обнаруживаем, что Берту изначально звали Антуанеттой, у Кутзее писатель носит фамилию Фо, а не Дефо, человек на острове – Cruso вместо Crusoe, однако нет сомнения в том, что эти действующие лица наследуют тот же самый мир, из которого они были взяты. У Смайли же Джинни не есть Гонерилья, а Роуз не является Реганой. Дело не только в том, что соответствия между пьесой и романом приблизительны (хотя основные персонажи узнаваемы), а место действия перенесено из древней Британии в Америку 70-х. Суть отличия «Тысячи акров» от «Широкого Саргассова моря» и «Мистера Фо» видится в манипуляциях, с помощью которых автор преодолевает ограничения, накладываемые первоисточником, одновременно осуществляя с ним постоянную переключку. На последних страницах «Широкого Саргассова моря» Антуанетта *должна* умереть, так как Рис связана текстом Бронтэ, самой же Джейн Эйр отводится место на периферии сюжета, в

конце «Мистера Фо» Крузо исчезает, а сюжет «Робинзона Крузо» («Robinson Crusoe», 1719) отходит на задний план по отношению к метахудожественным вопросам повествовательных взаимосвязей. Смайли выбирает свой путь. Оригинальность её метода проистекает не столько из формальных различий (Джинни выживает, а Гонерилья – нет), сколько из преобразования жизненного опыта своей героини таким образом, который вряд ли был предсказуем в начале романа. В то время как Рис и Кутзее создают альтернативные версии историй, которые сами стали мифами; версии, которые соревнуются со своими источниками, Смайли в рамках Шекспировской мифической апокалиптической мелодрамы обнаруживает повседневный реализм. Таким образом, «Широкое Саргассово море» и «Мистер Фо» могут быть образно рассмотрены как палимпсесты, в которых остатки «Джейн Эйр» и «Робинзона Крузо» едва различимы, а «Тысяча акров» – как тёмное покрывало поверх скелета «Короля Лира», которое одновременно затемняет и вычленяет контуры оригинала.

Перемещение истории Лира из «Короля Лира» в «Тысячу акров» потребовало от Смайли выхода не только за исторические, географические, жанровые, но и гендерные рамки оригинала. В отличие от «Широкого Саргассова моря» и, например, «Лира» Эдварда Бонда, роман Смайли – переработка женщиной произведения, написанного мужчиной. Данное обстоятельство неизбежно повлекло за собой ряд содержательных и формальных сдвигов при трактовке классического сюжета. Выбирая Джинни своим рассказчиком, Смайли пытается реабилитировать в сознании читательской аудитории давно клейменых позором сестёр из шекспировской пьесы. В этом отношении писательница выступает продолжателем традиции феминистских прочтений «Короля Лира», берущей начало у Джойс Кэрол Оутс (Oates, b. 1938) [24] и разрабатываемой критиками Кэтлин МакЛаски [21], Питером Эриксоном [15; 16], Марианной Нови [22; 23] и Мартой Розетт [26]. Общая черта подобных интерпретаций – стремление не столько объяснить текст, сколько раздвинуть его рамки в новых направлениях, проверить образы и структуры исследуемого произведения на прочность и гибкость, обрисовать альтернативные сценарии развития событий.

Драма заменяется у Смайли повествованием от первого лица. Почти все основные эпизоды пьесы Шекспира (сцена бури, ослепление Глостера, примирение Лира и Корделии, смерть Лира) находят прямое или опосре-

дованное отражение в тексте романа. Однако на передний план в «Тысяче акров» выносятся многое из того, что в «Короле Лире» находилось за сценой. В особенности это касается развития отношений между тремя главными злодеями – Эдмундом, Гонерильей и Реганой. Становится ясным, насколько при переработке классического сюжета важен вопрос о количестве и характере заимствований из первоисточника.

Джинни начинает свой рассказ с возвращения Джесса Кларка (фигура Эдмунда) в родной дом, который он покинул 13 лет назад, чтобы избежать призыва на войну во Вьетнаме. Она делится наблюдением, что в его отсутствие “everything about him slipped into the category of the unmentionable” и надеется, что он “break through the surface of everything that hadn't been said about him over the years” [29: 6-7]. В этой же главе, касаясь отношений со своей сестрой Роуз, Джинни замечает, что “every other relationship was marked by some sort of absence” [Idem, 8], и после рассказа о шоссе у фермы утверждает: “The view along the Scenic [...] taught me a lesson about what is below the level of the visible” [Idem, 9]. С самого начала в романе реализуются концепты “disappearance”, “absence”, “silence”; присутствуют мотивы невидимого, табуированного, ощущается атмосфера недосказанности. Мир «Тысячи акров» полон тайн. Сильная сторона романа – способность Смайли мастерски хранить эти секреты и своевременно раскрывать их перед читателем.

Одно из самых «корневых» разоблачений приходится почти точно на середину текста. Повторяющиеся выкидыши Джинни вероятно вызваны загрязнением водных запасов на ферме в результате использования химических удобрений. Шок от этого открытия усиливается со словами Джесса: «People have known for ten years or more that nitrates in well water cause miscarriages and death of infants» [Idem, 165]. Когда Джинни осознаёт, что страданий можно было избежать, вся её горечь изливается на супруга Тая (фигура герцога Альбанского) и на замалчивание этой проблемы среди обитателей фермы:

“We never [...] told anyone we'd had miscarriages. We kept it all a secret. What if there are women all over the country who've had miscarriages, and if they just compared notes – but God forbid we should talk about it!” [Idem, 259]

Вместе с тем ранее в романе Джинни сама приняла участие в этой политике конспирации, скрыв от мужа два последних выкидыша и продолжив попытки зачать без его ведома и согласия. Свою тайную жизнь она

воспринимает как возможность самореализации, в которой ей отказано во внешнем, явном мире:

One of the many benefits of this private project, I thought at the time, was that it showed me a whole secret world, a way to have two lives, to be two selves. I felt larger and more various than I had in years, full of unknowns, and also of untapped possibilities [Idem, 26].

Когда семейные тайны выходят наружу, мир Джинни рушится:

The last few weeks had shown well enough for anyone to understand that the one thing our family couldn't tolerate, that maybe no family could tolerate, was things coming into the open [Idem, 251-252].

В терминах Эйгена Блэйлера (Bleuler, 1857-1939), Джинни испытывает эмоционально-волевою амбивалентность по отношению к психологической установке, которая, кстати, лежит в основе многих современных ток-шоу (вроде *The Oprah Winfrey Show* или *Пусть говорят* с Андреем Малаховым) – утверждающей, что публичное излияние проблем несёт терапевтический эффект. Двойственность переживаний Джинни подтверждается в конце романа, когда она размышляет о том, какое влияние оказали разоблачения на её жизнь:

One benefit, which I have lost, of a life where many things go unsaid, is that you don't have to remember things about yourself that are too bizarre to imagine. What was never given utterance eventually becomes too nebulous to recall [Idem, 305].

Подобно Корделии в «Короле Лире», которая проклинаема и когда молчит, и когда говорит, Джинни в «Тысяче акров» понимает, что временами цена молчания также высока, как и цена слов. Через весь роман проходит неразрешённое противоречие в душе Джинни – противоречие между желанием преодолеть завесу молчания, которая окружает много ключевых событий её жизни, и боязнью того, что подобные действия разорвут не только тонкую материю её социума, но будут губительными и для неё самой.

Одно из «тёмных пятен» в жизни Джинни связано с матерью, чья смерть от рака “before I knew her, before I liked her, before I was old enough for her to be herself with me” [Idem, 93] зачисляет её в “the category of unmentionable”. Вначале Джинни ухитряется придумать “a magic solution” для загадки жизни и смерти матери, воображая, будто её душа переселилась в Роуз:

All I had to do was be mindful of the relationship between them [матерью и Роуз. – Д.П.] (mindful in secret, in a way no one else could be mindful), and gather up the answers, glean the apparently harvested field for overlooked bits. But no [Idem, 94].

Затем она рассматривает возможность начать расследование (a quest) с целью узнать историю матери, стать её биографом, но отказывается от этой затеи:

I was, after all, my father's daughter, and I automatically did believe in the unbroken surface of the unsaid [Ibid.].

Вера, про которую говорит Джинни, достаточно хрупка, в частности потому, что является плодом привычки (automatic), а не убеждения; и вскоре Джинни обнаруживает, что исследует историю своей матери, при этом постоянно задаваясь вопросами относительно полученных сведений. Вот как описывает Джинни свою бабушку по отцовской линии Эдит:

Edith was reputed to be a silent woman [...] My grandfather [...] outlived her by eight more years. I used to wonder what she thought of him, if her reputed silence wasn't due to temperament at all, but due to fear. She was surrounded by men she had known all her life, by the great plate of land they cherished. She didn't drive a car. Possibly she had no money of her own. That detail went unrevealed by the stories [Idem, 132-33].

Как и в случае с вышеприведённой сельскохозяйственной метафорой («glean the apparently harvested field for overlooked bits»), читатель видит неизменный интерес Джинни к тому, что осталось невысказанным, к деталям, которые не получили огласки («went unrevealed by the stories»). Этот интерес выступает аналогом творческого метода Смайли в романе. Раскапывая хорошо разработанный пласт шекспировской пьесы, она концентрируется на фрагментах, в силу разных причин игнорируемых критиками и литературоведами, и уже из них реконструирует модифицированную историю. Смайли далеко не первый «археолог от литературы», поступающая подобным образом. Например, викторианские читатели могли узнать мельчайшие подробности детства Шекспировских героинь из сборника Мэри Кларк (Clarke, 1809-1898) «The Girlhood of Shakespeare's Heroines» (1850–52).

Удивительно, но в собрании Кларк отсутствует глава, посвящённая Корделии. Зато в начале 20 века о детстве младшей дочери Лира достоверно поведал Э.С. Брэдли:

Of all Shakespeare's heroines she [Корделия. – Д.П.] knew least of joy. She grew up with Goneril and Regan for sisters. Even her love for her father must have been mingled with pain and anxiety. She must early have learned to school and repress emotion. She never knew the bliss of young love: there is no trace of such love for the King of France [11; 317].

В свою очередь, Кларк и Брэдли – отнюдь не единственные из критиков Шекспира, кто позволил себе подобные экстратекстуальные спекуляции, трактуя персонажей его пьес так, будто они вели независимое существование вне рамок своих произведений. К другим примечательным примерам применения подобной тактики можно отнести труды английских романтиков-эссеистов Хэзлитта (Hazlitt, 1778-1830) и Лэма (Lamb, 1775-1834) – «Characters of Shakespeare's Plays» (1817) и «Tales from Shakespeare» (1807) соответственно. В XX столетии схожие приёмы использовал Джон Довер Уилсон (Wilson CH, 1881-1969) при написании работ «Что происходит в “Гамлете”» (What Happens in Hamlet, 1935) и «Судьбы Фальстафа» (The Fortunes of Falstaff, 1943).

Тем не менее, плоды воображения Смайли отличаются от умпостроений Кларк и Брэдли. Кроме того, «Тысяча акров» обладает иммунитетом к особому рода абсурдизмам, которые высмеял Лайонел Чарльз Найтс (Knights, 1906-1997) в эссе «Сколько детей было у леди Макбет?» (How many children had Lady Macbeth?, 1933). Причиной тому явилась не только пронизательность художественного видения автора «Тысячи акров», но и восприимчивость критического прочтения, из которого это видение происходит. В то время как идеализированные образы Кларк и Брэдли вызваны к жизни сентиментальностью, которая самому Шекспиру не свойственна, персонажи Смайли, несмотря на имеющиеся в них отклонения, а подчас и извращения шекспировских первообразов, являют собой пример редкой критической пронизательности. Современный литературный процесс богат произведениями, которые заимствуют различные элементы из шекспировских пьес. Пожалуй, ближайшим к роману Смайли и по духу, и по творческому методу является «Индиго» (Indigo, 1992) Марины Уорнер (Warner, CBE, FBA FRSL, b. 1946). Если замысел «Тысячи акров» родился в результате феминистского прочтения «Короля Лира», то концепция романа Уорнер сводится к постколониальной интерпретации «Бури» (The Tempest, 1610-11).

Общепринятая в современной шекспировской критике тенденция –

признавать в «Короле Лире» политическую пьесу. Но трактовки, которые вытекают из этого посыла, преимущественно концентрируются вокруг проблем государства, королевской власти и т.д., то есть вокруг политики макрокосма. Здесь опять же чувствуется влияние Брэдли, который, проводя аналогии с эпической поэмой Мильтона (Milton, 1608–1674), демонстрировал, что воспринимает пьесу Шекспира как аллегорию борьбы между вселенскими силами добра и зла:

[...] in *King Lear* [...] the conflict assumes proportions so vast that the imagination seems, as in *Paradise Lost*, to traverse spaces wider than the earth [Idem, 181].

Между тем, проблематика «Короля Лира» во многом описывает нужды «неприкрашенного человека», «бедного, голого двуногого животного» [8: 502]. Смайли активно эксплуатирует эту линию, показывая, что динамика пьесы раскручивается вокруг проблем микрокосма. Для Смайли главные конфликты в Шекспировской пьесе разворачиваются между сводными братьями, полами и поколениями и лишь второстепенные – между соперничающими политическими фракциями. Именно поэтому она превращает королевство Лира в ферму, а самого Лира – в фермера Ларри. Эта замена выглядит достаточно убедительно, ведь для локальной общины успешный и уважаемый Ларри – тот же король (или президент). В романе отсутствует свита (в пьесе свита остаётся за сценой), отсутствует шут, роль Кента (Кен Ласалль) значительно сокращена.

Среди эпизодов «Короля Лира», которые Смайли выбрала для непосредственной переработки – сцена 4 во 2 акте, где Гонерилья и Регана противостоят отцу. Писательница объединяет эту часть со столкновением Лира и Гонерильи в сцене 4 акта 1. Это основные конфликты до сцены бури. В Шекспировской пьесе Регана, апеллируя к возрасту Лира, требует от отца вести более умеренный образ жизни:

Регана

Отец, вы стары.

Жизнь ваша у предела. Вам нужна

Поддержка и советы тех, кто знает

Природу вашу лучше вас самих [Idem, 484].

В ответе Лира наблюдается целая гамма чувств и речевых тактик – горькие встречные упрёки и жалость к самому себе:

Лир (поднимаясь)

[...]

Она [Гонерилья. – *Д.П.*] мне вдвое сократила свиту,
Смотрела исподлобья на меня,
Словами ядовитыми язвила. [*Ibid.*]
яростные проклятия:

Лир

[...]

Пусть небеса обрушат месть свою
Ей на голову. Пламя лихорадки,
Спали ее!

[...]

Стремительнее молнии, сверканьем
Ей выжгите бесстыжие глаза!
Болезнь, испепели её гордыню!
Пары болот, разъешьте ей лицо! [*Idem*, 484-485]
льстивое заискивание:

Регана

О боги! И меня, наверно, так же
В припадке гнева будете вы клясть?

Лир

Тебя? О нет! За что ж тебя, Регана?
Твой кроткий нрав мне повода не даст.
Ее надменный взгляд приводит в ярость,
А твой - миротворит. Не станешь ты
Отказывать мне в радостях и средствах
На содержанье моего двора
И запираяться при моем приходе.
Ты не глуха ведь к голосу родства,
Законам вежливости, чувству долга.
Забывать не сможешь ты, что я тебе
Полкоролевства отдал. [*Idem*, 485]
истеричная инвектива:

Лир

[...]

Но все ж ты плоть, ты кровь, ты дочь моя,
Или, верней, болячка этой плоти

И, стало быть, моя болезнь, нарыв,
Да, опухоль с моею гнойной кровью [Idem, 487].
и, наконец, бессвязные угрозы:

Лир

[...]

Я так вам отомщу, злодейки, ведьмы,
Что вздрогнет мир. ещё не знаю сам,
Чем отомщу, но это будет нечто
Ужаснее всего, что видел свет [Idem, 489].

В этой сцене и в сцене 4 в первом акте, где король призывает силы природы наказать Гонерилью бесплодием, феминистки склонны видеть в Лире женоненавистника. Например, Джойс Кэрол Оутс в статье "Is This the Promised End?" прямо заявляет об «анти-женской жестокости» (anti-feminine brutality) пьесы и свойственным «Королю Лиру» страху и ненависти. Оутс обращает внимание на то, что в «Аркадии» (Arcadia, 1590) Филипа Сидни (Sidney, 1554-1586) – одном из источников шекспировской пьесы – против короля восстают его зятья, а не дочери.¹ Феминистские прочтения «Короля Лира» приводят в качестве текстуальных свидетельств мизогинии в пьесе также следующие эпизоды:

1) ответ Лира на достаточно ровное приветствие Реганы «Я рада вашей светлости» [Idem, 483]:

Лир

Еще бы!
А то б я должен был расторгнуть брак
С могилой матери твоей, хранящей
Обманщицы останки [Ibid.].

Вместо того чтобы с благодарностью принять приветствие, король незамедлительно отвечает имплицитной угрозой, попутно задевая честь покойной супруги. Это единственная отсылка к ней в тексте пьесы и, как видит читатель, Лир не питает особо нежных чувств к памяти матери своих дочерей. В приведённых словах может смутить не само желание расторгнуть брак с покойной (что выглядит вполне логичным после того, как король уже отрёкся и от трона, и от двух своих дочерей), а восприятие родственных связей как временных, поставленных в зависимость от послушания. Несдержанность Лира проявляется и в намёке на адюльтер в посмертном контексте;

2) фраза герцога Альбанского «Уродство сатаны \ Ничто пред злобной женщины уродством!» в сцене два четвёртого акта;

3) фрагмент монолога Лира в шестой сцене четвёртого акта:

Лир

[...]

Вот дама. Взглянешь – добродетель, лед,

Сказать двусмысленности не позволит.

И так все женщины наперечет:

Наполовину – как бы божьи твари,

Наполовину же – потемки, ад,

Кентавры, серный пламень преисподней,

Ожоги, немощь, пагуба, конец!

ТЬфу, тьфу, тьфу! [Idem, 535]

В романе Ларри Кларк набрасывается с внезапной горячностью на Джинни:

“[...] You barren whore! I know all about you, you slut. You’ve been creeping here and there all your life, making up to this one and that one. But you’re not really a woman, are you? I don’t know what you are, just a bitch, is all, just a dried-up whore bitch” [29: 181].

Налицо словесная перекличка с Шекспиром (“dried-up whore” напоминает фразу Лира “Dry up in her the organs of increase” [27: 979]), однако в этом эпизоде Смайли хранит верность скорее духу, а не букве первоисточника.

Позднее, вечером, Джинни размышляет «[...] why Daddy had chosen just those terms for me, whore, slut» [29: 185]. Роуз предлагает сестре самое прозаичное объяснение:

“He is crazy. He’s bananas. You can always tell when they go on and on about some conspiracy at work. Or sex. When they bring up sex that’s a sure sign” [Idem, 186].

В речи Роуз примечателен переход от 3 лица единственного числа ко множественному числу. Это – сигнал, что симптомы расстройства Ларри являются родо-видовыми для мужской особи, типичными для мужского безумия, что его поведение, на самом деле странное и непредсказуемое, тем не менее, отвечает определённому образцу. Рассуждая о судьбах предыдущих поколений семейных патриархов, Роуз допускает, что они могли быть не такими, как другие местные фермеры, и, по ходу разговора,

исключительность случая с Ларри становится очевидной; Роуз рассказывает Джинни, что отец начал насилловать их ещё в подростковом возрасте, вскоре после смерти матери. Недоверчивость Джинни (в отличие от сестры её воспоминания о насилии полностью подавлены) обычно не разделяет встревоженный читатель, для которого стараниями автора становится ясна значимость ряда предыдущих загадочных деталей, например:

1) решение Роуз отослать детей в интернат и её предупреждение не открывать дверь Ларри, пока они одни [Idem, 83];

2) разговор Джинни со старой подругой матери, Мэри Ливингстон, которая рассказывает, что мать девочек боялась за их судьбу после её возможной кончины [Idem, 91];

3) постоянное чувство Джинни, что она за что-то прощает отца, когда видит его работающим в поле, хотя она не испытывала по отношению к нему никакого раздражения [Idem, 136];

4) чувство неловкости у Джинни, возникающее каждый раз, когда Кэролайн (фигура Корделии) целует Ларри [Idem, 64];

5) ранние, наполненные драматической иронией, замечания Роуз о Кэролайн (She's the one who got away) [Idem, 99] и Ларри (He thinks it's all basically his) [Idem, 119].

Наиболее же примечателен в плане открывающегося подтекста эпизод в главе 16, где Джинни, приехав в дом отца, чтобы приготовить завтрак, понимает, что забыла принести яйца, т.е., казалось бы, сталкивается с мелкой обыденной проблемой:

He said, "Nobody shopped over the weekend. There's no eggs."

"Oh, darn. I meant to bring them down. I bought some for you yesterday, but I forgot them." I looked him square in the eye. It was my choice, to keep him waiting or to fail to give him his eggs. His gaze was flat, brassily reflective. Not only wasn't he going to help me decide, my decision was a test. I could push past him, give him toast and cereal and bacon, a breakfast without a center of gravity, or I could run home and get the eggs. My choice would show him something about me, either that I was selfish and inconsiderate (no eggs) or that I was incompetent (a flurry of activity where there should be organized procedure). I did it. I smiled foolishly, said I would be right back, and ran out the door and back down the road. The whole way I was conscious of my body—graceless and hurrying, unfit, panting, ridiculous in its very femininity. It seemed like my father could just look out of his big front window and see me

naked, chest heaving, breasts, thighs, and buttocks jiggling, dignity irretrievable. Later, after I had cooked the breakfast and he had eaten it, what I marveled at was that I hadn't just gone across the road and gotten some eggs from Rose, that he had given me the test, and I had taken it [Idem, 115].

В свете откровений Роуз становится очевидным, что раболепие Джинни перед отцом, её готовность потакать самым мелким его причудам, – не просто аналогия, а прямое следствие того, что он физически владел ею. Обострённое самосознание Джинни фиксирует целую палитру переживаний, в то время как она бежит за яйцами, и чувства уязвимости и унижения подсказаны ей не только мелкой уступкой отцу в ситуации с завтраком, но гораздо более серьёзными поражениями в противоборстве с безумным отцом в прошлом. В жертву преступным прихотям отца она принесла не только свою добродетель, но и свою независимость и сексуальность. Ей кажется, что отец раздевает её взглядом именно потому, что он в прямом смысле раздевал её. Женственность мнится ей смешной как раз в силу того, что она восприняла отцовскую мизогинию. Проверка, по которую говорит Джинни – по своей сути та же самая, что была уготована ей и в подростковом возрасте: это тест не только на послушание, но и на способность доставить ему удовольствие.

Сцена бури в романе Смайли, как и в пьесе Шекспира, несёт аллегорический оттенок – она служит внешним коррелятом внутренней, психологической бури в душе Джинни. Разоблачения же Роуз стараниями автора сыграли в этой ситуации роль катализатора.

Когда Роуз говорит своему отцу, что лучше бы ему согласиться жить “this same life, nothing more nothing less” [Idem, 182], Ларри не обрушивает на неё своё возмущение, а обращается к Джинни в мягких тонах:

Now he looked at me again. “You hear her? She talks to me worse than you do.” Now he sounded almost conciliatory, as if he could divide us and conquer us. I stepped back. All at once I had a distinct memory of a time when Rose and I were nine and eleven, and we had kept him waiting after a school Halloween party that he hadn't wanted us to go to in the first place. I had lost a shoe in the cloakroom, and Rose and I looked for it madly while the other children put on their coats and left. We never found it, and we were the very last, by five or ten minutes, to come out of the school. Daddy was waiting in the pickup. Rose got in first, in her princess costume, and I got in beside the door, careful to conceal my stockinged foot. I was dressed as a hobo. Daddy was

seething, and we knew we would get it just for being late when we got home. There was no telling what would happen if he learned about the shoe.

It was Mommy who betrayed me. When I walked in the door, she said, “Ginny! Where’s your shoe?” and Daddy turned and looked at my foot, and it was like he turned to fire right there. He came for me and started spanking me with the flat of his hand, on the rear and the thighs. I backed up till I got between the range and the window, and I could hear Mommy saying, “Larry! Larry! This is crazy!” He turned to her and said, “You on her side?”

Mommy said, “No, but”

“Then you tell her to come out from behind there. There’s only one side here, and you’d better be on it” [Idem, 183].

В вышеприведённом эпизоде Смайли явно следует за Шекспиром. В четвёртой сцене второго акта Лир начинает свою речь с попытки вызвать у Реганы возмущение тем, как её сестра обращается с ним. Лир пытается сыграть на контрасте между неблагодарностью Гонерильи и чувством долга Реганы (см. цитату выше). Когда он обнаруживает, что средняя дочь готова позволить ему даже меньше свиты, чем старшая, он решает воссоединиться с Гонерильей, основываясь на том, что «Полсотни больше двадцати пяти / В два раза, значит – ты в два раза лучше» [8: 488]. Лиру вообще свойственно оценивать своих дочерей в меркантильных терминах – в первой сцене первого акта он сообщает герцогу Бургундскому, что «Мы, герцог, раньше дорожили ею [Корделией. – Д.П.] / Не то теперь. Её цена упала» [Idem, 437].

В пьесе Шекспира Лир всё время сталкивает дочерей между собой. Это касается не только Гонерильи и Реганы, но и Корделии – в начале трагедии она подстрекаема отцом не только сравниться с экстравагантными признаниями в дочерней любви своих сестёр, но и превзойти их:

Лир

[...]

Что скажешь ты, чтоб заручиться долей

Обширнее, чем сестрины? Скажи [Idem, 432].

Среди многочисленных экранизаций «Короля Лира» наиболее выпукло эта язвительная черта Лира воплощена сэром Иэном Холмом в постановке BBC 1998 года [34]. Традиционная критика склонна видеть в этой особенности королевского поведения старческий каприз и эгоизм. Смайли же наполняет эту и подобные детали в тексте достаточно мрачными им-

пликациями. В пьесе Шекспира восклицание Лира при встрече Гонерильи и Реганы «Ужель, Регана, ты подашь ей руку?» [Idem, 486] – возглас уязвлённого самолюбия, замечание Ларри в той же ситуации встречи двух сестёр в романе Смайли (“That’s right. Hold hands.” [29: 180]) – сардоническая усмешка женоненавистника при виде женской солидарности, которую он всегда старался предотвратить либо путём физического насилия (как в случае с потерянной туфлей), либо путём угроз, либо путём интриг и уговоров. Для Ларри лояльность – абсолют, его сознание полностью подчинено ложной дихотомии «кто не со мной, тот против меня», и в этом кстати, он более всего похож на Лира, чьё обращение с Кентом хорошо иллюстрирует неспособность короля отличить критику от оппозиции. Ларри, вслед за Лиром – настоящий феодал, требующий от своих вассалов исключительной преданности. Когда Роуз рассказывает Джинни о насилии Ларри, она признаётся:

"Well, I was afraid he'd try something with Caroline, and she was only eight or ten. But I was flattered, too. I thought that he'd picked me, me, to be his favorite, not you, not her. On the surface, I thought it was okay, that it must be okay if he said it was, since he was the rule maker. He didn't rape me, Ginny. He seduced me. He said it was okay, that it was good to please him, that he needed it, that I was special. He said he loved me" [Idem; 190].

Намеренно провоцируя соперничество между дочерьми, коварно используя принцип «разделяй и властвуй», Ларри сохраняет свой авторитет. В конце книги Джинни делится наблюдением:

Of course it was silly to talk about “my point of view.” When my father asserted his point of view, mine vanished [Idem; 176].

Стратегия Ларри временно терпит неудачу перед лицом совместной решимости дочерей стоять твёрдо заодно, однако отголоски его политики всё-таки сыграют свою роль в расколе между сёстрами на почве любви к Джессу. Смайли воспроизводит шекспировский треугольник Эдмунд – Гонерилья – Регана. Соперничество между Лореном и Джессом в романе корреспондирует с патримониальной борьбой между Эдгаром и Эдмундом в пьесе.

Пьеса Шекспира изображает не просто междоусобную схватку Лира с дочерьми, и не только конфликт поколений, но и столкновение мужских и женских ценностей. Лир, взывая к богам в четвёртой сцене второго акта, заявляет:

Лир

[...]

Я не хочу,

Чтоб средства женской обороны – слёзы –

Пятнали мне мужские щёки! Нет! [8: 489]

Эти слова – эхо уязвлённой мужской гордости в сцене 4 первого акта:

Лир

[...]

(Гонерилье)

О жизнь и смерть! Стыжусь, что я забыл

Из-за тебя о том, что я мужчина,

Что эти слёзы вызваны тобой,

Нисколько их не стоящей [8: 460].

Шекспировский Лир своими речами и поступками выражает патриархальный дискурс, который очень консервативен по отношению к социальным функциям полов. В частности, король постоянно навешивает пейоративные ярлыки и ассоциирует дочерей с хищными созданиями животного мира. Однако в романе Смайли патриархат выступает не просто как инструмент консервативной доктрины «женщина, знай своё место», но как система ментального и физического насилия. Эта система манифестирует себя в «Тысяче акров» как дискурс недоверия, при котором «женское» для мужских персонажей книги является синонимом «чужого», и всё, чего касается женщина, ассоциируется со страхом, подозрением и нетерпимостью.

После бури, Гарольд (фигура Глостера) идёт повидать Джинни. Он намекает на то, что сёстры должны извиниться перед отцом. Обращаясь к ней «girlie», Гарольд наставляет её по поводу этики совместного труда в общине, важности подчинения личных интересов интересам фермы:

"[...] One person don't break a farm up that lots of people have sweated and starved to put together." Harold was beginning to heave with anger. "If you'd have been sons, you'd understand that. Women don't understand that" [29: 204].

Как видно из приведённой цитаты, Гарольд отстаивает нормы отнюдь не общинной, а маскулинной этики, и всё, что требует самоотдачи, он считает наследственно чуждым для женщин. То, что в романе Смайли Гарольд выведен подобным образом, вряд ли удивительно. Сам Гарольд говорит, что они друзья с Ларри уже более 60 лет. В трагедии Шекспира

Глостер также выступает верным соратником Лира. Замечания графа в начале пьесы о матери Эдмунда, с феминистской точки зрения, вполне могут быть расценены как сексуально-объективированные, а его утверждения в четвёртой сцене третьего акта о том, что дочери Лира замышляют его гибель, при желании, подвергнуты сомнению. У Смайли сходство между двумя мужскими персонажами подчёркнуто похожестью их фамилий – Cook и Clark.

Тай постоянно обращается к Джинни и Роуз “you women”. Обсуждая эксцентричное поведение Ларри во 2 книге романа, Тай упрекает свою жену: “You women don’t understand your father at all” [Idem, 103], “But you women could handle it better. You could handle him better” [Idem, 104]. Позднее он ставит в укор сёстрам недостижение компромисса в их споре с отцом по поводу владения и управления фермой:

His voice suddenly barbed with resentment, he said, “Well, you might feel like you’re waking from a dream, but I feel like I’m having a nightmare. I was so excited about the hog operation! That was my dream, and it was coming true. I was working around your father! I was bringing him into things bit by bit. I never thought it would be easy, but I thought I was making progress, and then you women just wrecked it, you just got him all fired up” [Idem, 261].

В своём последнем разговоре с Джинни, ближе к концу книги, он продолжает возводить гендерные «линии огня» между дочерьми и отцом:

“Ginny” Resentful frustration edged his tone. He heard it and began again, more carefully.

“Ginny, when your father told me what to do and how to farm, I paid attention. Otherwise, I didn’t. But he always threw you women into a panic” [Idem, 343].

Тай наделяет Джинни и Роуз той же непоследовательностью и иррациональностью, которые он наблюдал у своей матери:

After a moment, he said, “The thing I don’t understand about women is how cut and dried they are.[...]” [Idem, 341].

Словесное эхо оскорбления, которое нанёс Ларри своей дочери (“dried-up whore”), призвано продемонстрировать, что удивление Тая перед организацией женщин лишь маскирует его подозрительность и враждебность по отношению к ним.

Джесс (как и Тай) поначалу располагает к себе, однако в конце романа он, обманув Джинни, разрушив ферму, оставляет Роуз и её детей на произвол судьбы.

Таким образом, все мужские персонажи романа своими словами и поступками дополняют и укрепляют brutальную систему, в рамках которой женщины бесправны и не востребованы как личности.

Олицетворяет эту систему в романе, конечно, Ларри. Джинни делится наблюдением:

My mother died before she could present him to us as only a man, with habits and quirks and preferences, before she could diminish him in our eyes enough for us to understand him. I wish we had understood him. That, I see now, was our only hope [Idem, 20].

По ходу развития событий читатель убеждается в том, что Ларри не просто «a man, with habits and quirks and preferences», но что он есть продукт общества, истории, идеологии. Роуз, комментируя тот факт, что её муж, Пит (фигура герцога Корнуэльского), расценил насилие Ларри над ней скорее как угрозу своему маскулинному авторитету, чем в терминах сострадания, объясняет Джинни:

“[...]At the core, they’re all like that.”

“We think that because of Daddy. If he hadn’t – If he had been –”

She sat up and looked at me. “Say the words, Ginny! If he hadn’t fucked us and beat us we would think differently, right?”

“Well, yeah.”

“But he did fuck us and he did beat us. He beat us more than he fucked us. He beat us routinely. And the thing is, he’s respected. Others of them like him and look up to him. He fits right in. However many of them have fucked their daughters or their stepdaughters or their nieces or not, the fact is that they all accept beating as a way of life. We have two choices when we think about that. Either they don’t know the real him and we do, or else they do know the real him and the fact that he beat us and fucked us doesn’t matter. Either they themselves are evil, or they’re stupid. That’s the thing that kills me. This person who beats and fucks his own daughters can go out into the community and get respect and power, and take it for granted that he deserves it” [Idem, 302].

В конце романа, когда Тай приходит к Джинни за разводом, старшая сестра решает, какой из обозначенных Роуз вариантов отражает действительность:

"The thing is, I can remember when I saw it all your way! The proud progress from Grandpa Davis to Grandpa Cook to Daddy. When 'we' bought the first tractor in the county, when 'we' built the big house, when 'we' had the crops

sprayed from the air, when 'we' got a car, when 'we' drained Mel's corner, when 'we' got a hundred and seventy-two bushels an acre. I can remember all of that like prayers or like being married. You know. It's good to remember and repeat. You feel good to be a part of that. But then I saw what my part really was. Rose showed me." He opened his mouth to speak, but I stopped him with my hand. "She showed me, but I knew what she showed me was true before she even finished showing me. You see this grand history, but I see blows. I see taking what you want because you want it, then making something up that justifies what you did. I see getting others to pay the price, then covering up and forgetting what the price was. Do I think Daddy came up with beating and fucking us on his own?" Ty winced. "No. I think he had lessons, and those lessons were part of the package, along with the land and the lust to run things exactly the way he wanted to no matter what, poisoning the water and destroying the topsoil and buying bigger and bigger machinery, and then feeling certain that all of it was 'right,' as you say" [Idem, 342-343].

В приведённом абзаце Джинни обращает внимание на эксплицитные маркеры того, что её семейная история (и, имплицитно, история в целом, — как авторизованная или официальная версия событий) «завязана» на гендерную проблематику. В её речи фамильная история выступает как инструмент патриархата, как способ объяснения и оправдания фундаментально репрессивной системы, как приём подачи тенденциозных и преследующих собственные интересы взглядов в качестве абсолютных, непреложных истин. Вдумчивому читателю Джинни говорит о том, что любая история сообщает лишь часть истины: те же самые события, в тот же период времени, будут иметь разное значение для разных людей.

В своём монологе, Джинни, однако, не доходит до исторического релятивизма, так как не отрицает существования правдивой семейной истории: она лишь настаивает на том, что отец и другие мужчины в романе упрямо избегают, замалчивают, отрицают подлинную историю семьи, конфронтируют с ней, — вот мысль, лежащая в основе «Тысячи акров». Именно отрицание того, что было, позволяет Ларри продолжать осуществлять тиранический контроль над своими детьми. Роуз прекрасно разгадала этот механизм и призывает Джинни противостоять ему, никогда не забывая того, что им довелось пережить:

She lowered her voice, grasped the front of my shirt, and pulled me to her. "I know this. I know that his face is a black ocean and there's always always

always the temptation to drown in that ocean, to just give yourself up and sink. You've got to stare back. You've got to remind yourself what he is, what he does, what he did. Daddy thinks history starts fresh every day, every minute, that time itself begins with the feelings he's having right now. That's how he keeps betraying us, why he roars at us with such conviction. We have to stand up to that, and say, at least to ourselves, that what he's done before is still with us, still right here in this room until there's true remorse. Nothing will be right until there's that."

"He looks so, sort of, weakened."

"Weakened is not enough. Destroyed isn't enough. He's got to repent and feel humiliation and regret. I won't be satisfied until he knows what he is."

"Do we know what we are?"

"We know we aren't him. We know that to that degree we don't yet deserve the lowest circle of Hell."

It was incredible to me to hear Rose speak like this, but it was intoxicating, too, as sweet and forbidden as anything I had ever done. I couldn't resist her. I said, "Rosie, I understand. I'm with you." She planted a kiss on my cheek and let go of my shirt. I saw that some people were looking at us, including Ty, suspicious, and Pete, amused, from different parts of the room [Idem, 216].

Сама Роуз не забывает и о том, что Ларри творит бесчинства с молчаливого попустительства фермерской общины:

"[...] I wanted him to feel remorse and know what he did and what he is, but when you see him around town and they talk about him, he's just senile. He's safe from ever knowing. People pat him on the head and sympathize with him and say what bitches we are, and he believes them and that's that, the end of history. I can't *stand* that." Her voice thrilled up the scale [Idem, 303].

Замалчивание проблем разрушительно сказывается на обитателях фермы. Осознав, что он сотворил с дочерьми, Ларри быстро скатывается к сенильной деменции, Пит совершает самоубийство, а Тай вынужден распрощаться с мечтами о свиноферме. Патриархат в романе зиждется на кодексе молчания. Так, о сексуальном насилии со стороны Ларри, Тай замечает:

"Maybe it happened. I don't say it didn't. But it doesn't make me like her [Роуз. – Д.П.] any more. I think people should keep private things private" [Idem, 340].

Тай, вероятно, не осознаёт, что именно заговор молчания сделал возможным для Ларри творить свои грязные дела на протяжении долгого

времени. Смайли же предлагает феминистскую альтернативу, смысл которой заключается в том, что проблемы стоит обсуждать, делиться ими с окружающими. В этом разном подходе к переживанию страданий, по наблюдению Джинни, заключается одно из коренных отличий мужчин и женщин:

...there seemed to be a dumb, unknowing quality to the way the men had suffered, as if, like animals, it was not possible for them to gain perspective on their suffering. They had us, Rose and me, in their suffering, but they didn't seem to have what we had with each other, a kind of ongoing narrative and commentary about what was happening that grew out of our conversations... [Idem, 113].

В «Тысяче акров» отсутствует картина трогательных отношений между сёстрами, речь не идёт о полнейшем взаимопонимании между ними. Соперничество сестёр из-за Джесса Кларка, кульминацией которого является попытка Джинни (вслед за Гонерильей) отравить Роуз, лишь подтверждает правило «где тонко, там и рвётся», ибо их дружба никогда не отличалась прочностью. Кэролайн, по-видимому, вообще не воспринимает всерьёз слова сестёр:

“I just won't listen to you! You never have any evidence! The evidence isn't there! You have a thing against Daddy. It's just greed or something.” She abruptly looked me in the face. “I realize that some people are just evil.” For a second, I thought she was referring to Daddy. Then I realized she was referring to me. But I was unmoved. There was not even the usual inner clang of encountering dislike. This was Caroline. Truly we were beyond like and dislike by now [Idem, 363].

«Тысяча акров» – опыт ухода от традиционного (представленного Брэдли и др.) прочтения «Короля Лира», попытка услышать и понять Гонерилью и Регану. Разрешая Джинни «объясниться», но уже не для того, чтобы выполнить волю отца, подобно Корделии в «Короле Лире», а ради свободного от рекурсивного морализаторства выражения своей позиции, Смайли преследует феминистские цели и пользуется феминистской стратегией. Однако Джинни – дочь своего отца не только в прямом, но и в фигуральном смысле: в конце романа её голос звучит бескомпромиссно. Её правда стала единственно возможной. Если на мужчин в «Тысяче акров» пагубно повлиял существующий на ферме кодекс молчания, то на женщинах не менее разрушительно сказалось раскрытие семейных тайн. Про-

блема амбивалентности осталась неразрешённой. Читателю оставлен выбор – доверять Джинни или нет как рассказчице, но, очевидно, что её рассказ выстрадан и несёт следы собственного горького опыта: хотя она и выживает, она в некотором смысле остаётся жертвой. Эксплуатируя двусмысленность некоторых эпизодов, а подчас и отдельных слов в «Короле Лире», Джейн Смайли развивает и усложняет эмоциональную канву шекспировской пьесы. Массовый читатель в этом замысловатом процессе рискует воспринять лишь замену полюсов – с «плюса» на «минус» по сравнению с первоисточником. Именно поэтому в сознании широкой читательской аудитории за «Тысячей акров» закрепилась слава «версии Гонерильи». Конец книги вряд ли можно назвать жизнеутверждающим – Смайли далека от того, чтобы выступить в роли утешителя (в противоположность Тейту). Взамен этого читательскому вниманию предлагается сильная феминистская проза и интригующая переработка шекспировского сюжета.

Примечания

¹ “Lear goes on to rail against Goneril and Regan as if their attitude toward him, in subsequent scenes, sprang from something inherently feminine in their nature, even something erotic; but in fact both daughters are behaving toward the old King, at this point in the play, like rebellious sons who are testing their father's authority. There is nothing feminine about them at all, and in the original Lear story in the *Arcadia* it was really Lear's sons-in-law who rebelled against him in order to get his kingdom, not his daughters. But Shakespeare deliberately goes against his source and makes both daughters enemies, and Albany a sympathetic character. In order to give a poetic wholeness to the antifeminine brutality of the play, it was necessary that Shakespeare do this...” [24; 26].

Список литературы

- 1 Бонд Э. Лир // Волга. 1998. № 1. С. 95-150.
- 2 Бронте Ш. Джейн Эйр. М. : Внешиберика, 1992. 510 с.
- 3 Дефо Д. Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо // Библиотека приключений в 20 т. М. : Металлургия, 1982. Т.1. 328 с.: с ил.
- 4 Кутзее Дж. М. Мистер Фо, или Любовь и смерть Робинзона Крузо. М. : Эксмо; Спб. : Домино, 2012. 208 с.
- 5 Милтон Дж. Потерянный рай. Возвращенный рай. Другие поэтические произведения. М. : Наука, 2006. 860 с.
- 6 Рис Дж. Антуанетта // Рис Дж., Куксон К. Антуанетта. Круглая башня. М. : ННН, 1996. С. 5-152.
- 7 Стоппард Т. Розенкранц и Гильденстерн мертвы // Стоппард Т. Розенкранц

- и Гильденстерн мертвы и другие пьесы. М. : Иностранка, 2006. С. 5-134.
- 8 Шекспир У. Король Лир // Шекспи У. Полное собрание сочинений: в 8 т. / под общ. ред. А. Смирнова и А. Аникста. М. : Искусство, 1960. Т.6. С.427-568.
- 9 *Anonymous*. The True Chronicle History of King Leir // Lee, S. (Ed.) The chronicle history of King Leir: the original of Shakespeare's "King Lear". L. : Chatto & Windus, MCMIX. P. 1-107.
- 10 Bleuler E. Textbook of Psychiatry. NY: Macmillan,1934. 635 p.
- 11 Bradley A.C. Shakespearean Tragedy. L. : Macmillan & Co, Ltd., 1937. 498 p.
- 12 Clarke M.C. The Girlhood of Shakespeare's Heroines. NY : G.P. Putnam's Sons, 1878. 473p.
- 13 Coetzee J. M. Foe. L. : Penguin Books, 2010. 157 p.
- 14 Defoe D. Robinson Crusoe. NY : Cosmopolitan Book Corporation, MCMXX. 368 p.
- 15 Erikson P. Patriarchal Structures in Shakespeare's Drama. Berkeley : University of California Press,1985. 209 p.
- 16 Erikson P. Rewriting Shakespeare, Rewriting Ourselves. Berkeley : University of California Press,1994. 228 p.
- 17 Hazlitt W. Characters of Shakespeare's Plays. L. : J.M. Dent & Sons, Ltd.; NY : E.P. Dutton & Co., 1921. 275 p. (Everyman's Library # 65)
- 18 Houston P. Cowboys are my weakness: stories. NY : Washington Square Press, 1992. 171 p.
- 19 Knights L.C. How many children had Lady Macbeth? // Knights L.C. Explorations. NY : George W. Stewart, Inc., 1947. P. 15-54.
- 20 Lamb Ch., Lamb, M. Tales from Shakespeare. Philadelphia : David McKay Company Publishers, 1922. 377 p.
- 21 McLuskie K. The patriarchal bard: feminist criticism and Shakespeare: *King Lear* and *Measure for Measure* // Dollymore J., Sinfield, A. (Ed.) Political Shakespeare: Essays in Cultural Materialism. Manchester : Manchester University Press, 1994. P. 88-108.
- 22 Novy M. (Ed.) Women's Re-Visions of Shakespeare. Urbana : University of Illinois Press, 1990. 260 p.
- 23 Novy M. (Ed.) Cross-Cultural Performances: Differences in Women's Re-Visions of Shakespeare. Urbana University of Illinois Press, 1993. 274 p.
- 24 Oates J. C. "Is This the Promised End?": The Tragedy of King Lear // The Journal of Aesthetics and Art Criticism. Vol. 33, No. 1 (Autumn, 1974). P. 19-32.
- 25 Phin, J. The Shakespeare Cyclopædia and New Glossary. L. : Paul, Trench, Trübner & Co.,1902. 428 p.
- 26 Rozett M.T. Talking Back to Shakespeare. Newark : University of Delaware Press,1994. 215 p.
- 27 Shakespeare W. The Tragedy of King Lear // Shakespeare W. The Complete Dramatic and Poetic Works / Ed. by W.A. Neilson. Boston & NY : Houghton Mifflin Company : Cambridge : The Riverside Press, 1906. P. 971-1006.
- 28 Sidney P. The Countess of Pembroke's Arcadia. L.: George Routledge & Sons, Ltd; NY : E.P. Dutton & Co., 1907. 678 p.
- 29 Smiley J. A Thousand Acres. NY : Fawcett Columbine,1992. 371 p.

- 30 Tate N. The History of King Lear // Shakespeare adaptations. L. : Jonathan Cape, MCMXXII. P. 177-254.
- 31 Warner M. Indigo. NY : Simon & Schuster, 1992. 384 p.
- 32 Wilson J. D. The Fortunes of Falstaff. Cambridge : Cambridge University Press, 1979. 152 p.
- 33 Wilson J. D. What Happens in Hamlet. Cambridge : Cambridge University Press, 1959. 357 p.
- 34 URL: <http://imdb.com/title/tt0148376/> (дата обращения: 10.02.2014).

ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В КАРТИНЕ МИРА ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЦЕВ ДОМОНГОЛЬСКОГО ПЕРИОДА

Т.А. ГРИЦЕНКО
(Курган, Россия)

В основу статьи положено летописание XI-XIII вв., составители древнерусских сводов этих лет оставили после себя богатое наследие в виде обширного и разнообразного по своему составу материала о природных явлениях. Изучение содержания этой стороны летописания представляет интерес, прежде всего тем, что в нём наиболее ярко отразились особенности средневекового мировоззрения. В выявлении специфики воззрений летописцев на природу и будет заключаться основная цель настоящей статьи. При этом для нас важно установить способы, к которым прибегали летописцы при истолковании необычных феноменов природы и причины их устойчивого интереса к природным процессам.

Источниками для изучения послужили: «Повесть временных лет» (далее – ПВЛ), Лаврентьевская (далее – ЛЛ), Ипатьевская (далее – ИЛ) и Новгородская первая летопись (далее – НПЛ).

Поскольку первыми книжниками в Древней Руси были монахи – люди, чей взгляд на мироустройство ограничивался рамками религиозной идеологии, то существует общепринятая точка зрения о том, что все необычные феномены природы в древнерусском летописании рассматриваются сквозь призму христианских традиций. На христианскую трактовку природных явлений обратили внимание ещё в советский период В.В. Кусков и Д.С. Лихачев, однако более глубокое изучение эта проблема получила в трудах современных учёных: А. Лаушкина, А.А. Пауткина,

Д.В. Пузанова. Все исследователи сходятся к одному общему мнению о том, что тема природных явлений занимает на страницах летописей заметное место. При этом сообщения о *небесных знамениях* (солнечные и лунные затмения, кометы, метеориты, гало и проч.) больше и чаще освещаются летописцами, чем сообщения о стихийных бедствиях. По словам А. Лаушкина, летописцы не только рассказывают о неурожаях и голоде, наводнениях и пожарах, эпидемиях и эпизоотиях, бурях и саранче, но и стремятся сформировать у читателя правильное христианское отношение к этим явлениям [8: 27].

Мировоззренческая позиция летописца подробно изложена в обширной статье ПВЛ под 6576 (1068) годом. Эта статья представляет собой своеобразный критический очерк, в котором летописец обращается к читателям в качестве проповедника с целью научить смотреть на мир *умными очима*. Согласно рассуждениям летописца, причина несчастий, выпавших на долю Руси, кроется в самих людях: *«Когда же впадает в грех какой-либо народ, казнит Бог его смертью, или голодом, или нашествием поганых, или засухой, или гусеницей, или иными казнями, чтобы мы покаялись, ибо Бог велит нам жить в покаянии»* [12: 210]. В качестве убедительных аргументов летописец использует слова пророка из Священного Писания, устами которого, «говорил» сам Господь: *«<...> И порази вас зноем и различными казнями, но и тут вы не обратились ко мне. Потому сады ваши, смоковницы ваши, нивы и дубравы ваши погубил я, – говорит Господь, – а злоб ваших не мог уничтожить. Послал на вас различные болезни и смерти ужасные и на скот ваш послал казнь свою, но и тогда не обратились ко мне <...>»* [12: 210]. Цитируя слова пророка, летописец обличает соотечественников в неискренности их веры. Люди творят беззаконие, искажают божьи заповеди, не соблюдают их: *«Устами чтут меня, а сердце их далеко отстоит от меня»*, за что и бывают наказаны. Но в словах пророка летописец находит не только «разгадку» происхождения стихийных бедствий, он знает, как можно избежать подобных проблем: *«Обратитесь ко мне – и я обращусь к вам, – говорит Господь, – и разверзу вам хляби небесные и отвращу от вас гнев мой, пока не будет у вас всего в изобилии и не станут истощаться ни сады ваши, ни нивы»* [12: 210-211]. Летописец призывает читателей обратиться от зла к добру, он настаивает на покаянии, смирении перед Господом, так как видит в этом единственный путь спасения.

Как видно из приведённых примеров, в основе суждений летописца лежит христианская идеология, распространение которой являлось для древнерусских книжников первостепенной задачей. Но, несмотря на строгое подчинение религиозным канонам, в летописные зарисовки о природных явлениях неизбежно проникали дохристианские элементы народных верований. К примеру, в статьях о небесных знамениях комета и метеорит предстают перед взором читателя в образе *привеликого летучего змея* – мифологический персонаж древнерусского народного эпоса. Подробно этот образ изучен А.Н. Афанасьевым в книге «Древо жизни» [1]. «*Въ лето 6722 (1214). Месяця февраря въ 1 день, въ неделю сыропустную, громъ бысть по заутренши, и вси слышаша; и потом тѣгда же змы видеша летящъ*» [10: 52]. Небесные знамения наводили на людей суеверный страх и воспринимались как недоброе предзнаменование, предупреждающее о приближении Божьего наказания за грехи: «*Се же проявляше не на добро: по семъ бо быша усобица многы и нашествие поганых на Рускую землю*» [10: 184-185].

Исследование показало, что традиционная мифологическая образность широко использовалась древнерусскими книжниками для осмысления необычных природных явлений, однако это не мешало им подвергать языческие верования резкой критике. Вернемся к рассмотренной нами выше статье из ПВЛ под 1068 г. Установив причину возникновения стихийных бедствий и способ их преодоления, летописец обращает свою обличительную речь в сторону народных суеверий: «*Вот разве не по-язычески мы живем, если во встречу верим? Ведь если кто встретит черноризца, то возвращается, так же поступает и встретив кабана или свинью, – разве это не по-язычески?»* [12: 211]. Автор этих строк признает тот факт, что христианство не смогло до конца победить язычество: «*называемся христианами, а живем, как язычники*», однако веру в приметы он относит к *наушениям* дьявола, который обманами и разными хитростями отвращает людей от Бога: «*Видим ведь, как места игрищ утоптаны, и людей множество на них, как толкают друг друга, устраивая зрелища, бесом задуманные, – а церкви пусты стоят; когда же бывает время молитвы, молящихся мало оказывается в церкви*» [12: 211]. В том, что христиане продолжают чтить языческие традиции, летописец усматривает ещё одну причину людских несчастий: «*Потому и казни всяческие принимаем от Бога и набеги врагов; по Божьему повелению принимаем наказа-*

ние за грехи наши» [12: 210-211].

Проблема двоеверия решается историографией по-разному. Одни исследователи говорят об «язычивании» православия (И.Я. Фроянов), другие, наоборот, – о христианизации язычества (Б.А. Рыбаков, Д.С. Лихачев, И.Н. Данилевский). С точки зрения И.Я. Фроянова, язычество в большей мере определяло мировоззрение древнерусского общества. Исследователь считает, что в X-XII столетиях на Руси существовало оязыченное христианство, которое отошло в прошлое только после окончательного утверждения христианства в XIII-XV вв. [15]. Академик Б.А. Рыбаков, напротив, говорил о том, что христианство нельзя противопоставлять язычеству, так как это только две формы, два различных по внешности проявления одной и той же первобытной идеологии. И язычество, и христианство в равной мере основаны на вере в сверхъестественные силы, «управляющие» миром. Живучесть христианства в значительной степени объясняется использованием в его идеологии древнего языческого представления о загробном мире, о «второй жизни» после смерти [14]. Мнение о христианизации язычества поддерживает современный историк И.Н. Данилевский, основывая свои выводы на трудах Н.И. Толстого и М. Элиаде [3]. Существует и новая точка зрения, согласно которой в период адаптации христианства на Руси сложился принципиально новый тип мировоззрения – православно-языческий двоеверный синкретизм. Американская исследовательница Ив Левин считает, что религия народа (язычество – *Т.Г.*) и религия элиты (христианство – *Т. Г.*) чаще совпадают, чем находятся в конфликте, образуя «сложное единство», они являются тем самым частью одной общности. В своих научных изысканиях Левин пришла к мнению, что значительная доля народных представлений русского Средневековья имеет сугубо христианские истоки, а не языческие, как считалось ранее. В свете всего этого исследовательница предлагает использовать термин «народная религия», а не «двоеверие». По словам Левин, переход к интерпретации народной религии в средневековой России как народной версии христианства принесёт определённую пользу. Термину «двоеверие» не придется больше выполнять функцию обозначения народной религии. Вместо этого ему можно будет вернуть первоначальный смысл, очищенный от уничижительного оттенка: сознательная и преднамеренная практика христианства и язычества одним человеком [9: 34]. В рамках нашего исследования можно говорить о том, что христианство не смогло

вытеснить языческое мировосприятие полностью, что особенно отчётливо проявилось в летописных описаниях природных явлений XI-XIII вв.

Языческим колоритом окрашен рассказ о *предивном чуде*, случившемся в Полоцке в 6600 (1092) г. Летописец красноречиво рассказывает о неизвестной эпидемии (возможно, речь идёт о чуме – *Т.Г.*), которая уносила жизни всех, кто выходил из дома. *«Люди говорили, что это навьи убивают полочан»*. По словам Д.С. Лихачева, навьями назывались души умерших. Верование в эти души было распространено в древнерусском язычестве [12: 507]. Более подробно об этих мифологических существах изложено в книге Б.А. Рыбакова «Язычество древних славян»: *«Навьи чужие, иноплеменные мертвецы, души врагов и недоброжелателей, души людей, которых за что-то покарала силы природы (души утопленников, съеденных волками, «с дерева падших», убитых молнией и т.п.)»* [14]. На миниатюре Радзивиловской летописи, иллюстрирующей нашествие навий на Полоцк, навьи изображены в виде хвостатых человекообразных существ покрытых шерстью [РЛ]. Несмотря на то, что для осмысления ситуации был взят языческий образ, летописный рассказ традиционно завершается выводом с точки зрения христианской идеологии: *«Это случилось за грехи наши, так как умножились грехи наши и неправды. Это навел на нас Бог, веля нам покаяться и воздерживаться от греха, и от зависти, и от прочих злых дел дьявольских»* [12: 229].

Отношение летописцев к язычеству ярко прослеживается в рассказе о неудачном походе Аскольда и Дира на Царьград в 866 г. Согласно летописному повествованию, узнав о приближении многочисленного русского флота, император Михаил III вместе с патриархом Фотием омочили в море край покрыва Богородицы, в результате чего внезапно поднялся сильный шторм, который потопил корабли *язычников-русов* и помешал им пойти войной на Константинополь. Ситуация представлена в летописи как апогей победы христианства над язычеством: *«Была в это время тишина и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и встали огромные волны, и разметало корабли безбожных русских, и прибило их к берегу, и переломало, так что немногим из них удалось избежать этой беды и вернуться домой»* [12: 149]. Летописец не скрывает своей симпатии к христианам-грекам. Язычники-русы лишаются одобрения со стороны автора, в данном случае ему наиболее близки братья по вере, нежели по крови. Однако за мощной пропагандой христиан-

ских ценностей в этом эпизоде скрываются и языческие традиции, а именно сам ритуал погружения в воду покрова Богородицы как предмета, несущего на себе печать сакральной значимости. Обряды у воды, умилоствление или заклинание воды – все это берет своё начало из глубокого язычества.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Несмотря на то, что древнерусское летописание насквозь пронизано христианской идеологией, в нём устойчиво живут отголоски ещё не до конца ушедшей в прошлое языческой веры. XI-XIII вв. – это период адаптации христианства на Руси, приспособление веры, молодой и не окрепшей в сознании людей, к древним народным традициям, что наглядно прослеживается в приведённых выше примерах. Можно говорить о том, что воззрение древних русичей на природу происходило через синтез двух мировоззрений, которые гармонично уживались в их сознании. Отрицая языческую веру, летописцы, тем не менее, оперировали её терминологией и символикой, трансформируя тем самым старинные верования, обряды и обычаи под личину новой христианской веры.

Поскольку в нашем исследовании летописных фрагментов о природе выявлено наличие двух мировоззренческих систем, соперничающих и одновременно пересекающих друг друга, то мы можем с полным основанием говорить о наличии двоеверия в представлениях о мире летописцев домонгольского периода.

Список литературы

- 1 Бычков В. В. Русская средневековая эстетика XI-XVII века. М., 1992.
- 2 Афанасьев А. Н. Змей // Древо жизни. М. : Современник, 1982.
- 3 Данилевский И. Н. Проблема двоеверия // Языческие традиции и христианство в Древней Руси. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/okkultizm/Article/dan_jaztrad.php (дата обращения: 28.01.2014).
- 4 Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей в 43 т. СПб., 1908. Т. 2.
- 5 Древнерусская литература в исследованиях: хрестоматия / сост. В. В. Кусков. М. : Высшая школа, 1986. С. 162-190.
- 6 Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей: в 43 т. М., 1997. Т. 1.
- 7 Лихачев Д. С. Метафоры-символы // Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971. С. 158-167.
- 8 Лаушкин А. В. Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI-XIII вв. // Русское Средневековье. 1998 г. Вып. 1.

М. : Книжная культура.1998. С. 26-58.

9 Левин И. Двоеверие и народная религия в истории России. М. : Индрик, 2004.

10 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. URL: http://www.lrc-lib.ru/rus_letopisi/Novgorod/contents.htm (дата обращения: 10.02.2014).

11 Пауткин А. А. Природные явления в русских летописях X-XIV вв. (традиционная стилистика и образность) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология.1992. № 4.

12 Повесть временных лет / древнерусский текст, объяснительный перевод и комментарии Д. С. Лихачева. Изд. 2-е. СПб. : Наука, 1999.

13 Пузанов Д. В. Знамена в домонгольской Руси: особенности христианского и языческого мировосприятия. URL: <http://moscowia.ru/raboty-konkursanastledie-predkov-molodym-2012/znameniiia-v-domongolskoi-rusi-osobennosti-khristianskogo-i-iazycheskogo-mirovospriatiia> (дата обращения: 9.02.2014).

14 Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987.

15 Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси. Ижевск : Удмуртский университет, 2003.

КОНЦЕПТОСФЕРА РУССКОГО РОМАНСНОГО ДИСКУРСА XIX ВЕКА

Л.В. ГРИШКОВА
(Курган, Россия)

Посвящается Олегу Погудину

Русский романсный дискурс XIX века – явление уникальное. В первой половине XIX века романс более, чем какой-либо другой жанр, оказывается теснейшим образом связанным со всей идейной и художественной жизнью русского общества. Речь в данной статье пойдёт о романсе-элегии – художественном эпицентре русской музыкально-поэтической культуры той эпохи. Прекрасный синтез русской лирики и русской музыки, романс-элегия стал выразительнейшим явлением национальной культуры и в свой черёд заметно повлиял на развитие поэзии и музыкального искусства, а в дальнейшем – на театральные и эстрадные жанры и даже на кинематограф.

«Романс – жанр свершившийся, – утверждает известный исполнитель русских романсов О.Е. Погудин. – Современных романсов не существует. Всё то, что сейчас пишут и называют романсом, в лучшем случае – произ-

ведения, написанные в традиции романса». Причина, по мнению О.Е. Погудина, в том, что «романс – это почти всегда монолог, жанр исповедальный, а исповедь для лирического героя нашего времени – вещь трудная. Отчасти взяла на себя эти функции рок-культура. Но там у лирического героя диапазон “душевного ума” очень мал, страсти могут быть огромными, а вот осмысления нет» [6].

Суждение певца может показаться слишком категоричным, но только на первый взгляд. «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать», – писал А.С. Пушкин. В. Рабинович в предисловии к сборнику русских романсов приводит слова немецкого философа XIX века, который восхищённо писал, что «...отдал бы все блага Запада за русскую манеру печалиться» [8:16].

А вот пример совсем иного рода из романа Р. Брэдбери. Герой романа-антиутопии «Fahrenheit 451» Монтэг читает гостям своей жены стихотворение М. Арнольда «Dover Beech», прекрасно понимая, что ставит на карту своё благополучие. Мы приводим здесь его заключительную часть, в которой говорится об утрате любви и веры в современном поэту мире:

Ah, love, let us be true
To one another! for the world, which seems
To lie before us like a land of dreams
So various, so beautiful, so new,
Hath really neither joy, nor love, nor light,
Nor certitude, nor peace, nor help for pain;
And we are here as on a darkling plain
Swept with confused alarms of struggle and fight,
Where ignorant armies clash by night.

Одна из дам начинает плакать, сама не понимая почему. Реакция другой дамы – агрессия, вызванная утратой восприимчивости к прекрасному:

«Mrs. Bowles stood up and glared at Montag. “You see? I knew it, that’s what I wanted to prove. I knew it would happen! I’ve always said poetry and tears, poetry and suicide and crying and awful feelings, poetry and sickness; and that mush! Now I’ve had it proved to me. You’re nasty, Mr. Montag, you’re nasty!”» [16: 100].

С филологической точки зрения классический русский романс – основа романсного дискурса – представляет собой поликодовый текст в полном смысле этого слова. В его трёхгранной структуре одинаково значимы слово, музыка и речь. Музыкальная составляющая русского романса

и его истоки достаточно подробно описаны в работе Б. Асафьева «Русский романс XIX века», цитату из которой мы приводим ниже:

«Истоки русского романса до сих пор не изучены и с трудом поддаются изучению. Во второй трети XVIII века их надо искать в зарождавшемся музицировании в придворных и барских петербургских кругах. Здесь сплетаются сложные влияния: с одной стороны, великорусская и украинская песня соперничают друг с другом, с другой – через нарождающуюся оперу, особенно французскую комическую, все сильнее и сильнее проникают иноземные мелодические течения и происходит постепенное всасывание европейского мелоса и поглощение его российской песенной культурой. Первые русские оперы конца XVIII века позволяют вскрыть опыты культивирования романса. Сперва робкие подражательные и резко разнящиеся от песни (протяжной и водевильно-куплетной) и от светских кантов, они постепенно получают свой отпечаток и превращаются в новый своеобразный мелодический сплав – в песенный романс или в романсного характера песню с инструментальным сопровождением» [1]. Прекрасной иллюстрацией того, что романс был частью русской культуры в целом, служат оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин» и «Пиковая дама», в партитуру которых включены романсы на стихи поэтов девятнадцатого века.

В вербальном плане отличительной чертой русского романсного дискурса является его неразрывная связь с поэтической традицией того времени, а именно общность концептосферы. Здесь нам будет необходимо сделать ряд существенных дополнений и оговорить основные понятия, поскольку термины «дискурс» и «концепт», вошедшие в обиход филологической науки в последние годы, страдают, если можно так выразиться, от чрезмерного количества определений (“suffer from overdefinition”). Не вступая в дискуссию по этому поводу, примем в качестве рабочего определение дискурса, предложенное Т.А. ван Дейком:

«Дискурс – это коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определённом временном, пространственном и проч. контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие» [9].

Как коммуникативное событие романс исповедален и диалогичен. Монологичность, о которой говорит Олег Погудин, – это его формальный

(внешний) признак. Принято считать, что романс обычно выражает любовное переживание, и поэтому он либо имеет, либо подразумевает адресата, следовательно, изначально диалогичен (в бахтинском смысле).

Так как определения концепта столь же неоднозначны, мы приведём два из них, поскольку они релевантны избранной нами теме. С. Аскольдов определял концепт как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» [2: 85]. С точки зрения Ю.С. Степанова, концепт – двустороннее образование. С одной стороны, это «как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. С другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [7: 40].

Возвращаясь к определению С. Аскольдова, отметим, что специфическая особенность художественных концептов заключается, по его мнению, в «неопределённости возможностей». Концепты образны, символичны и подчиняются особой прагматике художественной ассоциативности: то, «что они означают, больше данного в них содержания и находится за их пределами» [2: 91]. Ассоциативная запредельность художественных концептов сближает их с символами. «Символ может не включаться в какой-либо синтагматический ряд, а если и включается в него, то сохраняет при этом смысловую и структурную самостоятельность, – пишет Ю.М. Лотман. – Он легко вычленяется из семиотического окружения и столь же легко входит в новое текстовое окружение» [4: 241]. С этим, как полагают, связана его существенная черта – символ «никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры – он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее» [4: 241].

Проанализируем в этом ключе концепты-константы романсного дискурса «душа» и «сон». Памятуя о неразрывной связи романсного дискурса с общепозитическим дискурсом того времени, обратимся сначала к двум стихотворениям, которые романсами не стали. Первое принадлежит перу Е. Баратынского:

На что вы, дни! Юдольный мир явленья
Свои не изменит!
Все ведомы, и только повторенья

Грядущее сулит.
Недаром ты металась и кипела,
Развитием спеша,
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа!
И, тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь; а оно
Бессмысленно глядит, как утро встанет,
Без нужды ночь сменя,
Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,
Венец пустого дня! [10: 401]

Анализируя структуру и семантику этого стихотворения, Е.Г. Эткинд писал: «Жизнь кончилась, внутренняя жизнь, хотя внешне человек продолжает существовать, думать и фиксировать уже ненужные, бесплодные впечатления бытия» и приводил в сносках цитату из работы Л.Я. Гинзбург: «В мировой лирике это, вероятно, единственный в своём роде аспект душевного опустошения» [10: 402].

Обратимся теперь ко второму стихотворению – «Думе» М.Ю. Лермонтова, в котором речь идёт уже о целом поколении:

Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережем в груди остаток чувства –
Зарытый скупостью и бесполезный клад.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови [3].

«Эти стихи писаны кровью; они вышли из глубины оскорблённого духа, – напишет о них В.Г. Белинский. – Это вопль, это стон человека, для которого отсутствие внутренней жизни есть зло, в тысячу раз ужаснейшее физической смерти!.. И кто же из людей нового поколения не найдёт в нём разгадки собственного уныния, душевной апатии, пустоты внутренней и не откликнется на него воплем, своим стоном?» [3]. Стихи Е. Баратынского тоже «писаны кровью». Душа отделилась от тела ещё при жизни:

И, тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь; а оно
Бессмысленно глядит, как утро встанет,
Без нужды ночь сменя,
Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,
Венец пустого дня!

Мы позволим себе процитировать ещё один отрывок из статьи Е.Г. Эткинда и напомнить современным исследователям о том, насколько важен для когнитивной лингвистики профессионально выполненный стилистический анализ: «Оно – это тело. Заметим, что имя существительное, замещаемое этим местоимением, отстоит настолько далеко, что непосредственное восприятие не сразу относит его к слову, произнесённому, да ещё в косвенном падеже, в предпоследнем стихе предыдущей строфы, пять стазов назад. Эта намеренная неясность входит в смысловую структуру слова оно. Важно ещё вот что: ведь речь идёт о “теле”, которое в контексте стихотворения внезапно оказывается бесполом: приобретает особую осмысленность случайный собственно лингвистический фактор принадлежности существительного “тело” к среднему роду. Композиция стихотворения такова, что этот грамматический признак приобретает трагичность: “оно” – не только не мужчина, но даже и не человек» [10: 403-404].

Перейдем к дискурс-анализу. В.Я. Чернявская подчёркивает, что в семантике дискурса в фокусе оказывается «не столько лексическое значение употреблённых в нём единиц, сколько совокупность импликаций, интертекстуальных и интрадискурсивных отношений» [10: 134]. Базовые концепты христианской культуры «душа» и «тело» в стихотворении Е. Баратынского весьма далеки от их прямого религиозного истолкования.

Сон души – ещё одна константа романсного дискурса:

А. Дельвиг

Когда душа, просилась ты
Погибнуть иль любить,
Когда желанья и мечты
К тебе теснились жить,
Когда ещё я не пил слёз
Из чаши бытия, –

Зачем тогда, в венке из роз,
К теням не отбыл я!
Зачем вы начертались так
На памяти моей,
Единый молодости знак,
Вы, песни прошлых дней!
Я горько доли и леса
И милый взгляд забыл, –
Зачем же ваши голоса
Мне слух мой сохранил!
Не возвратите счастья мне,
Хоть дышит в вас оно!
С ним в промелькнувшей старине
Простился я давно.
Не нарушайте ж, я молю,
Вы сна души моей
И слова страшного «люблю»
Не повторяйте ей! [13: 159].

«Сон души» у Е. Баратынского и А. Дельвига символизирует определённое состояние «душевного ума» (позаимствуем эти слова у Олега Погудина). Оно сродни байроновскому «oblivion» («забвение»), которое ищет и не находит Манфред в одноименной драматической поэме английского поэта, хотя темы стихотворений разные:

Манфред

The lamp must be replenish'd, but even then
It will not burn so long as I must watch.
My slumbers – if I slumber – are not sleep,
But a continuance of enduring thought,
Which then I can resist not: in my heart
There is a vigil, and these eyes but close
To look within; and yet I live, and bear
The aspect and the form of breathing men.
But grief should be the instructor of the wise;
Sorrow is knowledge: they who know the most
Must mourn the deepest o'er the fatal truth,
The Tree of Knowledge is not that of Life. [17:182].

Перевод И. Бунина:

Манфред.

Ночник пора долить, хотя иссякнет
Он все-таки скорей, чем я усну;
Ночь не приносит мне успокоенья
И не даёт забыться от тяжелых,
Неотразимых дум: моя душа
Не знает сна, и я глаза смыкаю
Лишь для того, чтоб внутрь души смотреть.
Не странно ли, что я ещё имею
Подобие и облик человека,
Что я живу? Но скорбь – наставник мудрых;
Скорбь – знание, и тот, кто им богаче,
Тот должен был в страданиях постигнуть,
Что древо знания – не древо жизни.

Следует отметить, что в переводе появляется привычный для русской поэзии концепт «душа», которого нет в оригинале.

Любовь для лирического героя А. Дельвига – «слово страшное». Она пережита и почти забыта, но в памяти остались «песни прошлых дней». Нарушить сон – значит вернуть прошлое:

Не нарушайте ж, я молю,
Вы сна души моей
И слова страшного "люблю"
Не повторяйте ей!

А.И. Осипов отмечает, что в большинстве определений культуры, даже если они включают всю совокупность творческой деятельности человека и способов самовыражения человека, по мнению учёного, «забывается главное: ведь дух творит себе формы и, говоря о культуре, прежде всего, нужно говорить о состоянии того духа, который выражает себя тем или иным образом вовне» [5].

Какие же формы творит себе дух в романсном дискурсе? Прежде всего, он вопрошает. «Вопрос – вот альфа и омега нашего времени, – писал В.Г. Белинский в статье «Стихотворения М.Ю.Лермонтова». – Ощутим ли мы в себе чувство любви к женщине вместо того, чтоб роскошно упиваться его полнотою, мы, прежде всего, спрашиваем себя, что такое любовь, в

самом ли деле мы любим?» И далее: «Как бы то ни было, но наш век есть век размышления. Поэтому рефлексия (размышление) есть законный элемент поэзии нашего времени, и почти все великие поэты нашего времени заплатили ему полную дань: Байрон в “Манфреде”, “Каине” и других произведениях; Гёте особенно в “Фаусте”; вся поэзия Шиллера по преимуществу рефлектирующая, размышляющая» [3].

В самом деле, вопрошают мыслители: «Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования?.. Поймут ли они... отчего руки не поднимаются на большой труд, отчего в минуту восторга не забываем тоски?» (А.И. Герцен).

Вопрошают поэты, размышляя о любви:

За что страдать? Что мне в любви
Досталось от небес жестоких
Без горьких слёз, без ран глубоких,
Без утомительной тоски? [13: 172]

В заключение нашей статьи обратимся к лирике М.Ю. Лермонтова, к стихотворению, знакомому нам со школьных лет:

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.
В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!
Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,

Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Тёмный дуб склонялся и шумел [14: 222-223].

Красота природы контрастирует с душевной болью. Снова вопросы:
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?

Малоутешительные ответы на них и жажда покоя и свободы (ещё два концепта русской культуры XIX века). Символика «мятежного паруса» сменяется здесь уже знакомой символикой сна как мечты о свободе и покое:

Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но это иной сон (не забвение!) и иная песнь о любви, потому что и любовь тоже иная. Понять это можно лишь обратившись ещё к одному стихотворению поэта «Ангел»:

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звёзды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.
Он душу младую в объятиях нёс
Для мира печали и слёз,
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой
И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли [14: 213].

Любовь у Лермонтова не земная, с её мучительной тоской и глубокими ранами, как у А. Дельвига, а небесная: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеет-

ся, всё переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится»[12: 1 Кор.; 13: 4-8].

Эти строки из Первого послания апостола Павла приведут нас к стихам А.С. Пушкина:

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит – оттого,
Что не любить оно не может [14:125].

Светлая пушкинская печаль, «душевный ум» и высокий слог русского романсного дискурса во многом определили и характер творчества поющего поэта Булата Окуджавы:

Мне нужно на кого-нибудь молиться.
Подумайте, простому муравью
вдруг захотелось в ноженьки валиться,
поверить в очарованность свою!
И муравья тогда покой покинул,
все показалось будничным ему,
и муравей создал себе богиню
по образу и духу своему.
И в день седьмой, в какое-то мгновенье,
она возникла из ночных огней
без всякого небесного знаменья...
Пальтишко было лёгкое на ней.
Всё позабыв – и радости и муки,
он двери распахнул в своё жильё
и целовал обветренные руки
и старенькие туфельки её.
И тени их качались на пороге.
Безмолвный разговор они вели,
красивые и мудрые, как боги,
и грустные, как жители земли [15].

И пусть это не романс, а песня, сочинённая в стиле романса. Тради-

ция живёт и будет жить. В подобном контексте хочется сказать что-то своё, воздать должное русскому романсу, посвятив ему стихи:

Романс старинный – терпкое вино –
Мне кружит голову, и снова из забвения
Слова любви, звучавшие давно,
Неведомые новым поколениям,
Ко мне приходят. Светлая печаль,
Как лёгкий снег, ложится мне на плечи,
И в сумрачный, холодный этот вечер
И жить легко, и ничего не жаль.
Романс старинный мне твердит опять,
Твердит одно, что нет любви напрасной.
Звучи, романс, и хочется сказать:
«Остановись, мгновение! Ты прекрасно!»
Звучит романс. Печаль мои глаза
Туманит. В вальсе мир кружится,
И на ресницы просится слеза.
Ну, а мгновение длится, длится, длится...

Список литературы

- 1 Асафьев Б. Русский романс XIX века. URL: <http://pentextnn.ru/music/erosh/XIX/?id=1604> (дата обращения: 1.02.2014).
- 2 Аскольдов С. А. Концепт и слово // Межкультурная коммуникация. Практикум / сост. А. Е. Бочкарёв. Н. Новгород, 2002. Ч. I.
- 3 Белинский В. Г. Стихотворения М. Ю. Лермонтова. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0780.shtml (дата обращения: 12.12.2013).
- 4 Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство, 2001.
- 5 Осипов А. И. Культура с христианской точки зрения // Мгарский колокол. 2009. № 73. URL: <http://www.mgarsky-monastery.org> (дата обращения: 10.01.2014).
- 6 Погудин О. Е. Беседа в Королеве. URL: <https://www.facebook.com/notes> (дата обращения: 26.12.2013).
- 7 Степанов Ю. С. Стиль // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- 8 Рабинович В. «Красивое страданье». Заметки о русском романсе // Русский романс. М. : Правда, 1987. С.7-30.
- 9 Современные теории дискурса. Мультидисциплинарный анализ. Екатеринбург, 2006.
- 10 Чернявская В. Е. Дискурс и дискурсивный анализ: традиции, цели, направления // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. научн. трудов / отв.

ред. М. П. Котюрова. Пермь, 2002. С. 122-135.

11 Эткинд Е. Г. Опыт о местоимении в системе поэтической речи // Поэтика и стилистика русской литературы. Л. : Наука, 1971. С. 399-407.

12 Библия. Книги Ветхого и Нового Завета. Чикаго, 1990.

13 Дельвиг А. А. Полное собрание стихотворений. Л. : Советский писатель, 1959.

14 Русский романс. М. : Правда, 1987.

15 Строфы века. Антология русской поэзии. Минск; Москва : Полифакт, 1999.

16 Bradbury Ray. Dandelion Wine. N. Y., 1974.

А.Н. ЗЫРЯНОВ – ОСНОВОПОЛОЖНИК ЗАУРАЛЬСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

О.С. ДРАГУНОВА
(Курган, Россия)

Уральский говор, диалект представляет собой большой интерес с точки зрения построения языка... Уральский диалект, мне кажется, интересен в том смысле, что мы здесь получили исторически языковую копилку.

П.П. Бажов

Уникальная по своему содержанию рукопись зауральского этнографа Александра Никифоровича Зырянова «Язык у шадринских крестьян Пермской губернии» (8 октября 1856 года) [1] хранится в фонде Санкт-Петербургского филиала научного архива РАН. Этот ценный документ позволяет в очередной раз говорить о широчайшем круге научных интересов и исследований краеведа, государственного крестьянина А.Н. Зырянова.

Начало русской диалектной лексикографии связано с первым в своём роде сводным научным изданием диалектной лексики «Опыт областного Великорусского словаря» под редакцией А.Х. Востокова и А.М. Коркунова в 1952 году [10], который отразил очень важную тенденцию представления диалектного слова в контексте русской традиционной народной культуры. «Дополнение к опыту областного великорусского словаря» Н.Я. Данилевского (1858 г.) – это первый словарь областной лексики, отличающийся полнотой лексического материала, строгостью этимологии

слов, разведённых территориально по губерниям и уездам. Это словари, основанные на лексических данных говоров народа, имеющие сводный характер и представляющие всю территорию распространения великорусского языка в народном бытовании.

В соответствии с Программой академика Петербургской АН И.И. Срезневского, призывающей к сбору местных слов, употребительных в разных губерниях России, А.Н. Зырянов среди прочих краеведов, этнографов, учителей обратился к собиранию живых говоров зауральцев. Этим, вероятно, и объясняется корреспонденция А.Н. Зырянова, адресованная РАН. Лексический материал для составления словаря говора шадринских крестьян Пермской губернии собирался путём непосредственного наблюдения диалектной речи в процессе общения с её носителями. Краевед А.Н. Зырянов стремился показать своеобразие края не только в промыслах и ремёслах, в фольклоре, в истории, но и в разговорном языке крестьян Шадринского уезда Пермской губернии. Необходимо отметить, что это был первый опыт диалектологической работы в Приисетье.

На 24 страницах рукописи «Язык шадринских крестьян Пермской губернии» отражена кропотливая работа А.Н. Зырянова по собиранию и исследованию лексического богатства местного «речения». Впервые в зауральской диалектологии говоры изучаются в связи с историей заселения края, отмечено влияние переселенцев, «породивших много слов и речений своих», на разговорный язык, нравы, обычаи, грамотность, культурный уровень жителей Шадринского уезда [1: 1]. «Речения» рассматриваются как достоверная и добротная база исследования не только истории края, но и ментальности населения, освоившего просторы Зауралья. Характеризуя специфику диалектного языка в зауральской глубинке в середине XIX столетия, А.Н. Зырянов исходил из понятия языка как системы и стремился к тому, чтобы представить структурно-территориальную дифференциацию диалектного языка, описывая черты разной степени общности, свойственные всему русскому языку или той или иной его части.

Так, А.Н. Зырянов охарактеризовал говор государственных крестьян Шадринского уезда «говором Великорусским, водворённым пришедшими сюда для селитьбы предками из городов северных, соседственных с Новгородом: Каргаполы, Устюга, Вологды, Архангельска и др. А Новгород в древности, известно, в быстроте промышленных сношений своих с соседями сообщал легко соседним свой говор, своё наречие, прельщавшее

сколько приятного звука, столько пленительностию произношения как произношение не зараженного чужим, иноземным, не сродным языку Русскому» [1: 1].

Заслугой А.Н. Зырянова является составление в алфавитном порядке этимологического словаря «известных и употребительных слов» в «изученном, обслушанном» им Шадринском уезде Пермской губернии в середине XIX века [1: 6]. Диалектологические и этнографические сведения, взятые вместе, привели исследователя А.Н. Зырянова к важным заключениям об истории зауральского говора и его носителей – населения Шадринского края. А.Н. Зырянов поставил вопрос о развитии лексического состава и действительности, в которую погружены люди. В поисках ответа на вопрос о том, человек или местность должна подчиниться «неизбежному закону изменения от могучей воли человека», вникая в «вещественный смысл этого вопроса», А.Н. Зырянов делает вывод, что «элемент изменения должен быть общим, слитным между человеком и местностью»: «Такая взаимосвязь должна представиться сама собой и в народе Шадринском, и в занятой им местности зауральской, предверной к Сибири по отношению языка оседлаго и неоседлаго» [1: 1].

Исследуя противоположность значений «слов и речений устных» в одной семье, в одной местности, А.Н. Зырянов утверждает, что «суть таких слов достояние славянства, отзвучие первенцов славян мало сохранилось в языке народа и в особливых, обрядных торжественных актах, поговорках» [1: 2]. Менее поврежденными, менее измененными А.Н. Зырянов характеризует пословицы, притчи и загадки, тем самым, связывая единой нитью диалект и фольклор, что является одной из главных причин обращения краеведа к собиранию малых жанров.

Исследование «речений» дало А.Н. Зырянову важный материал для установления языковых и культурных влияний, этнических смешений в прошлом. Диалектолог-крестьянин впервые из зауральцев обратил внимание на архаизмы, которые, по его мнению, составляют часть говоров. Им верно отмечена большая устойчивость языка по сравнению с материальной культурой: «Случается подстергать ещё слуху слова давние “грыдна”, “теремь”, не знакомые языку современному, что, однакось, должно признавать проявлением редким и случайным. Славянизм был в народе и исчез. Исчез потому, что пора его существования давно замерла в личной памяти народа» [1: 2].

Впервые в краевой диалектологии А.Н. Зырянов поставил проблему различия значений диалектизмов, бытующих в различных местностях России. В значениях слов современный ему язык «занимателен, разнообразен и не одинаково созвучен со многими из других местностей». Так, слово «дивно» – приводит пример А.Н. Зырянов – «в некоторых губерниях принимается за груду, гнилое, за грязь; в Шадринском же уезде известно как много, не мало» [1: 3].

Характеризуя Иванищевскую область как одну из лучших в ремесленном отношении, крестьяне которой «ездыт и рассыпаются всюду и везде по торгам и базарам в окрестных местах и округах», А.Н. Зырянов приходит к заключению, что жители «от силы столкновения и обмена мыслей и слов с многолюдством изменили и изменяют себя в языке, исправили и исправляют отчасти в словопроизношениях, в словоискажениях. Говор их бойкой, ясной и правилен» [1: 4]. А.Н. Зырянов заметил, что у Шадринского народа «большая часть способна в отношении языка к подмечиванию, изучению и переимчивости, что доказали особенно уже Иванищевцы и потому обещают двигаться на пути к досовершенствованию» [1: 4].

Записывая, собирая и обрабатывая материал на научной основе, А.Н. Зырянов исследует не только говор и наречие жителей всего Шадринского уезда, но и их орфоэпию, сообщая о том, что «живущие в захолустьях и порабощении, неизменяемости во всем по завету отцов, дедов и прадедов, медленны в говоре, но не вялы в значении вообще Великорусском. Но есть и ленивые, протяжные в речи в роде худого распева в числе которых примечательнее других деревня Верхноярская Далматовской волости. Говор раскольников схож с говором всех других не подобным Верхноярским, но они любят до симпатии в разговорный язык вмешивать речения славянские из книг Священного писания» [1: 5].

Впервые в отечественной диалектологии А.Н. Зыряновым поставлена проблема половозрастной и гендерной характеристики диалекта. Дети с раннего возраста, посредством постоянного общения со старшим поколением, получали не только основные навыки трудовой деятельности, но и нормы поведения, общения. «Пол женской и дети в языке не делают особенностей от пола мужского, – пишет А.Н. Зырянов, – и соединяются и сливаются с ним в однообразии и одноэлементности языка в такой правильной связи, в какой, в частности, самая жизнь их слилась и связалась между собою под одной кровлей, под одним узлом: союза, родства и кро-

ви» [1: 5]. Традиционная преемственность, таким образом, не разрушалась, выступая тем стержнем, который объединял целые поколения жителей Шадринского уезда.

Необходимо отметить, что А.Н. Зыряновым проведена кропотливая работа по выявлению значений слов и выражений. В строгой последовательности он изложил подслушанные в отдельных местностях уезда устные речения и их значения. Приведём значение и этимологию некоторых употребительных слов и выражений, бытовавших в крестьянской среде в середине XIX века в Шадринском уезде, из составленного им словаря.

Так, например: *айда* значит пойдём; *баско* – красиво, хорошо; *голик* – веник; *гумёшко* – площадка для молотбы (известна ещё под именем *ладона* и в Мехонской волости – *долони*); *жбань* – деревянная кружка для кваса; *зараз* – тотчас; *корепаться* – хворать, быть слабым; *манихвост* – лукавец, медлитель, обещатель; *настольник* – салфетка; *пестерь* – «в собственном смысле плятеный сосуд для поклажи скарба, а в относительном смысле неповоротлив, неловкий человек»; *перстынки* – перчатки; *робить* – работать; *спень* – несколько часов беспробудного сна; *тутока* – тут; *тамока* – там; *урасить* – плакать; *фатера* – квартира; *хоромы* – дом; *цаннуть* – ударить, ухватить; *челобитье* – почтение, поклон, приказ, весть; *штоесь* – даже; *щерба* – рыбная похлебка [1: 6–20].

Примечательно, что А.Н. Зырянов считал необходимым делать сноски для обозначения некоторых слов. Так, например, в сноске к слову «кантора» – волостное управление – значится: «этимология слова «кантора» получила значение в Смоленской волости от соседства с Талицким винокурным заводом, где места присутственные существуют под именем кантор с давних времен» [1: 11].

А.Н. Зырянова всегда интересовали вопросы истории, древности. В частности, он пытался выяснить истоки свадебной обрядности в зауральской деревне и находил в свадебном ритуале отражение природной одаренности народа, отличительных черт зауральского характера. Обращение А.Н. Зырянова к свадьбе не случайно: он относился к этому празднику как к факту зарождения семьи. Свадебные обряды зауральских поселян, в представлении исследователя, – это «что-то отличительное, свойственное отдаленным предкам, одним словом, странное, забавное, восхитительное и причудливое» [2: 1]. Характерно то, что А.Н. Зырянов называл себя человеком «взращенным, убаюканным в колыбели образцов древности среди заураль-

ских простолюдинов» [2: 2]. Областью хранения диалекта А.Н. Зырянов считал свадебную обрядность, сохранившую архаику.

В соответствии с классификацией речений между областными словами языков в «Опыте областного Великорусского словаря» выделяется три рода речений: «первый род составляют слова, уклонившиеся от нормального употребления языка, нередко искажённые до крайности, или иноземные слова, заимствованные от соседних инородцев, частью верно сохранившиеся, частью измененные; ко второму роду относятся слова, некогда принадлежавшие общему языку народа и вытесненные из него другими, а уцелевшие в народе вместе с заветною прародительскою песнью, сказкой, пословицею; третьего рода слова родились вследствие понятий, образовавшиеся от предметов окружающей человека природы и от особенных занятий народа» [10: 2]. Подобно данной классификации А.Н. Зырянов также выделяет три вида речений в зауральском говоре.

Заслуживают внимания рассуждения А.Н. Зырянова об употреблении в Далматове (заштатном городе) выражения «иду в ограду» вместо «иду в монастырь», которое «считалось необходимым на время, перешло потом как местное и держалось донныне в устах Далматовцев в противность того, что теперь ходят не по монастырским уже надобностям, и не в ограду к монахам по духу религии в храм для молитвы и Богомыслия» [1: 22].

Отдельно А.Н. Зырянов выделил ласковые слова, бытующие в Шадринском уезде, привёл пример бытового рассказа для «лучшаго указания разговорного языка» [1: 23], отметил также ругательные и бранные слова, употребляемые простолюдинами в Зауралье. В статье А.Н. Зырянов выразил своё отношение к бранным словам, называя их «отвратительными, злощадными», несмотря на то, что они были «в самом многоуважаемом, многолюбимом употреблении» [1: 24]. Тем самым краевед А.Н. Зырянов стремился правдиво показать возможности «местного речения» крестьян в Шадринском уезде. А.Н. Зырянова волновал вопрос верности истолкования слов, что отразилось в том контексте, которым он окружает диалектизм. Приводятся толкования значений слов, проиллюстрированные примерами из устной речи, пословицами, поговорками. В нём сохранены многие фактологические сведения о живой русской речи середины XIX века. Не случайно завершают статью следующие слова: «Вслед за сим я займусь приведением в порядок собранных из уст народа здешнего края загадок, поговорок, песен и сказок» [1: 24]. Это высказывание – очередное

доказательство неугасаемого интереса к фольклору, быту, нравам, обычаям крестьян, их образной речи.

Собиратель А.Н. Зырянов запечатлел речь хранителей говоров – крестьянства в Приисетье в середине XIX века. Рукопись А.Н. Зырянова «Язык шадринских крестьян Пермской губернии» – бесценный документ для исследователей областных наречий языка. Заслугой А.Н. Зырянова является то, что, будучи большим знатоком местного «речения», ревностный собиратель зауральского фольклора составил словарь с указаниями особенностей местного произношения, с толкованием отдельных слов и оттенков значений, взятых из живой речи, из живого бытования.

Позднее исследованием зауральского говора занимался шадринский собиратель Никита Петрович Ночвин. Исследуя юго-западный район Шадринского уезда, он записывал крестьянские диалектные слова, накапливая и обрабатывая материал. Результатом этой деятельности стало составление в 1895 году диалектного словаря под названием «Крестьянский словарь или практическое разъяснение слов, употребляемых крестьянами Зауральского края Пермской губернии». В 1913 году в «Записках уральского общества любителей естествознания» был напечатан диалектный словарь Н.П. Ночвина под заголовком «Говор крестьян Шадринского уезда Пермской губернии» [8], имевший, по мнению В.П. Тимофеева, «большой лингвистический резонанс на Урале» [15: 56]. Некоторые материалы словаря Н.П. Ночвина включены в первый том издаваемого Уральским университетом «Словаря русских говоров среднего Урала» (Т.1, 1964 г.) [11]. Уральский краевед Владимир Павлович Бирюков продолжил после Н.П. Ночвина работу по собиранию слов, употребляемых в народном говоре шадринских крестьян, и в 1923 году составил «Краевой словарь говора Исетского Зауралья», который подытожил многолетний кропотливый труд по сбору диалектных слов. Словарь В.П. Бирюкова републикован в краеведческом альманахе «Шадринская старина» в 1993 году [3]. «В 1913 году, – писал В.П. Бирюков в предисловии к своему словарю, – сборник слов, собранных Н.П. Ночвиным, заинтересовал нас и показал, что то, на что обыкновенно не обращается никакого внимания, среди повседневной жизни, оказывается, имеет большой научный интерес. С этих пор начинаются наши наблюдения над словарным составом народной речи, а также записи тех слов, которых нет в словаре Н. Ночвина» [3: 64]. В предисловии составителя к книге «Урал в его живом слове» знаток местного наре-

чия В.П. Бирюков, характеризуя методологию своего труда, пишет: «Начав собирательскую работу в 1903 году, я через десять лет пришёл к выводу, что необходимо записывать и местные слова, чуждые литературному языку. Изучение особенностей местного говора во многих отношениях открыло мне глаза на историю Уральского края, на связь её с историей всего нашего отечества» [5: 3]. Впоследствии, работая в 1934-1935 годах над сборником «Дореволюционный фольклор на Урале», В.П. Бирюков пришёл к выводу о необходимости комплексного подхода к фольклору и говору: «Увлёкшись местным говором, я стал смотреть на произведения устного творчества лишь как на словарный источник <...> Теперь я глубоко убежден, что диалектолог должен быть в равной степени фольклористом, а фольклорист – диалектологом» [5: 3]. Следуя тезису П.П. Бажова «через устное народное творчество, через народный язык – к познанию края» [5: 3], В.П. Бирюкову удалось благодаря точности записи и отбору ценного материала надлежаще исследовать материалы по народному диалектному языку.

Под влиянием краеведа В.П. Бирюкова сложилась диалектологическая школа в г. Шадринске. Подход к составлению словаря учитывали и последующие исследователи говоров Зауралья – А.Н. Соколова [12], К.Н. Донских [6], Г.Ф. Мясников [7] и др.

Общение с выдающимся краеведом В.П. Бирюковым определило круг научных интересов и Вячеслава Павлиновича Тимофеева, собравшего и исследовавшего ценнейший диалектологический и фольклорный материал в Приисетье во второй половине XX столетия. Его перу принадлежат монографии, научные статьи, публикации в различных районных газетах. Именно в Шатровской районной газете «Большевицкое слово» в 1950 году увидела свет первая публикация В.П. Тимофеева «Александр Никифорович Зырянов – наш земляк», посвящённая собирателю местного фольклора. В начале 1970-х гг. опубликованы монографии, автором, составителем и ответственным редактором которых являлся сам В.П. Тимофеев. Так, теоретические основы изучения языка личности изложены в работах «Личность и языковая среда» (Шадринск, 1971. 141 с.), «Диалектный словарь личности», в составе которого насчитывалось 2705 словарных единиц и 87 фразеологизмов. (Шадринск, 1971. 123 с.).

В 2003 году издательством Шадринского пединститута издан последний труд учёного – словарь «Фразеология диалектной личности» [14], по-

священный исследованию состава и структуры фразеологических оборотов в диалектной речи жителей Зауралья. Входящий в состав данной работы «Фразеологический словарь диалектной личности» – это результат наблюдений за образной речью диалектоносителя из Шадринского района Курганской области в течение 50 лет. Объектом наблюдения за индивидуальной речью являлась мать В.П. Тимофеева – Евдокия Михайловна Тимофеева, запись фразем которой велась «так долго и с таким пристрастием» [14: 5]. В.П. Тимофеев ставил своей целью установить, в какой степени словарь языка одной личности отражает черты словаря человеческого коллектива, к которому он принадлежит. В статье «Фразеологизмы диалектной личности в сборниках пословиц и поговорок» фразеологизмы зауральской крестьянки Е.М. Тимофеевой 1896 г.р. сопоставлены как с материалами собраний малых жанров А.А. Баркова, В.Н. Татищева, А. Кольцова, И. Снегирева, Ф. Буслаева, Н.А. Добролюбова и др., так и с материалами двух местных краеведов-собрателей XIX и XX веков А.Н. Зырянова и Н.В. Пенькова, соответственно. Необходимо отметить, что имя государственного крестьянина, краеведа А.Н. Зырянова поставлено В.П. Тимофеевым в ряд величайших знатоков народной речи. В частности, сопоставление реестра фразем Евдокии Михайловны с «Пословицами и поговорками Шадринского уезда» (14.05.1850 г.) в записи краеведа А.Н. Зырянова, «наслышанного о диалектной и фольклорной среде края» выявило 9 совпадений, «из них три – всеми компонентами, шесть – в вариантах» [14: 15].

Безусловно, своим вкладом в уральскую диалектную лексикографию Александр Никифорович Зырянов заслужил научное внимание и достоин памяти как собиратель и исследователь, заложивший основы изучения диалектной речи в Шадринском крае в середине XIX столетия. Этот цельный труд, основанный на достоверных материалах с серьезной лексикографической обработкой, представляет бесспорный интерес для исследователей русского народного слова. Драгоценный по своему содержанию рукописный словарь А.Н. Зырянова имеет большое научно-практическое значение. На наш взгляд, это ценный источник информации для составителей толковых словарей диалектов и говоров Зауралья XIX века. Опыт изучения русского языка убеждает в том, что «областные наречия служат убедительнейшим доказательством, что язык, как живой организм, беспрестанно изменяется, и лишь только в словаре и грамматике гибкие формы

живой речи крепнут, и упрочиваются для потомков <...> Словарь обращает нас к патриархальному быту поселян и сближает нас с ними» [10: 4].

Список литературы

- 1 Зырянов А. Н. Язык шадринских крестьян Пермской губернии (1856 г.) // СПФ АРАН Ф.216, оп. 4. Д.140.
- 2 Зырянов А. Н. Свадьбы Пермской губернии (1850 г.) // АРГО разряд 29 оп. 1 №32 б.
- 3 Бирюков В. П. Краевой словарь говора Исетского Зауралья // В.П. Бирюков. Избранные труды / сост. и отв. ред. С. Б. Борисов. Шадринск : Изд-во ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2008. С. 53-70.
- 4 Бирюков В. П. Материалы к словарю «Говоры Урала» // В. П. Бирюков. Избранные труды / сост. и отв. ред. С. Б. Борисов. Шадринск: Изд-во ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2008. С. 477-496.
- 5 Бирюков В. П. Урал в его живом слове. Свердловск : Свердловское книжное изд-во, 1953. 292 с.
- 6 Донских К. Н. Исторический обзор исследований говора Шадринского района // Учебные записки Шадринского государственного педагогического института. 1959. Вып. 3. С.169-188.
- 7 Мясников Г. Ф. Диалектные ошибки учащихся и работа над ними в школе: по материалам Курганской области. Курган : Изд-во Курганского педагогического института, 1958. 79 с.
- 8 Ночвин Н. П. Говор крестьян Шадринского уезда Пермской губернии // Записки УОЛЕ. Т. XXXII. Выпуск 2. Екатеринбург, 1913. С.121-134.
- 9 Ночвин Н. П. Говор крестьян Шадринского уезда Пермской губернии // Шадринская старина. Краеведческий альманах. Шадринск : Изд-во Шадринского пединститута, 1993. С. 51-70.
- 10 Опыт областного Великорусского словаря / под ред. А. Х. Востокова, А. М. Коркунова. СПб. : Второе отделение Императорской Академии Наук, 1853. – 301 с. URL: http://www.mediafire.com/view/yj4yzmm5wmy/Опыт+oblastnogo+velik+slov_1852.pdf (дата обращения: 23.01.2014).
- 11 Словарь русских говоров Среднего Урала: в 2 т. Свердловск, 1964. Т.1.
- 12 Соколова А. Н. Из наблюдений над диалектной лексикой Шадринского района // Учебные записки Шадринского государственного педагогического института. 1959. Вып. 3. С. 211-242.
- 13 Тимофеев В. П. Избранные статьи / сост. и отв. ред. С. Б. Борисов. Шадринск : Изд-во Шадринского государственного педагогического института, 2004. 119 с.
- 14 Тимофеев В. П. Фразеология диалектной личности: словарь. Шадринск : Изд-во Шадринского пединститута, 2003. 176 с.
- 15 Тимофеев В. П. Первый зауральский лексикограф Н.П. Ночвин // Шадринская старина. Краеведческий альманах. Шадринск : Изд-во Шадринского пединститута, 1993. С. 47-50.

ПОВЕСТЬ Л.Н. ТОЛСТОГО «ОТЕЦ СЕРГИЙ»: ОПЫТ НАРРАТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

И.М. ЖУКОВА
(Курган, Россия)

Современная нарратология изучает сюжетно-повествовательные курсы и рассматривает текст как нарратив (рассказ о событиях).

Ключевая нарратологическая категория – событие. По определению В. Шмидта, событие есть «некое изменение исходной ситуации: или внешней ситуации в повествуемом мире (естественные, акциональные или интеракциональные события)» [7: 13]. Ю.М. Лотман под событием понимал «всегда нарушение некоторого запрета, факт который имел место, хотя не должен его иметь» [5: 286]. В.И. Тюпа считает данное утверждение «слишком жёстким» и называет событием такой факт, который обладает «собственным значением в меру того, насколько и в какую сторону он отличается от всех прочих, не реализовавшихся в данный момент возможностей. В отличие от факта событие не ограничивается зафиксированностью в тексте; оно как бы адресовано некоторому сознанию, способному его адекватно осмыслить» [6: 302]. Наррацией он называет «особую интенцию пишущего», которая состоит из двух связанных событий – референтного (о котором сообщается) и коммуникативного (само сообщение как событие). Ещё раньше М.М. Бахтин в работе «Вопросы литературы и эстетики» указывал на двоякую событийность в эпическом тексте: «Перед нами два события, событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания (в этом последнем мы и сами участвуем как слушатели-читатели; события эти происходят в разные времена (различные и по длительности) и на разных местах, и в то же время они неразрывно объединены в едином, но сложном событии, которое мы можем обозначать как произведение в его событийной полноте» [3: 403-404].

Столкновение разных восприятий события, случившегося в Петербурге в сороковых годах и «удивившего всех», создаёт особое событие рассказывания в повести Л.Н. Толстого «Отец Сергей»: «Событие казалось необыкновенным и необъяснимым для людей, не знавших внутренних причин его; для самого же князя Степана Касатского все это сделалось так естественно, что он не мог и представить себе, как бы он мог по-

ступить иначе» [2: 265]. Задачи коммуникативного события определены Толстым в дневниковой записи от 6 июня 1890 г.: «Начал Отца Сергия и вдумался в него. Весь интерес – психологические стадии, которые он проходит» [2: 566].

Автор создаёт биографию героя, ключевые факты которой сообщает и оценивает повествователь. Словами повествователя передается умственно-психологическое состояние героя. Несобственно-прямая речь как взаимопроникновение голосов повествователя и героя помогает создать единое коммуникативное событие: «Было раннее утро, с полчаса до восхода солнца. Всё было серо и мрачно, и тянул с запада холодный предрассветный ветер. “Да, надо кончить. Нет бога! Как покончить? Броситься? Умею плавать, не утонешь. Повеситься? Да, вот кушак, на суку”. Это показалось так возможно и близко, что он ужаснулся. Хотел, как обыкновенно в минуты отчаяния, помолиться. Но молиться некому было. Бога не было. Он лежал, облокотившись на руку» [2: 298].

Авторская точка зрения формируется как конфигурация точек зрения повествователя (нарратора) и героя. Задача повествователя – описать жизнь героя, главные события которой обусловлены не столько биографическими фактами, сколько событиями внутренней жизни отца Сергия: «Жизнь была трудная. Не трудами поста и молитвы, это были не труды, а внутренней борьбой, которой он никак не ожидал. Источников борьбы было два: сомнение и плотская похоть. И оба врага поднимались вместе. Ему казалось, что это были два разные врага, тогда как это был один и тот же. Как только уничтожалось сомнение, так уничтожалась похоть. Но он думал, что это два разные дьявола, и боролся с ними порознь» [2: 280].

Выстраивая горизонтальную оппозицию (высшее общество – монастырская жизнь – затвор – дорога (встречи) – Сибирь), повествователь устанавливает пространственные и временные границы событий внешней жизни героя:

- 1) 1-й круг. Высшее общество;
- 2) 2-й круг. Монастырская жизнь;
- 3) 3-й круг. Затвор;
- 4) Дорога;
- 5) Встреча с Пашенькой;
- 6) Дорога. Странствия;
- 7) Губернский город;

8) Сибирь.

Однако развитие сюжета повести «Отец Сергей» определяется не только внешними событиями, но и сложной напряжённой внутренней работой героя. Внутренняя жизнь отца Сергия организована вертикальной оппозицией верха (дух) и низа (тело): «Отец Сергей стоял на обычном своём месте и молился, то есть находился в том состоянии борьбы, в котором он всегда находился во время служб, особенно в большой церкви, когда он не служил сам. Борьба состояла в том, что его раздражали посетители, господа, особенно дамы. Он старался не видеть их, не замечать того, что делалось» [2: 275].

Границей между событиями сюжета становится точка пересечения горизонтальной и вертикальной оппозиции, когда «уничтожалась внутренняя жизнь и заменялась внешней»: «Если говорили, что он нужен был людям, что, исполняя закон христов любви, он не мог отказывать людям в их требовании видеть его, что удаление от этих людей было бы жестокостью, он не мог отказывать людям в их требовании видеть его, что удаление от этих людей было бы жестокостью, он не мог не соглашаться с этим, но, по мере того как он отдавался этой жизни, он чувствовал, как внутреннее переходило во внешнее, как иссякал в нём источник воды живой, как то, что он делал, он делал всё больше и больше для людей, а не для бога» [2: 290]. Первые три круга внешней жизни героя однородны и замкнуты, поэтому он не изменяется, тщетно борется с соблазнами.

Следуя хронологическому принципу, повествователь выстраивает жизнеописание героя (3-7 главы) и выделяет те события, которые значимы и для сюжета рассказывания, и для судьбы героя. Жизнь отца Сергия развивается циклически. Временные циклы (7, 6, 8, 9, 13 лет) организуют три первые круга его жизнеописания. Но биографическое время не совпадает с временными критериями героя. В едином временном цикле внешней (телесной) жизни он выделяет лишь «редкие, светлые минуты истинной жизни», времени для «духовного укрепления и молитвы». Сомнения и, как следствие, победа телесного над духовным прерывают «кружение» героя в замкнутом мире.

Фаза преобразования героя отмечена значительным расширением художественного пространства и времени. Сон-воспоминание о детстве и встреча с Пашенькой открывают отцу Сергию ценностные критерии «истинной жизни». Коммуникативную стратегию жизнеописания, по утверждению М.М. Бахтина, определяет «возможность совершенно иной жизни

и совершенно иной конкретной ценностно-смысловой картины мира, с совершенно иными границами между вещами и ценностями, иными соседствами» [4: 203].

Ключевым пространственным образом последней главы повести становится дорога. Странничество, путь осмыслены и повествователем, и героем как движение, поиск, испытание, обновление: «Если удавалось ему послужить людям или советом, или грамотой, или уговором ссорящихся, он не видел благодарности, потому что уходил. И понемногу бог стал проявляться в нём» [2: 306].

Опираясь на жизненный опыт героя, повествователь раскрывает свою жизненную позицию, создаёт «вероятностную» картину истинной жизни: «В Сибири он поселился на заимке у богатого мужика и теперь живёт там. Он работает у хозяина в огороде, и учит детей, и ходит за больными» [2: 307].

Неразрывная связь референтного и коммуникативного событий в повести «Отец Сергей» позволяет Л.Н. Толстому добиться «доверия читателя к чужому слову» и «высказать правду о душе человека» [1: 94].

Список литературы

- 1 Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М., 1928-1958. Т. 53.
- 2 Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 12 т. М., 1987. Т. 11.
- 3 Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- 4 Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- 5 Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970.
- 6 Тюпа В. . Анализ художественного текста. М. : Издательский центр «Академия», 2009.
- 7 Шмидт В. Нарратология. М., 2003.

ДИАЛОГ-ИСПОВЕДЬ В ЯЗЫКОВОМ ОФОРМЛЕНИИ

Ю.Н. ИВАНОВА
(Курган, Россия)

Исповедь относится к актам поведения личности, признающей себя ответственной за свои убеждения, верования, действия и способной ответить за них в будущем. Представляя собой акт веры и гласности, она предполагает в человеке наличие моральных сил, поскольку осуществляется против его естественных устремлений и вопреки разного рода иску-

шениям. В этом, вероятно, заключается её значение для становления личности, которая «больше не является игрушкой своих склонностей, а учится ... отвечать за своё поведение» [11: 191].

Во время исповедального диалога происходит отождествление речевого партнёра с авторитетом как существом, способным слышать, понимать, содействовать, и изложение ему своих сокровенных переживаний, раскаяния и помыслов связано с надеждой на его помощь как ближайшего друга, отвечающего взаимностью. Каждое слово в этом диалоге направлено на предмет и в то же время напряженно реагирует на слово собеседника, предвосхищая его, отвечая ему. Этот принцип сочетания голосов, при котором реплики партнёров пересекаются и даже совпадают друг с другом, обуславливает две разновидности исповеди человека – с самим собой и с другим.

Любая диалоговая форма отличается конкретной адресованностью сообщения и неофициальным характером. Адресат определяется психологическими чертами. К примеру, идеалиста привлекают эмоционально насыщенные, оживленные беседы, а реалист, напротив, охотнее реагирует на краткие, точно сформулированные реплики. Синтезатор обращает внимание на противоречия, в то время как аналитик отдаёт предпочтение спланированному, рациональному анализу обсуждаемого вопроса [4: 26]. Неофициальность диалога предполагает, что его участники хорошо знают друг друга в силу неформальных обстоятельств, что способствует непринуждённому характеру их общения. «Тот, кто ощущает реальную ответственность ... диалога, может не называть того, кто произносит слово, на которое он отвечает; он знает его в субстанции слова, которое, требуя, проникая в душу, принимая интонацию внутреннего чувства, волнует его до глубины души» [3: 107].

Вследствие этого диалог характеризуется информационной избыточностью, эмоционально-стилевой окраской, экспрессивностью, которые проявляются в прагматических речевых актах соглашения и доверия, носящих толерантный характер. Речевой акт, в котором однозначно выражается его иллокутивная сила и, следовательно, интенциональное намерение, называется прямым. В таком высказывании форма и значение соответствуют друг другу. Речевые акты, не получающие прямого выражения значения, являются косвенными. В них, как отмечает Дж.Р. Серл, «говорящий имеет в виду и прямое значение высказываемого им предложения и, кроме этого, нечто большее» [9: 195]. Благодаря этому, вероятно, они

служат для решения прагматических задач общения, когда коммуникатор хочет привлечь к себе внимание собеседника, установить с ним более тесный контакт и тем самым расположить его к выполнению своей просьбы или, напротив, подчеркнуть силу убеждения. В рамках подобных высказываний встречаются уклончивые речевые акты, цель которых – нежелание вступить в конфликт с адресатом, нейтрализация отрицательного эффекта от ответа.

В косвенных и уклончивых речевых актах истинное коммуникативное намерение автора высказывания выражено имплицитно, неявно, причём среди имплицитных значений выделяются намеренные и произвольные. Первые входят в замысел сообщения, а вторые являются побочной информацией, не связанной с речевым актом. Любые имплицитные значения производны от взаимодействия эксплицитного значения с условиями его реализации и представляют собой дополнительное значение, параллельно существующее с явно выраженным [8: 51].

Диалогическая ориентация высказывания, «придающая ... предчувствие взаимности», реализуется в принципах кооперации, соответствующего количества и качества информации, её отношения к теме. Своеобразие диалоговой информации объясняется тем обстоятельством, что автор сообщения вправе обращаться к любому подбору слов, синтаксических конструкций и интонационному рисунку фразы, которые выражают его речевой образ, индивидуальный стиль. При этом совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают её способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного отношения говорящего к содержанию или адресату речи, определяется как экспрессивность. К лексическим экспрессивным средствам диалога относятся, во-первых, слова, отражающие человеческое бытие как таковое, например, «жизнь», «смерть», «человек», «настроение». В эту группу включаются также некоторые слова религиозного языка – «демон», «ангел», «ад», «рай». Во-вторых, здесь находят место слова, отражающие бытие как самопознание, например: «внутренний мир», «опыт», «переживание», «диалогическое понимание», «смысл жизни», «истина». Далее, встречаются слова, характеризующие бытие как самоопределение – «личность», «саморазвитие», «творчество», «выбор». В-четвёртых, в этой коммуникации представлены слова, отражающие бытие как бытие в мире, например: «встреча», «взаимопонимание», «благодарность», «вера»,

«надежда», «любовь» [5: 20–21]. Кроме этого, диалогическое сообщение содержит антропологические термины, отражающие психофизиологические реалии типа «вздых», «слёзы», «смех», а также возрастные указания – «маленький», «молодой», «пожилой» или физические параметры – состояние, строение, размер, например, «больной», «здоровый», «полный», «худой» и т.д.

«Основное движение в диалоге – обращение» осуществляется антропонимами, создающими положительный или отрицательный портрет человека с помощью реальных имен или прозвищ. Для выражения психологического состояния индивида характерно употребление синонимичных прилагательных, из которых каждый последующий представитель синонимичного ряда в эмоциональном плане является более сильным. Особой экспрессивностью отличается элятив, форма превосходной степени, имеющая значение предельности качества. В целом, слова, большей частью многозначные, в диалоге достигают однозначного толкования, которое объясняется, с одной стороны, их сочетаемостью в определённом контексте, с другой стороны, – предрасположенностью собеседников друг к другу.

Выразительные средства морфологии включают словосложение, а также широкий диапазон ласкательных и уничижительных аффиксов. «Самым потрясающим аспектом языковой компетенции, – считает Н. Хомский, – является то, что можно назвать “творческой природой языка”, то есть способностью говорящего производить новые предложения..., которые мгновенно понимаются другими говорящими» [10: 103]. Особенностью повествовательного предложения является представление информации в виде сообщения, описания душевного состояния человека, которое предстоит понять собеседнику. Это позволяет предположить, что повествование является речевой формой изложения интенции, требующей от коммуниканта больших когнитивных усилий, чем побуждение и вопрос, и поэтому чаще приводящей к неожиданному перлокутивному эффекту. В вопросительном предложении партнёр поставлен в положение человека, от которого зависит отрицательная или положительная реакция и, таким образом, исход диалога. Вопросительные конструкции с модальным глаголом «хотеть» сигнализируют о том, что говорящий выступает инициатором действия в интересах собеседника, оставляя за ним право выбора или явную возможность отказа [7: 49].

На синтаксическом уровне экспрессия выражается изменением по-

рядка слов, использованием эллиптических конструкций или повторов. Так, субъективный, отражающий эмоции говорящего, порядок слов, в отличие от нейтрального, при котором расстановка слов соответствует движению мысли, выносит на первое место психологически более важные элементы фразы. Эллипсис представляет собой пропуск в тексте подразумеваемой языковой единицы, структурную неполноту синтаксической конструкции. Являясь признаком эмоционально насыщенной речи, эллипсис часто сочетается с невербальными средствами общения – позами, жестами, мимикой. Повтор как предельный случай редупликации представляет собой удвоение отдельного слова или конструкции. Он служит средством варьирования лексического значения языковой единицы, выражающим степень интенсивности сообщения.

К фонетическим экспрессивным средствам диалога относятся фонологически нехарактерные для данного языка употребления звуков вследствие изменения их длительности или акцентного ударения. Фонетические элементы, связанные с чувственно-эмоциональной стороной изложения информации, в основном не поддаются планированию, являются импровизированными в зависимости от незначительных изменений психологического фона коммуникативной ситуации.

Стилистическая экспрессия обусловлена использованием слова в несвойственном ему контексте, в результате чего нарушается правило стилистической однородности. Сравнения и другие стилистические тропы: метафора, метаморфоза, метонимия, синекдоха, гиперболо, литота, приглашающие собеседника к рассуждению – позволяют избежать императивности, используя модальность возможного, вероятного действия. Гармоничное построение речевого сообщения достигается также употреблением стилистических фигур – анафоры, эпифоры, параллелизма, антитезы, риторического обращения или вопроса, украшающих текст [6: 88]. Отмечено, что женщины чаще, чем мужчины, стремятся к выражению эмоциональных переживаний и чувств и в результате – к гармонизирующим речевым поступкам, как например, отвлекающим сменам темы разговора, предложению примирения [2: 388].

М.М. Бахтин, охарактеризовавший многие типы диалогов в романах Ф.М. Достоевского, подчёркивал, что в них человек всегда есть *«субъект обращения»*, и отметил следующий принцип их построения: *«Повсюду – пересечение, созвучие или перебой реплик открытого диалога с репликами*

внутреннего диалога героев. Повсюду – определённая совокупность идей, мыслей и слов проводится по нескольким неслиянным голосам, звуча в каждом по-иному» [1: 176]. Всё это выражается и оформляется соответствующими языковыми средствами.

Список литературы

- 1 Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Киев : NEXТ, 1994.
- 2 Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: зоны толерантного и нетолерантного общения // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности / отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005.
- 3 Бубер М. Диалог // Два образа веры. М. : Республика, 1995.
- 4 Калашникова С. В. Психологические типы личности в свете прагматики текста // Прагматика языка и язык прагматики : мат-лы региональной научной конференции / отв. ред. Ф. А. Литвин. Орел : Изд-во Орловского гос. ун-та, 2004.
- 5 Лузина Л. Н. Теория воспитания: философско-антропологический подход. Псков: Изд-во Псковского гос. пед. ин-та им. С.М. Кирова, 2000.
- 6 Маров В. Н. Принцип толерантности в риторике и поэтике // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности / отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005.
- 7 Маслова А. Ю. Вопрос в значении побуждения. Формирование коммуникативной компетенции // Русская словесность. 2007. № 5.
- 8 Пугач В. С. Модель уклончивого речевого акта с имплицатурой с позиции адресата вопроса // Прагматика языка и язык прагматики: мат-лы региональной научной конференции / отв. ред. Ф. А. Литвин. Орел : Изд-во Орловского гос. ун-та, 2004.
- 9 Серл Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М. : Прогресс, 1986.
- 10 Хомский Н. Вопросы теории порождающей грамматики // Философия языка / ред.-сост. Дж. Р. Серл. М : Едиториал УРСС, 2004.
- 11 Bollnow O. F. Sprache und Erziehung. Stuttgart, Berlin, Koeln, Mainz : W. Kohlhammer Verlag, 1966.

ред. М. П. Котюрова. Пермь, 2002. С. 122-135.

11 Эткинд Е. Г. Опыт о местоимении в системе поэтической речи // Поэтика и стилистика русской литературы. Л. : Наука, 1971. С. 399-407.

12 Библия. Книги Ветхого и Нового Завета. Чикаго, 1990.

13 Дельвиг А. А. Полное собрание стихотворений. Л. : Советский писатель, 1959.

14 Русский романс. М. : Правда, 1987.

15 Строфы века. Антология русской поэзии. Минск; Москва : Полифакт, 1999.

16 Bradbury Ray. Dandelion Wine. N. Y., 1974.

А.Н. ЗЫРЯНОВ – ОСНОВОПОЛОЖНИК ЗАУРАЛЬСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

О.С. ДРАГУНОВА
(Курган, Россия)

Уральский говор, диалект представляет собой большой интерес с точки зрения построения языка... Уральский диалект, мне кажется, интересен в том смысле, что мы здесь получили исторически языковую копилку.

П.П. Бажов

Уникальная по своему содержанию рукопись зауральского этнографа Александра Никифоровича Зырянова «Язык у шадринских крестьян Пермской губернии» (8 октября 1856 года) [1] хранится в фонде Санкт-Петербургского филиала научного архива РАН. Этот ценный документ позволяет в очередной раз говорить о широчайшем круге научных интересов и исследований краеведа, государственного крестьянина А.Н. Зырянова.

Начало русской диалектной лексикографии связано с первым в своём роде сводным научным изданием диалектной лексики «Опыт областного Великорусского словаря» под редакцией А.Х. Востокова и А.М. Коркунова в 1952 году [10], который отразил очень важную тенденцию представления диалектного слова в контексте русской традиционной народной культуры. «Дополнение к опыту областного великорусского словаря» Н.Я. Данилевского (1858 г.) – это первый словарь областной лексики, отличающийся полнотой лексического материала, строгостью этимологии

В последнее время усилился процесс дисфемизации речи, то есть огрубления, употребления грубо-просторечных и жаргонных наименований. Однако наряду с процессом дисфемизации наблюдается и противоположная динамика – процесс эвфемизации. Использование эвфемизмов не ново. ещё греческий историк Плутарх писал: «жители Афин скрывают уродство некоторых вещей под удачными, подходящими и добрыми терминами, давая этим вещам вежливые и приятные названия: вместо слова *taxes* (*налоги*) приветствовалось *contributions* (*денежный вклад, пожертвование*), вместо *prison* (*тюрьма*) употреблялось *chamber* (*комната, камера*).

Основной тематикой дискурса, подверженной политкорректизации, является тема расовой и национальной принадлежности. Что и не удивительно, ведь, как утверждают некоторые специалисты, феномен политкорректности возник около 20 лет назад в результате протеста африканцев против расизма английского языка. Связь между английским языком и африканцами вполне очевидна. На английском языке говорят американцы, привозившие к себе на континент в качестве рабов множество африканцев. Соответственно, первое откорректированное слово в Америке было слово «*nigger*» (негр). Само слово происходит от испанского *negro* (чёрный). То есть прямой оскорбительной информации это слово не несет. Однако если учесть, что так называли их предков, которые были рабами, то понять африканцев вполне можно. Вместо *nigger* в США обычно говорят *black (male/female)*, *Afro-American*, *member of African Diaspora*, *person of black race* и т.п. Политкорректность языка в США находится в постоянном развитии и приобретает интересные формы. Так, например, африканцы и азиаты могут быть названы таким уж слишком политкорректным термином, как «*Non-whites*».

Достаточно интересна эвфемизация в отношении названия латиноамериканского населения США. Так слово *Hispanic(s)*, которое достаточно долго обозначало абсолютно всех латиноамериканцев, стало реже употребляться в повседневной речи, так оно приобрело некоторый негативный смысл. Не секрет, что латиноамериканцы хуже всех адаптируются к жизни в Штатах, и, вследствие чего, часто имеют низкооплачиваемую работу и не преуспевают в жизни. Вот вся эта бедность и неуспешность закрепились за *Hispanics*. Вместо *Hispanics* американцы предпочитают говорить: *Latino – Latina* (мужской и женский род) – общее обозначение, *Chicano – Chicana* (мужской и женский род) – латиноамериканцы мекси-

канского происхождения. Индейцев следует называть коренными американцами («native Americans»).

Желание соблюсти политкорректность в религиозной сфере привело к тому, что в некоторых англоязычных странах традиционное пожелание «Merry Christmas» («весёлого Рождества») стали часто заменять на «Happy Holidays» («счастливых праздников») в случаях, когда оно обращено к людям неизвестного вероисповедания (например, к широкой публике).

Социальное и финансовое положение

Бедность, конечно, не порок. Но само это явление ужасает многих, особенно тех, кто живёт в относительно благополучных странах. Неудивительно, что и сами слова (бедность, бедный, бедные) в СМИ, особенно на телевидении, практически всегда заменяются эвфемизмами: социально незащищенные слои населения, материально необеспеченный и т.д. Аналогично и в английском языке – слово «poor» в официальных СМИ часто заменяется на следующие: the needy (нуждающиеся), penniless (бедствующий), (socially) deprived (обездоленные), low-income family (семья с низким доходом) etc.

Эвфемизмы, повышающие престиж отдельной профессии

Данная группа эвфемизмов представляет собой весьма интересное явление, пришедшее к нам с Запада. До распада СССР никто особо и не задумывался над престижностью звучания той или иной профессии. Уже с начала 1990-х гг. привычные названия профессий стали заменяться на импортные. Приставка «менеджер» сейчас прилагается ко многим городским профессиям. Существуют топ-менеджеры нефтяных компаний, и есть менеджеры торгового зала в магазинах, задача которых – разложить товар по полкам [2: 300-301]. Человек (обоих полов), работающий контролером на проходной, часто именуется модным словом «security» (секьюрити). Многие нужные, но не очень популярные, профессии на западе (особенно в США) переименовываются, чтобы сделать их звучание более престижным: garbage collector (мусорщик) – sanitation man (engineer); undertaker (сотрудник похоронного бюро) – mortician, funeral director; hairdresser (парикмахер) – hairstylist.

Основная цель применения эвфемизмов в дискурсе новостных СМИ – смягчение истинного смысла, избежание неблагозвучных, грубых слов и выражений. Употребление эвфемизмов приводит к маскировке истинного смысла сказанного, к нивелировке грубости, резкости и неприличия.

Список литературы

- 1 Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Языкознание, 1998. С. 590.
- 2 Зильберт Б. А. Тексты массовой информации : учеб. пособие для студентов филол. фак. ун-тов и пед. ин-тов. М. : Изд-во Саратовского. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 1991. С. 5.
- 3 Ковшова М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. М. : Гнозис, 2007. С. 300-301.
- 4 Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М. : Ваклер, 2001. С. 147-149.
- 5 Rawson H. A Dictionary of Euphemisms and Other Double Talk. NY, 1995.
- 6 Федеральный образовательный портал ЭСМ. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/133349.html> (дата обращения: 20.01.2014).

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЧЕК ОТ ВЕТОК ВЕРЬ В ЛЕЧЕБНЫХ ЦЕЛЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ХХ – НАЧАЛЕ ХХІ ВЕКА: ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Й. МАРДОСА
(Вильнюс, Литва)

Как известно, многие обычаи входят в структуру религиозно-обрядовой культуры этносов и являются генетически связанными с основополагающей культурой каждого народа, традиционным её пластом. В этой связи научной проблемой интересным становится изучение вопросов образа жизни населения региона, в котором этнокультурные процессы происходят в конфессионально смешанной среде. Для Литвы такой территорией является её юго-восточная часть, и она, будучи тесно связанной с западной Беларусью, существует как этнически смешанная территория. Государственная граница разделила восточную часть Литвы и западную Беларусь лишь в конце ХХ в. В её южной части проживают поляки и литовцы, белорусы и русские. Особенностью пограничных с Беларусью районов юго-восточной Литвы является доминирование поляков среди местного населения как в сельской местности, так и в городах (за исключением Вильнюса) [10: 383-384]. Основная часть русских в юго-восточной Литве проживает в Вильнюсе, а в Беларуси они являются городскими и сельскими жителями. Важно отметить, что с этническим фактором связана конфессиональная принадлежность людей. Поляки и литовцы в юго-восточной Литве в западной Беларуси – католики, белорусы – в основном

православные, частично католики, русские – православные, и такое положение является продолжением ситуации, которая известна с конца XIX века [12]. Таким образом, юго-восточная Литва и западная Беларусь имеют ярко выраженные черты единого этнокультурного региона. В этой связи среда позволяет решать различные вопросы этнокультурного порядка, связанные с религией.

Объектом статьи является особо важный символ пасхального периода – сакрализованный символ Вербного воскресенья – верба и один из многих способов её применения в профанной сфере. На основе полевых этнографических материалов и литературных данных, в статье ставится цель рассмотреть конфессиональные, региональные и этнические особенности применения почек верб в лечебных целях во второй половине XX – начале XXI века в юго-восточной Литве в западной Беларуси. Источниковедческую базу статьи составляет материал полевых исследований, накопленный автором статьи в различных местностях юго-восточной Литвы и западной Беларуси в 2004-2013 гг. (опрошено свыше 300 человек среднего и старшего возраста) [18: 37-43]. Также будем привлекать и труды этнологов, занимающихся этим вопросом.

Исторически на исследуемой территории основу материала для изготовления верб составляли ветки различных пород ивы, среди которых преобладало вербное дерево. Для литовцев, как и для поляков, особенно привлекательной весной является украшенная красивыми сережками («котиками») бредина [19: 304]. Для православных белорусов особую значимость составляют вербы, изготовленные из веток ивы с распускающимися листьями почками, ветки с так называемыми «котиками» интересуют мало. Во второй половине XX века православные белорусы связывают освящение ветки с «котиками» в Гродненской области с русскими, и это справедливо. В отличие от белорусского православного населения, русские православные Литвы, в том числе и старообрядцы, для освящения используют именно такие ветки. В то же время для западной и средней Литвы традиционно свойственно освящение веток можжевельника, и данный обычай в середине XX века стал проникать на восток Литвы. В последние десятилетия XX века использование можжевельника как сырья для верб распространяется и в западной Беларуси [9: 45].

С другой стороны, несмотря на изменения в сырье для верб, в восточной Литве и западной Беларуси использовались и используются в цели-

тельных целях исключительно ветки ивы с почками (в том числе и «котиками»). Как показывают полевые материалы, примечательным является тот факт, что люди используют ветки как различных пород ивы, так и можжевельника (даже туи) в других магических целях (окуривание, бичевание, сохранение в домашней среде) [18: 134-194]. И это составляет особенность изучаемого региона.

Освящённые символы (в нашем случае вербы) в католической литургии называются сакраменталиями. Ими могут стать предметы или действия, цель которых – достижение специфического, в первую очередь духовного, эффекта [20: 479]. В православной церковной традиции освящённые предметы являются лишь подтверждением веры. Таким образом, христианство не верит в чудотворное воздействие и не ожидает магических результатов от освящённого материала в различных областях жизнедеятельности людей. Однако в народной культуре такой подход существует, и вербы используются в том числе и в народной медицине. Мнимое магическое воздействие вербы может осуществиться разными способами. Освящённую вербу часто используют как апотропей, например, в защитных целях при бичевании и окуривании символом. Однако в статье мы будем рассматривать применение почек вербы в лечебных целях при использовании их внутрь (настойки, чай, поедание бутонов ивы при различного рода недугах). Имеющийся материал позволяет выделить несколько групп болезней, при лечении которых используются почки ивы: боли в горле, зубная боль, лихорадки, болезни на нервной почве. Прежде всего, лечение осуществляется путём поедания почки.

В пограничных с Беларусью районах Литвы в памяти людей и в реальности почки ивы используются в профилактических и лечебных целях. При боли в горле детям советовали жевать почки ивы (Швенченский р-н). В Шальчининкойском районе (село Дайнава) «котиков» употребляли в Вербное воскресенье из-за повышения силовых качеств людей, в праздничный день в профилактических целях бутоны ели дети (поселок Диевенишкес), а как оберег давали и животным. Такой обычай, несомненно, распространился из соседних народов. На Украине «котики» ели от боли в горле, в Беларуси это делали ещё в церкви во время распределения верб (Полесье) [5: 191; 15: 337]. Исторически белорусы верили, что от зубной боли следует съесть 9 бутонов и произнести заклинание [5: 190; 7: 67]. В литературе мы обнаруживаем случаи использования «котиков» среди бе-

лорусов-пинчуков, которые употребляли 9 бутонов от зубной боли и лихорадки (три или один). От лихорадки белорусы съедали 9 бутонов освящённой вербы, а дети жевали почки от червей в кишечнике [4: 241]. Известно, что белорусы в XIX-XX вв. от лихорадки детям давали съесть три «котика» [5: 190], или в профилактических целях в Вербное воскресенье полагалось съесть всем по бутону [7: 67]. От лихорадки 9 почек или «котиков» кушали и русские [3: 156; 11: 68]. В XIX веке в Польше детей также кормили сережками ивы от боли в горле [17: 64]. Поляки верили, если принимать бутоны, горло не будет болеть целый год, то есть почки вербы имеют долгосрочное воздействие. На Краковщине в деревнях кушали по одной почке от лихорадки [1: 209]. Поляки в XIX в., принимая «котики», верили, что тот, кто не съест, не получит спасения [22: 97-98]. Также и среди русских женщин известны случаи употребления почек как в родильных обычаях, так и при охране от болезней [11: 68; 14: 84].

Другой способ лечения – применение изготовленного из освящённых почек настоя и чая. В соседней Вильнюсскому району местности юго-восточной Литвы, в окрестностях Тургяляй (Шальчининкайский р-н) литовцы и поляки утверждают, что настойка из почек ивы полезна при лечении мочевого пузыря и желудка. В окрестностях Ейшишкес поляки верили, что «котики» могут придать здоровья, а в Швенченис респондент-литовец вспоминает, как мама в конце XX века поила его чаем из «котиков» и других освящённых трав от простуды. От лихорадки готовили чай из «котиков» и веток ягодника, взятых из букета верб (Швенченнский р-н) [16: 407].

Напитки с использованием почек или даже кусочков веток ивы как целительные средства использовались при заболеваниях нервного происхождения. Во многих местностях Вильнюсского региона до наших дней верят, что взрослых и иногда детей от бессонницы возможно вылечить напитком, полученным при помощи заливания горячей водой почек ивы. От испуга, говорят, надо взять кусочек вербы, залить кипятком и дать выпить (Вильнюсский р-н, православные) [21: 63]. Православная из местечка Тургяляй утверждает, что настойка вербного дерева может помочь при заболеваниях желудка и мочевого пузыря. Также, натирая такой настойкой ногу, она вылечила опухоль [9: 50]. Такие способы малоизвестны в Беларуси, однако в литературе мы находим зафиксированные сложные формы приготовления лекарств: от алкоголизма следует брать 9 почек от вербно-

го дерева и залить водкой. Необходимо настоять в течение 40 дней и затем по несколько капель давать пить больному [6: 338]. Существование такого способа зафиксировано в памяти людей и в начале XXI века в окрестностях Сапоцкина (Гродненская обл.). Во время исследования замечено, что в Вильнюсских окрестностях такие обычаи и верования практически отсутствуют. Возможно, влияние города подействовало на рациональность мышления людей, и в некоторых областях народной медицины проявляется ориентация на достижения профессиональной медицины. Хотя, с другой стороны, поверье во влияние «дурного глаза» существует даже в городской среде.

Как уже не раз отмечалось, в поверьях и в реальных действиях существуют магические цифровые варианты, которые не являются случайными. Магическое понимание 3, 7, 9 хорошо известно в белорусской народной медицине [2: 130]. Однако поляки и литовцы юго-восточной Литвы в пограничье с Беларусью во второй половине XX века во время Вербного воскресенья чаще давали детям съесть по «котику», чтобы дожить до Пасхи. Также и поляки по обеим сторонам границы жевали «котики» для здоровья и красоты (окрестности Начи). Такая ориентация в юго-восточной Литве на использование по одной почке представляет интерес, так как букеты верб из веток ивы и можжевельника чаще всего в общем количестве состоят из трёх, пяти, семи веток [18: 88-90].

Подводя итоги, можно утверждать, что в использовании почек верб в лечебных целях этнический фактор в применении различных пород веток ивы не имеет решающего значения. Славянским народам присуще освящение веток ивы в Вербное воскресенье, это исторически проникло на всю восточную часть Литвы и утвердилось в народных обычаях. Поэтому во второй половине XX века, когда на исследуемой территории наряду с ветками ивы стали освящать и ветки можжевельника, обрядовые изменения в освящаемом материале не повлияли на обычай применения почек от верб в лечебных целях. Полевой материал показывает, что разные способы лечения с использованием почек ивы в юго-восточной Литве и западной Беларуси сохранились даже в начале XXI века. Существующие особенности связаны не с этнической, а с конфессиональной принадлежностью людей, которые имеют влияние на трактовку разных видов почек и тем самым на использование почек различных пород ивы. Таким образом, переплетение религиозных и народных обычаев, что свойственно народ-

ной религиозности в целом, является движущей силой в обращении людей к помощи Бога в сложных ситуациях их жизни. Этим и определяется этноконфессиональная специфика применения почек веток верб в лечебных целях во второй половине XX – начале XXI века в юго-восточной Литве и Западной Беларуси.

Список литературы

- 1 Ганцкая О. А. Поляки. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: весенние праздники. М. : Наука, 1977. С. 202-220.
- 2 Грамадскі быт і культура сельскага насельніцтва Беларусі. Мінск : Навука тэхніка, 1993.
- 3 Бондаренко Е. О. Праздники христианской Руси: Русский народный православный календарь. Калининград : Янтарный сказ, 1994.
- 4 Васілевіч У. А. Вербніца. Беларускі фальклор. Энцыклапедыя. Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 2005. Т. I. С. 241, 249.
- 5 Котович А., Крук Я. Веснавыя святы. Беларусік народны календар: у 2 кн. Книга 1. Мінск : Мастацкая літаратура, 2005.
- 6 Котович А., Крук Я. Золотые правила народной культуры. Минск : Адукацыя і выхаванне, 2007.
- 7 Ліцьвінка В. Святы і обряды беларусаў. Мінск: Беларусь, 1997.
- 8 Лозка А. Беларускі народны каляндар. Мінск : Полымя, 2002.
- 9 Мардоса Й. Освящённая верба в обрядах Западной Белоруссии и Восточной Литвы // Традиционная культура. 2007. Т. 1. С. 43-51.
- 10 Мардоса Й. Символ и вопросы религиозной идентичности в полиэтноконфессиональной среде: вербы в современной Западной Беларуси и Восточной Литве // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии: материалы Международной научной конференции 29-30 мая 2008 г. Смоленск : Изд-во Смоленского гуманитарного университета, 2008. С. 383-290.
- 11 Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. СПб. : Азбука, 1995.
- 12 Романовъ Е. Канфесійная структура насеініцева. 1897 г. // Составъ населенія губерні. Матеріалы по этографіі Гродненской губерні. Выпускъ первый / ред. Е. Романовъ. Вильна, 1911.
- 13 Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских украинцев и белорусов. М. : Наука, 1979.
- 14 Шангина И. И. Русский народ. Будни и праздники. Энциклопедия. СПб. : Азбука-классика, 2003.
- 15 Толстой Н. И. Вербное воскресенье // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М. : Наука, 1995. Т. 1. С. 337.
- 16 Klimka L., Seliukaitė I. Kalendoriniai papročiai Adučiškio apylinkėse // Adučiškio kraštas. Vilnius : Diemedžio leidykla, 2003. P. 402-417.
- 17 Lechowa I. Relikty tradycyjnej obrzędowości dorocznej w Łęczckiem // Łódzkie studia etnograficzne. T. XVI. Łódź : Muzeum Archeologiczne i Etnograficzne, 1974.
- 18 Mardosa J. Rytų Lietuvos ir Vakarų Baltarusijos verbos: Liaudiškojo pamaldumo

raiška XX a. antrojoje pusėje – XXI a. Pradžioje: mokslinė monografija. Vilnius : Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2009.

19 Lietuvos dendroflora / M. Mavasaitis [ir Kt.]. Kaunas : Lututė, 2003.

20 New Catholic encyclopedia. 2nd ed. Detroit : Gale/Thomson, 2003.

21 Velykų rytą lelija pražydo. Verbų sekmadienio, Velykų, Jurginių papročiai ir tautosaka. Parengė N. Marcinkevičienė /papročiai, tikėjimai burtai/, L. Sungailienė /dainuojamoji tautosaka/, A. Vakarinienė /choreografija, folkloras/ – Vilnius : Lietuvos liaudies kultūros centras, 2006.

22 Zdrożyńska A. Powtarzać czas początku. Część I. O świętowaniu dorocznych świąt w Polsce. Warszawa : PWN, 1985.

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННЫХ ФОРМ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

О.Н. МОРОЗОВА

(Санкт-Петербург, Россия)

На современном этапе изучения интернет-коммуникации особое внимание исследователей направлено на выделение и описание наблюдаемых в этой сфере жанров. Как подчёркивает Е.И. Горошко, «в последнее время коммуникативное пространство Интернета стало своеобразной жанропорождающей средой, которая способствовала как более интенсивному развитию жанроведения в целом, так и возникновению новых, свойственных только данной информационной среде жанров [2: 105]. Предлагаются различные подходы к решению этой насущной проблемы. Распространившись совсем недавно, Интернет породил большое разнообразие новых разновидностей, которые не вписываются в классификацию традиционных жанров, выработанных в лингвистике. Трудность состоит ещё и в том, что «они относятся не только к различным речевым жанрам (в пределах одного вида дискурса), но и к разным видам (научный, спортивный, рекламный и пр.) и даже разным типам (институциональный и персональный) дискурса» [5: 350]. Кроме того, набор жанров интернет-коммуникации все ещё остаётся открытой системой, в которой имеющие жанры видоизменяются, а также постоянно появляются новые, что не позволяет провести их полную инвентаризацию. А.Н. Тепляшина отмечает, что в настоящее время существуют две взаимосвязанные тенденции: активная эволюция жанров, с одной стороны, и свободная комбинация при-

знаков различных жанров в одном произведении, с другой. Это создаёт предпосылки новой теории жанров – учения, всякий раз предполагающего необходимость изменения нормы применительно к постоянно обновляющейся практике [7: 130].

Проведённый обзор исследований в этой области позволяет сказать, что общая тенденция к выделению принципов и критериев классификации жанров интернет-коммуникации всё ещё находится в стадии разработки. Это обусловлено ещё и тем, что в сложных речевых произведениях, к числу которых относятся различные виды дискурса интернет-коммуникации, ведущая роль принадлежит смыслоориентирующим, вероятностным, а не жёстко предписывающим категориям, кроме того, в коммуникативном пространстве ещё не окончательно сформированы даже базовые текстовые характеристики [4: 98].

Очень часто происходит слияние понятие жанра в журналистике и понятие жанра в интернет-коммуникации. И это не случайно: в современном Интернете очень широко представлены информационно-новостные сайты, которые построены по принципу газетно-публицистического стиля, и они во многом перенесли уже используемые и хорошо закрепившиеся жанры традиционных средств массовой коммуникации в новую коммуникационную среду. Отличия в данном случае лишь в расширении возможностей и удобства работы с информацией как со стороны отправителя, так и со стороны получателя. Это выражается в таких характеристиках, как быстрота и простота получения информации, большой выбор, дальнейшее сопоставление и подтверждение полученной информации, использование как текстового, так и аудио-, видеоматериалов; широкие возможности обратной связи и т.п.

То же можно сказать о научном и художественном стилях, которые также широко представлены в своих традиционных жанровых разновидностях в информационной базе интернет-пространства для чтения и работы с этими источниками. Мы не будем подробно останавливаться на такого рода объектах, так как они хорошо изучены и включение их в компьютерную среду не меняет их стилевой и жанровой принадлежности. Остановимся лишь на тех, которые представляют, так называемый, компьютерный «новояз», характерный для всех традиционных функциональных стилей и либо полностью, либо частично меняющий свою стилевую или жанровую принадлежность. Названия для таких объектов в основном

складываются спонтанно и чаще всего самими пользователями сети, например, название жанра «chat», в русской терминологии «чат» или «сетература» и некоторые другие.

Рассмотрим, например, всё чаще звучащее понятие «электронная литература», которое охватывает всё многообразие литературных форм и направлений, созданных и/или существующих в цифровом формате на электронных носителях и/или в сети Интернет, которому сами пользователи присвоили название *сетература*. Что касается стилевой или жанровой принадлежности этих литературных произведений, то по своей основной ведущей функции (эстетической) и языковому выражению они полностью соотносятся с традиционными художественными произведениями, в то же время помещение и развертывание их в новой среде меняет форму их презентации в отличие от «бумажных» вариантов.

В основе большинства произведений электронной литературы лежит понятие «гипертекст», который был введён в обращение Тедом Нельсоном (Ted Nelson) в 1965 г. В своей книге «Literary machine» (1981) он определяет гипертекст как «не-последовательное сочинение (non-sequential writing) – текст, который разветвляется и позволяет читателю выбирать <...>. Проще говоря, это ряд кусков текста (a series of text chunks), соединенных линками, предлагающими читателю различные пути [чтения]» [1]. Главной отличительной чертой таких литературных произведений является возможность читателя участвовать в построении читаемого им произведения, делая процесс интерактивным. Как отмечают А. Comte (2001), N.F. Jensen (2001) и другие исследователи, читатель гипертекста получает некоторые свободы/преимущества/привилегии по сравнению с читателем традиционной книги: возможность выбора путей прочтения произведения и создание читателем своего собственного варианта текста в результате нелинейной навигации, возможное участие в создании гипертекста, его изменении, обсуждении с другими читателями или даже с автором и т.п.

Структура гипертекста и множественность путей его прочтения создают дополнительные возможности для восприятия содержания художественного интернет-дискурса по сравнению с печатным текстом. Информационные единицы гипертекста могут содержать не только текст, но также изображения, звук, видеоклипы и т.п., что во многом расширяет возможности эстетического воздействия литературного произведения. Та-

ким образом, «разнородность и мультимедийность» – это ещё одно уникальное свойство гипертекста. Оно, по словам М. Визеля, подразумевает «применение всех средств воздействия на потребителя-читателя, какие только возможны технически в данной системе: от чисто литературных (выбора повествовательной стратегии и стилистики) через издательские (шрифты, верстка, иллюстрации) и вплоть до самых сложных компьютерных (звук, анимация, отсылка к другим нехудожественным материалам и др.)» [1]. Это, несомненно, накладывает определённый отпечаток на трактовку традиционных категорий художественного нарратива: композицию, сюжет, фабулу, повествовательную точку зрения, пространственно-временные отношения и др.

Среди прочих исконно сетевых жанров интернет-коммуникации выделяют, прежде всего, всевозможные дискуссионные группы, чаты, форумы, конференции, недавно появившиеся социальные сети, блоги и миниблоги, где могут общаться одновременно многие пользователи. К жанрам неспециального общения относятся гостевые книги, письма электронной почты, избранные почтовые рассылки, электронные библиотеки, электронные журналы и др. Очень широко в интернет-коммуникации представлены информационные жанры или жанры новостей, научно-образовательные жанры, которые включают в себя online-курсы, научные библиотеки, виртуальные читальные залы; развлекательные жанры – игры, аудио- и видеокаталоги; жанры деловой и коммерческой коммуникации с широкой системой коммерческих объявлений и рекламных баннеров; презентационные жанры – сайты-визитки, корпоративные сайты, персональные страницы. А.А. Селютин предлагает отнести эти жанры к «неканоническим», т.е. жанрам, которые зародились в рамках интернет-пространства и не могут существовать вне его [6: 139].

Этот перечень жанров Интернета можно расширять и уточнять также на иных классификационных основаниях. Так, например, Т.М. Шмелева предлагает разграничивать информативные, императивные, оценочные и ритуальные жанры [8]. Л.Ю. Иванова высказывает предположение, что язык, формирующийся сейчас в интернет-коммуникации, «представляет собой образование, находящееся над подъязыками и отдельными функциональными разновидностями, образование, объединяющее множество жанровых подсистем, разделяющихся, в свою очередь, на отдельные жанры» [3].

Таким образом, можно сказать, что в современной интернет-

коммуникации уже сложился целый набор окончательно сформировавшихся нетрадиционных жанров виртуального общения. Они обладают своими собственными признаками и свойствами, отличными от традиционных форм общения, и доступны только в пространстве Интернета.

Список литературы

- 1 Визель М. Поздние романы Итало Кальвино как образцы гипертекста, 1998. URL: <http://www.netslova.ru/viesel/viesel> (дата обращения: 15.01.2014).
- 2 Горошко Е. И., Жигалина Е. А. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // Вопросы психолингвистики. 2010. № 2 (12). С. 105-123.
- 3 Иванов Л. Ю. Язык интернета: заметки лингвиста, 2000. URL: <http://www.faq-www.ru/lingv.htm> (дата обращения: 15.01.2014).
- 4 Рогачёва Н. Б. Речеганровая вторичность в политическом дискурсе (на материале жанра блога) // Политическая коммуникация : материалы Всерос. науч. школы для молодёжи. Екатеринбург, 25 авг. – 8 окт. 2009: в 2 т. / гл. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург: Изд-во уральского гос. пед. ун-та, 2009. Т. 2. С. 97-100.
- 5 Саенко А. Н. Содержательно-стилистические особенности информационных текстов в Интернете // Науч. зап. Луганского национ. пед. ун-та. Вып. 5. Т. 1. Сер. Филологические науки : сборник научных трудов. Луганск : Альма-матер, 2004. С. 350-360.
- 6 Селютин А. А. Жанры как форма коммуникативного выражения онлайн-личности // Вестн. Челябинского гос. ун-та. № 35 (173). Филология. Искусствоведение. Вып. 37. Челябинск, 2009. С. 138-141.
- 7 Тепляшина А. Н. Методологические основы жанрообразования в масс-медиа // Логос, общество, знак (к исследованию проблемы феноменологии дискурса) : сборник научных трудов. СПб., 1997. С. 128-134.
- 8 Шмелева Т. В. Речевые жанры // Культура русской речи: энцикл. слов. справ. Красноярск, 1991. С. 89-91.

СЕМИОТИКА И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Т.Б. НАЗАРОВА
(Москва, Россия)

В отечественной и зарубежной филологии существует большое количество работ, посвящённых тому, что в самом общем виде может быть названо семиотикой художественной литературы. Литературная семиотика считается самостоятельным направлением семиотических исследова-

ний. Несмотря на многообразие публикаций, постоянное появление новых имен и расширение перечня используемых понятий и терминов [5; 6; 10; 11; 12], едва ли можно предложить однозначный ответ на следующие вопросы: Что имеется в виду, когда говорят о семиотике литературы? В какой мере история вопроса даёт представление о семиотике литературных произведений [5: 113-161] в отличие от семиотики языка [8, 12]? В какой степени опыт всемирно известных специалистов – Р. Барта, А. Греймаса, Ц. Тодорова, Дж. Кристевой, Ж. Женетта, У. Хендрикса, Дж. Каллера и многих других – может служить опорой в изучении семиотических свойств словесно-художественного творчества? Каково место семиотики в филологическом чтении, филологическом понимании и филологическом анализе художественного текста?

Вопрос о семиотике литературы ставится в работах ведущих учёных в нашей стране и за рубежом по-разному. Для одних исследователей на первый план выходит понятие **функции** с соответствующим расщеплением целостного произведения на отдельные функции, перечисляемые или систематизируемые в том или ином порядке. Для других семиотическое описание художественного текста связано с понятиями **отношения**, **оппозиции**, **варианта/инварианта**, что приводит к преимущественно описательным методикам и тому, что получило название «описательной семиотики» [5: 124-130]. Нередко первостепенная роль отводится аналогии «литература как язык» с особым упором на приоритетность структур, структурной упорядоченности (структуризации и реструктуризации художественного текста), предельных смысловых составляющих («сем») с их последовательной инвентаризацией [5: 113-130; 6: 131-150].

Когда речь идёт о произведении словесно-художественного творчества, не следует начинать с априористического провозглашения первичности схем, структурных соотношений и повествовательных структур. Едва ли целесообразно рассуждать о произведении художественной литературы в абстрактно-теоретическом плане, пытаясь доказать, что художественный текст является знаком или знаковой системой. Нам представляется, что подобные рассуждения ведутся в полном отрыве от собственного объекта изучения и едва ли способствуют пониманию места семиотики в составе филологической герменевтики, направленной на комплексное исследование языка художественного произведения с целью глубокого понимания и адекватной интерпретации художественного текста [5: 130-161].

Существенной особенностью процесса понимания развёрнутого произведения художественной направленности является то, что читаемый нами текст должен отражаться в нашей внутренней речи со всей совокупностью присущих ему смыслов (содержаний-намерений): «...многое в тексте можно произносить, а следовательно, и понимать по-разному, и необходима большая опытность, литературная начитанность и тонкое знание языка для того, чтобы правильно произносить, или, что то же самое, правильно угадывать замысел автора» [7: 30]. Понимать автора («правильно угадывать замысел») значит видеть за расположенными на странице словами те содержания, которые задуманы художником слова. Иначе говоря, чтение литературного произведения – это процесс общения, диалога писателя и читателя. Создавая художественное произведение, подбирая слова и объединяя их в соответствующем синтагматическом измерении, автор заключает в них определённый смысл, определённое содержание, которое не лежит на поверхности и не сводится в простой сумме составляющих произведение слов и значений. Содержание-намерение художественного произведения не поддаётся однозначному определению. Его истолкование лишено формальной чёткости точных наук. Вникая в художественный текст, мы не просто разбираем и рассматриваем его как объект, но одновременно позволяем его создателю апеллировать к нам и становиться партнёром нашей духовной работы. Художественный текст нельзя «дешифровать» простым усилием рассудка, в него надо «вжиться»; он должен быть «понят, как то, что он есть, и лишь благодаря этому он берётся как то, что он обозначает» [5: 136].

В решении проблем, связанных с изучением словесно-художественного творчества, отечественная филологическая традиция принципиально отличалась от западной: в русской филологии настойчиво подчёркивалась необходимость понимания текста и обучения чтению художественной литературы. Причём этот подход никогда не носил абстрактно-теоретического характера и тем более не принимал форму отвлечённых рассуждений о множественности прочтений текста или о его абсолютной непознаваемости. Отечественные филологи – Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, О.С. Ахманова, Р.А. Будагов и многие другие – последовательно обосновывали практические методы и приёмы обучения медленному, вдумчивому, филологическому чтению и филологическому пониманию. Именно труды ведущих русских филологов легли в основу

лингвостилистического и лингвопоэтического методов восприятия и интерпретации словесно-художественного творчества.

Лингвостилистический анализ представляет собой совокупность эвристических приёмов, позволяющих изучать конкретный языковой материал, из которого *сделан* текст. Речь идёт о внимательном и скрупулезном изучении текста и составляющих его слов как таковых, лексико-семантически, с точки зрения присущих им языковых значений. Лингвостилистический метод также выявляет приобретаемые словами и словосочетаниями коннотации – дополнительные экспрессивно-эмоционально-оценочные значения; обращается внимание на особенности синтаксического, ритмико-мелодического и собственно звукового строения высказываний художественной направленности [3; 4].

От лингвостилистического метода принципиально отличается метод лингвопоэтического анализа, который направлен на разъяснение эмоционально-эстетического воздействия, оказываемого художественным произведением. Лингвопоэтический анализ выявляет совокупность тех языковых средств, при помощи которых писатель обеспечивает эстетическое воздействие, необходимое ему для воплощения его идейно-художественного замысла, и определяет, как то или иное средство языка вовлекается автором в процесс словесно-художественного творчества. Методика лингвопоэтического анализа состоит в следующем: на первом этапе художественное произведение изучается исследователем с целью выбора отрывков, однородных по содержанию (например, всё, что относится к характеристике того или иного персонажа). В дальнейшем отобранные таким образом отрывки, в сжатом виде представляющие тот или иной аспект художественного произведения, подвергаются детальному филологическому анализу и дополняются комментариями и разъяснениями, что придаёт материалу вид законченного связного текста [3; 4; 9].

Филологическое чтение художественной литературы основывается на диалектике семантики, метасемиотики и семиотики [5; 6; 12]. В творческом создании художественного текста писатель стремится к тому, чтобы имеющиеся в языке значения в единстве с присущими им звучаниями стали совокупно (в целом) выражениями для новых метасодержаний. Вместе с тем, воспринимая различные лексические значения и метасемиотические содержания, читающий стремится к всё более новым и многоплановым обобщениям, что выводит его, на определённом этапе гносеологического

восприятия художественной действительности, за пределы семантического и метасемиотического уровней. Читая литературный текст и адекватно отражая его во внутренней речи, филолог также воспринимает какие-то более общие (инвариантные) содержания, не ограничивающиеся каким-либо одним конкретным выражением, а опирающиеся на целую систему способов выражения, включённых в соответствии с авторским замыслом в развёрнутое произведение речи. Передача этих наиболее общих содержания происходит по семиотическому принципу, т.е. «при помощи вполне условного (конвенционального) средства, ... такого, в материальной природе или строении которого нет никакой естественной связи с обозначаемым предметом или реальной (физической) природой передаваемой информации» [1: 507]. Принципиально в этом плане понимать, что соотношение выражения и содержания носит не семантический, а семиотический характер, так как семантико-стилистический смысл, передаваемый художником слова, не закреплен за некоторым природным (“physei”/«фюсей»), исторически сложившимся единством содержания и материального, социально-исторически-обусловленного выражения. Соотношение *означаемое – означающее* обусловлено конкретным художественным намерением и возникает «по установлению» (“thesei”/«тесей») автора художественного произведения. Понимание в филологическом значении этого термина предполагает в читающем способность воспринимать, раскрывать и воспроизводить смысловое содержание предмета, т.е. распознавать те семантико-стилистические содержания, которые закрепляются художником слова за тем или иным соотношением выражения и содержания [5: 130-143; 6: 151-165].

К сказанному следует добавить, что в определённом смысле семиотика художественного текста зависит от способности читающего отвлекать от воспринимаемого им произведения, с опорой на знание языка («соответствующей техники выражения» – Г.О. Винокур [2: 43]) и совокупности всех литературных, художественных и культурных представлений, моральных, этических и эстетических ценностей, составляющих творчество писателя, такие способы языкового выражения, которые являются указаниями на то, что лежит за пределами текста и тесно связано с его пониманием. Весьма существенное значение при этом имеет тот факт, что произведение словесно-художественного творчества представляет собой сложное, самобытное, неповторимое, эстетически-организованное целое, не-

сущее (в соответствии с намерением писателя) различные эмоционально-оценочные содержания, направленные на оказание эстетического воздействия.

Список литературы

- 1 Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия, 1969.
- 2 Винокур Г. О. Введение в изучение филологических наук // Проблемы структурной лингвистики / отв. ред. В. П. Григорьев. М. : Наука, 1981. Вып.1. С. 3-58.
- 3 Задорнова В. Я. Восприятие и интерпретация художественного текста. М. : Высшая школа, 1984.
- 4 Задорнова В. Я. Стилистика английского языка. М. : Издательство Московского университета, 1986.
- 5 Назарова Т. Б. Филология и семиотика. Современный английский язык. 2-е издание. М. : Высшая школа, 2003.
- 6 Назарова Т. Б. Современная английская филология. Семиотические проблемы. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
- 7 Щерба Л. В. Опыт лингвистического толкования стихотворений // Избранные труды по русскому языку. М. : Учпедгиз, 1957. С. 26-44.
- 8 Akhmanova O., Idzelis R. Linguistics and Semiotics. М. : Изд-во Московского университета, 1979.
- 9 Akhmanova O., Zadornova V. On Linguopoetic Stratification of Literary Texts // Poetica: An International Journal of Linguistic-Literary Studies. №7. P. 50-60.
- 10 On Signs. / Blonsky M. (ed.). Baltimore, Maryland : The Johns Hopkins University Press, 1991.
- 11 Hi-Fives. / Kevelson R. (ed.). A Trip to Semiotics. NY : Peter Publishing, Inc., 1998.
- 12 Nazarova T.B. Semiotics in an ELT Setting // Vocabulary Acquisition as Ongoing Improvement. / T.B. Nazarova. М. : АСТ/Астрель, 2006. P. 306-351.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПОВТОРА

М.В. САВЕЛЬЕВА
(Курган, Россия)

Повтор является одним из основных средств создания определённого воздействующего эффекта на адресата сообщения. Использование повторов на разных уровнях языковой системы осуществляется в соответствии с прагматической установкой адресанта. Повтор является семантико-

стилистическим и текстообразующим средством, служит для гармонизации процесса коммуникации, усиления экспрессии, привлечения внимания, подчёркивания и формирования скрытых смыслов и мотивов.

Опираясь на предложенную А.Н. Мороховским классификацию, можно выделить следующие прагматические функции повтора: информативная, эмоционально-оценочная, экспрессивная, убеждающая, эстетическая и фатическая (контактоустанавливающая) [1: 143].

Информативная функция повтора заключается в актуализации наиболее важной информации в тексте (темы, главной мысли высказывания или идеи текста в целом). Разнообразные синонимические повторы замедляют динамизм повествования, с их помощью можно более внимательно следить за развитием мысли. Повторы также реализуют последовательность передачи информации, например, повтор-подхват. Повторы могут служить фоном, на котором ярче проступают остальные слова.

They did not know any of the people they passed on the stairs on their way to and from their room. Their room was on the second floor facing the sea. It also faced the public garden and war monument (Hemingway, 159).

В данном отрывке автор использует несколько повторов-подхватов (“their room – their room”, “facing the sea – it also faced”) для реализации последовательности передачи информации. В начале рассказа писатель даёт описание места действия, в том числе и для того, чтобы плавно подвести читателя к знакомству с главными героями. Повтор-подхват в данном случае выполняет информативную функцию.

SMEG Opera A2-5

Technology with style

100 cm “Opera”

Dual cavity cooker

With multifunction oven,

Auxiliary statistic oven

6 burner gas hob

Energy rating AA

Information line: TEL 0870 4424469

The Times, 1-2.

В рекламе кухонной плиты “SMEG Opera A2-5” лексический повтор слова “oven”, сочетающийся с синонимическим повтором “cooker”, привлекает внимание потребителей к предлагаемому товару. Располагая по-

вторяющийся элемент в конце фразы, рекламодатель задерживает взгляд адресата – потенциального покупателя – на важной информации о товаре.

NISSAN SHIFT expectations
LOADED WITH TECHNOLOGY.
LOADED WITH DIESEL.

You've just driven 315 effortless miles to a meeting on half a tank of fuel. The DVD Satellite Navigation, with its incredible 3D aerial perspective, guides you door to door with pinpoint accuracy. Pulling into your client's car park, you turn down the strains of Vivaldi. The car's ingenious rear view camera shows you smoothly into a parking spot, whilst the gentle hum of the Primera's Advanced Common Rail Diesel engine is broken only by a discreet voice from the advanced N-form dashboard telling you you've arrived.

A NEW FORM OF INTELLIGENCE (The Times, 46).

Параллельные конструкции “loaded with technology – loaded with diesel”, используемые рекламодателем в слогане для автомобиля “Nissan”, стимулируют его мгновенное запоминание. С помощью этих конструкций рекламодатель чётко и лаконично формулирует уникальные, особенные характеристики данного автомобиля.

Эмоционально-оценочная функция повтора помогает автору высказывания передать различные оттенки чувств и эмоций, которые испытывает главный герой художественного произведения, и вместе с тем показать авторское отношение к ситуации или персонажу в целом. Следовательно, в высказывании такого типа обязательно присутствует субъективная оценка событий. Эмоционально-оценочную функцию повтора используют для создания сопоставления и противопоставления понятий или явлений, которые также выражают субъективное отношение к ситуации.

“There was a cat,” said the American girl.

“A cat?”

“Si, il gatto.”

“A cat?” the maid laughed. “A cat in the rain?” (Hemingway, 160).

Американка увидела из окна своего номера котёнка, который пытался спрятаться от дождя под маленьким столом. Она решила взять котёнка к себе, но когда вышла на улицу, котёнок уже убежал. Автор выбрал трёхкратный лексический повтор, чтобы передать удивление служанки, её недоумение, что кошка долгое время может сидеть под дождем. В данном

отрывке лексический повтор реализует эмоционально-оценочную функцию.

I keep on thinking the same things. If only they knew. If only they knew.
Share the outrage (Fowles, 147).

Главный герой удерживает Миранду в подвале. Девушке очень страшно, потому что никто не знает, где она, и не сможет помочь. Он держит её в подвале уже около семи дней, и все это время Миранда думает об одном и том же. С помощью лексического повтора “if only they knew” девушка выражает накопившееся в ней чувство страха, ненависти, гнева, одиночества и отчаяния. Она очень жалеет о том, что ей не с кем разделить своё горе.

No nastiness, no sex thing. But his eyes are mad. Grey with a grey lost light in them. (Fowles, 147).

С помощью лексического повтора прилагательного “grey” Миранда выражает своё отношение к сложившимся событиям и к главному герою. Она ассоциирует серый цвет его глаз с сумасшествием, безнадёжностью и отчаянием. Девушка не уверена в своём будущем и очень напугана. Применение параллельных конструкций “no nastiness – no sex thing” указывает читателю на схожесть и однотипность её мыслей и задаёт напряжённую атмосферу, в которой пребывает Миранда.

Экспрессивная функция служит для усиления эмоционального воздействия на читателя или собеседника. Экспрессия – выразительность, сила проявления чувств и переживаний. Данная функция повтора используется для усиления юмористического, иронического или сатирического оттенков высказывания, для передачи настроения автора, для усиления атмосферы напряжённости, легкости, трагичности, комичности. Лексические или синонимические повторы могут использоваться для запугивания, создания эффекта нарастания напряжённой атмосферы. В рекламном тексте повторы не только усиливают эффект слогана, но и стимулируют его запоминание. Писатели используют данную функцию повтора для создания избыточности тавтологического характера, что типично для просторечия. Повтор может передавать однообразие действий. Такая монотонность реализуется главным образом ритмом, который образуется из-за повторения слов и словосочетаний. В ряде случаев повтор служит для выражения многократности или длительности действия.

There was always gambling then. When there was no snow you gambled

and when there was too much you gambled. He thought of all the time in his life he had spent gambling (Hemingway, 278).

У героя рассказа гангрена ноги, он уже отчаялся и не верит, что может выжить. Ему не хочется ни с кем разговаривать, поэтому он лежит и думает о своей жизни, о том, что он сделал в ней великого. Герой вспоминает Мадленер-Хауз, где он из-за бурана застрял на целую неделю. Лексический повтор слов “gambling”, “gambled” говорит о том, что герой так ничего и не добился в жизни и о том, что он теперь жалеет об этом. Повтор данных слов используется автором для усиления мысли о тщетности игры в жизни человека.

“I did when you were all right. But now I hate it. I don’t see why that had to happen to your leg. What have we done to have that happen to us?” (Hemingway, 276).

Главный герой рассказа обвиняет свою жену в том, что из-за её денег они попали в это место. Его жена отрицает свою вину и говорит, что она ради него всё оставила. Раньше ей здесь нравилось, но не теперь. Героиня сохраняет надежду на спасение, но она не понимает, почему такое случилось именно с ними. Повтор слова “happen” используется автором для усиления атмосферы трагичности, для выражения глубокого отчаяния. Лексический повтор насыщает высказывание экспрессивностью.

EVERY WATCH IS A CANVAS

At Rolex, stone-setting on a watch is a work of art. Diamonds, rubies and sapphires are carefully selected, then set by master craftsmen using state-of-the-art technology. Rolex maintains strict standards for every stone used: each diamond must be colourless, internally flawless and conflict-free. With great care and dedication, a Rolex gem-setter adds to the beauty of the watch and to the beauty of the stones themselves – creating a work that is greater than the sum of its parts. Discover more at rolex.com (Perpetual Spirit, 58).

Рекламодатель использует синонимические повторы “diamonds”, “rubies”, “sapphires”, “stones”, “gem” для усиления эмоционального воздействия на адресата. Употребление данных синонимов показывает, что такие часы подойдут всем, что клиент может выбрать абсолютно любой драгоценный камень, какой только пожелает. Синонимы “flawless”, “conflict-free” и “beautiful” служат для выражения безупречности ручной работы и драгоценных камней, отбираемых для часов. Синонимические повторы слов “master”, “craftsmen”, “gem-setter” подчёркивают квалификацию ма-

стера, который устанавливает бриллианты на часы. Лексическим повтором рекламодатель акцентирует внимание, что ювелирная работа – это истинное искусство. Параллельными конструкциями “to the beauty of the watch – to the beauty of the stones themselves” он подчёркивает эффект безупречности и часов, и драгоценных камней.

Повтор способствует организации рекламного текста, создаёт определённый ритм повествования, сближая его с поэтической речью. Для лучшего запоминания слогана рекламодатели часто используют определённую рифму и ритм. С помощью повторов автор показывает взаимосвязь отдельных образов, а также связывает между собой отдельные части текста, сливая их в единое целое. Используя предлоги и союзы, писатель придаёт подобным взаимоотношениям материальную выраженность.

Luz wrote him many letters that he never got until after the armistice. Fifteen came in a bunch to the front and he sorted them by the dates and reads them all straight through. They were all about the hospital, and how much she loved him and how it was impossible to get along without him and how terrible it was missing him at night (Hemingway, 81).

Используя повтор союза “and”, автор не только указывает на длительность расставания героев рассказа, но и предвещает расставание навсегда.

Фатическая функция повтора часто используется в диалогах для поддержания разговора, создания благоприятной обстановки, для убеждения собеседника в своей заинтересованности и вовлеченности в разговор или для выражения согласия с говорящим. Повторы могут заполнять диалогическую паузу, которая требуется для обдумывания вопроса и ответа на него или же для припоминания каких-либо событий из прошлого, о которых идёт речь в разговоре. Фатические повторы применяются для побуждения собеседника подтвердить правильность восприятия информации или для получения недостающей информации. Повторы, выражающие данную функцию, могут возникнуть при желании коммуниканта уйти от ответа на неприятный ему вопрос или сменить тему разговора. Многократный повтор собственного вопроса собеседник может использовать для того, чтобы добиться ответа на него.

“If I do it you’ll be happy and things will be like they were and you’ll love me?”

“I love you now. You know I love you.”

“I know. But if I do it, then it will be nice again if I say things are like

white elephants, and you'll like it?"

"I'll love it. I love it now but I just can't think about it. You know how I get when I worry."

"If I do it you won't ever worry?"

"I won't worry about that because it's perfectly simple."

"Then I'll do it. Because I don't care about me." (Hemingway, 166).

Главный герой уговаривает девушку пойти на операцию, но она сомневается в правильности решения. Девушка боится, что если она согласится на этот шаг, всё изменится. Писатель использует параллельные конструкции "If I do it you/it will be" для того, чтобы выделить самую важную для нее мысль на данный момент. Поэтому многократный повтор параллельных конструкций в вопросе употребляется для того, чтобы добиться ответа на вопрос. Лексические повторы "I love/will love you/it" выражают нежелание главного героя говорить на эту тему. С их помощью он пытается уйти от ответа.

Убеждающая функция повтора служит для придания обоснованности, категоричности и убедительности данного высказывания. Повторы дают возможность следить за развитием мысли или системой аргументации, помогают убедить слушателя или читателя в чём-либо и заставить его принять точку зрения говорящего. Такие повторы могут передавать призыв к определённому действию (в рекламном тексте – это призыв купить товар или воспользоваться услугой), просьбу или приказ.

BE TRUE TO YOUR DREAMS AND ONE DAY YOU COULD WEAR IT.

The Masters' Green Jacket; to wear it is a childhood dream. A dream that can last a lifetime. Because the fabled Green Jacket is the symbol of golf's highest achievement. It takes more than just four days in April to be equal to golf's purest challenge. It takes lifelong dedication, focus and perseverance. But then, every real symbol of success is hard to earn. ROLEX. A CROWN FOR EVERY ACHIEVEMENT (Perpetual Spirit, 58).

Лексический повтор слова "dream" придаёт категоричность и убедительность высказыванию, что часы Rolex – это мечта. В данном рекламном тексте мечта о часах приравнивается к детской мечте. Рекламодатель ассоциирует понятие детской мечты с высшими достижениями в гольфе ("Green Jacket"). Использование морфологического повтора слов "lifetime", "lifelong" внушает адресату, что гольф – это мечта всей его

жизни, а символ наивысших достижений – это Rolex.

Neville Johnson

DESIGNERS & MANUFACTURERS OF EXCLUSIVE FITTED FURNITURE

Crafted to fit any space, designed to fit any budget.

However awkward the available space in your home, Neville Johnson can expertly design and handcraft a fitted study to your exact working requirements. Desk space, drawers and storage areas are all tailor-made in a style and finish that complements your home perfectly, and we will incorporate every feature you need to work in complete comfort – to a budget that suits you.

In fact, a Neville Johnson fitted study is everything you'd expect from a professional office, in the comfort of your own home (The Times, 73).

Используя параллельные конструкции “Crafted to fit any space – designed to fit any budget” и повтор слова “fit”, рекламодатель с первой минуты внушает потребителю то, что спроектированная Невиллом Джонсоном мебель подойдет любому дому. Синонимический повтор глаголов “to fit”, “to suit” служит для большей убедительности соответствия качества и стоимости товара и услуг. Играя на многозначности слова “fit”, рекламодатель подчёркивает идею соотнесенности встроенной мебели и соответствия товара желаниям и требованиям клиента. Синонимические повторы “exclusive”, “expertly”, “perfectly” служат для внушения потребителю идеи профессиональной, исключительной работы с клиентом. Лексический повтор слова “comfort” убеждает потребителя в комфорте и удобстве предлагаемой мебели. Параллельные конструкции, используемые в слогане, стимулируют его быстрое запоминание.

Повтор как языковое явление рассматривается исследователями с разных точек зрения: как грамматическое, семантическое, экспрессивно-стилистическое средство. Приём повтора является одним из основных способов выражения экспрессивности текста, его способности оказывать определённое влияние на адресата, на формирование языкового сознания, культуры восприятия, на поведение и эмоциональную оценку высказывания. Повтор является основополагающим принципом создания мелодичности текста на всех уровнях. Повтор в тексте выполняет объединяющую функцию.

Список литературы

1 Мороховский А. Н. Стилистика английского языка. М. : Высшая школа, 1991.

АГИОГРАФИЧЕСКИЙ КАНОН В СВЯТИТЕЛЬСКОМ ЖИТИИ ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО

Т.Н. СОЛОВЬЕВА
(Курган, Россия)

Изучая житийное произведение, нельзя не согласиться с Б.И. Берманом, который в своей статье «Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия)» утверждал, что «...всякая агиографическая разновидность ... строится по определённому стереотипу... Всякий персонаж рисуется по тому или иному трафарету» [1: 159].

Объектом исследования данной статьи является жанрово-композиционная схема жития Василия Великого, епископа Кесарии Каппадокийской, особо почитаемого святителя, наряду с Григорием Богословом и Иоанном Златоустом. Святительское житие – это житие иерарха церкви, имевшего высокий церковный сан и, в соответствии с церковной традицией, имевшего право и обязанность учить свою паству. Структурная схема памятников данного типа в византийской и древнерусской агиографической традиции до сих пор не описана.

Наша задача – показать, что жанрово-композиционная схема святительского жития, основываясь на канонической схеме преподобнического жития-биос (которое традиционно рассматривается в качестве точки отсчёта при анализе всех жанровых разновидностей жития-биос), использует жанровые элементы мученичества и исповеднического (проповеднического) жития.

Красочное предисловие к житию Василия Великого, практически лишённое традиционных мотивов обращения к Богу с молитвой о помощи в создании текста, авторского самоуничтожения, объяснения причин, побудивших автора взяться за написание повествования о святом, сведений об источниках, тем не менее, в немалой степени отвечает главной задаче создания агиографического произведения – прославить и восхвалить главного героя. Автор перечисляет многочисленные христианские подвиги и добродетели Василия Великого, тем самым убеждая читателя в необходимости поведать о столь достославном святом. В предисловии конкретно обосновывается цель создания произведения: «писанию предати» житие и великие чудеса пастыря и учителя Василия, дабы не были они забыты с течением лет. Автор сравнивает себя с благонравным сыном, исполняю-

щим свой долг перед отцом. Он старается «недоставшаа исполнити», напоминая, что для Григория Богослова, Григория Нисского, Ефрема «всеславного» (видимо, Ефрема Сирина) и некоторых других божественных мужей уже имеются надгробные слова. Указывая на то, что житие создано не сразу после описываемых событий, предисловие заканчивается словами: «...не настоящего есть времени повествование, но на подлежащее возвратимся...» [3: 9-10].

В качестве источника сведений, но не в предисловии, а в ходе повествования, автор указывает Елладия, преемника Василия на епископском престоле [3: 28; 3: 34].

Отход от канонической житийной схемы проявляется в том, что в главной части жития Василия Великого не говорится ни о рождении, ни о родителях святого. Необходимые с точки зрения канона традиционные житийные формулы, восхваляющие место рождения святого, указывающие на благочестие его родителей, рассказывающие в типичных выражениях о детстве, отказе от игр, склонности к посту главного героя, отсутствуют. Лишь кратко упоминается его родина: «...Каподокианинь бо бе родомъ...». Подобное отсутствие рассказа о родителях и детстве святого не типично для композиции преподобнических житий. Не располагая сведениями (что маловероятно, учитывая авторитет и известность Василия Великого), либо акцентируя внимание на наиболее важной с точки зрения автора информации, он достаточно подробно описывает годы обучения Василия, непрерывно подчёркивая, что будущий святой во всех науках добивался исключительного успеха [3: 11; 3: 15].

Как и следует ожидать от настоящего подвижника, «все земные науки не могли насытить его ум» [4: 135], и, стремясь уразуметь всю Божественную премудрость, он отправляется в Египет, где была развита Христианская подвижническая жизнь [3: 11].

Традиционный для повествования об истинном христианине отказ от «сетей» и забот земной жизни является одним из способов достижения праведником спасения в будущей, небесной жизни. Этому способствует, в частности, отказ от своего имущества и раздача его нуждающимся. Житие Василия Великого, реализуя этот канонический мотив, гласит: «...от юзь здешняго житиа свободьдшася, продамы вся суцая у насъ и раздаемъ требующимъ... Сиче убо обои суцая имъ блгочстне управляше...» [3: 14].

Между тем, в данном житии отсутствует характерный для жизнеописания

саний настоятелей монастырей и иерархов церкви [6: 29] необходимый, с точки зрения канона, мотив «бегства от власти». Вероятно, это связано с самой личностью Василия, который был известен своей твёрдостью и непоколебимостью в вопросах православной веры и, несомненно, готов был возложить на свои плечи серьёзную ответственность, даже в ущерб собственным интересам, если это было необходимо для укрепления позиций Христианской Церкви [8]. Как известно, в годы жизни и служения Василия Великого христианский мир был раздираем противоречиями, и во многих областях Византии Церковь была возмущаема арианами и еретиками.

Чудеса являются одним из важных компонентов агиографического канона, поскольку способность к чудотворению, в соответствии с православной церковной практикой, являлась главным условием канонизации подвижника. В изучаемом памятнике рассказам о чудесах отведено значительное место (гораздо более половины текста). Необходимо отметить следующие: о бедной женщине – рассказ, который несёт в себе выраженный назидательный смысл: не желаешь помочь обездоленному – Бог тебя самого может поставить на место этого обездоленного [3: 20-21]; о даровании Ефрему Сирину способности говорить на греческом языке [3: 39]; об «отвержении» церкви с помощью молитвы [3: 40-43]; традиционные для агиографии чудеса-исцеления [3: 27; 3: 37], и многие прочие. В рассказе о юноше, разгоревшемся страстью к благочестивой девице и отвергшем Господа по проискам дьявола, вводится традиционное описание бесовских козней против праведников [3: 28-34]. Закономерно, что демонология находит своё отражение в повествованиях о святых, демонстрируя веру в торжество силы Господней над Сатаной.

Безусловно, все чудесные деяния совершаются Василием с Божьей помощью, как свидетельство Божественного ответа на его горячие молитвы.

Значимым мотивом в сюжетостроении агиографического произведения традиционно являлись чудеса-видения. Встраивая видения в канву повествования, автор тем самым подчёркивал исключительность главного героя, убеждая простого человека поверить в чудодейственную силу праведника. Не является исключением и житие Василия Великого (сравните [3: 17; 3: 19; 3: 20]). В рассказе-видении о Богородице и мученике Меркурии [3: 23] компоненты жанра видения переплетаются с мотивом дарованного Господом главному герою откровения, – мотивом, одним из важных для композиционной схемы житийного произведения. Желая показать чи-

тателю мощь и величие святителя в делах подвижничества, составитель жития в одном из эпизодов представляет Василия в образе огненного столпа, глава которого доходила до небес, а при прочтении им Священных книг изо рта его вырывался огненный язык [3: 38]. Реализуя традиционное для христианской литературы представление о символической значимости света, выражающего распространение Божьей благодати на избранное место или избранного персонажа, агиограф вводит в повествование Божественное сияние [3: 11] и свет «мысленный» (духовный) [3: 19].

Имеющиеся в произведении чудеса-знамения также выражают стремление автора следовать канонической «преподобнической» схеме.

Кончина, играя особую роль в идеализации героя, традиционно предстаёт в житийном произведении как торжественное, радостное событие, о котором заранее известно святому. Обычно это повествование в преподобническом житии оформляется в соответствии с единой канонической схемой: святой собирает свою братию, в последний раз наставляет её, оставляет предсмертное завещание. Довольно часто в житийной композиции присутствуют чудеса, предшествующие кончине подвижника.

Описывая заключительный этап жизни святителя, автор достаточно точно следует вышеуказанной схеме. Так, Василию Великому заранее становится известно о своей кончине [3: 50]. Однако он не желает покинуть этот мир, не совершив ещё одного важного дела: окрестить иудея Иосифа. Тем самым вводится последнее из прижизненных и довольно любопытное чудо святителя: он «отодвигает» дату своей смерти с целью побудить еврея – искусного врача, убеждённого в ближайшей кончине Василия, – уверовать во Христа. Приобщив Иосифа с семьёй к истинной вере, святой «учаше его яже от вечней жизни» [3: 51], то есть даёт ему наставления. Раздав полученное от еврея имущество в благочестивые дома, Василий Великий исполнил свой непосредственно святительский долг – помогать нуждающимся. Перед кончиной он традиционно, канонически готовится к переходу в Царство Небесное: совершает службу «со избранными причта» (т.е. можно сказать, со своими учениками, братией), отпускает им грехи, совершает святое целование с ними, и даже ложится на одр свой со словами благодарности Господу об избавлении от телесной жизни. Затем, как и положено, кратко и торжественно сообщается о смерти подвижника [3: 52].

Как требует того житийная схема, у нетленных мощей святого должны происходить различные чудеса. Об одном посмертном чуде Василия

Великого сообщается и в изучаемом тексте [3: 49]. В традиционном житийном заключении обычно риторически прославляются подвиги и добродетели святого, зачастую проводится сравнение главного героя с персонажами из Священных книг. Отход от канонической схемы наблюдается в создании краткой заключительной части повествования о Василии Великом, где автор упоминает «аггльское житие» святителя, созданные им «сщныа книги», а также вводит элемент конкретного, что не противоречит канону [3: 52].

Помимо описанных мотивов, восходящих в целом к канонической «преподобнической» схеме, необходимо отметить имеющиеся в изучаемом тексте мотивы, характерные для исповеднического и мученического жития, а также непосредственно для жития святительского.

Так, представленные в тексте элементы догматической проповеди и полемики явно восходят к канонической схеме исповеднического жития, герои которого несли христианскую веру в среду язычников [7: 119]. Отцы церкви нередко вступали в открытую полемику с еретиками и другими противниками «истинной веры», занимавшими порой высшие чины. Реализация этих компонентов композиционной схемы в житии Василия Великого подтверждается эпизодами вербального столкновения святителя с императором-язычником Юлианом [3: 22], «протиктором» Афанасием, императором-арианином Валентом [3: 41]. Более того, подобно исповеднику, Василий Великий привёл к Богу множество евреев и язычников [3: 11; 3: 14; 3: 20; 3: 25; 3: 26]. Интересно, что и сам автор называет своего героя архиереем и проповедником (исповедником): «И приложися ко архиереомъ архиереи и проповедником великыи слова громъ» [3: 52].

Сопоставление с мученическим житием позволяет сделать вывод о том, что в исследуемом тексте имеются вкрапления элементов мученичества. Так, Василий Великий, подобно герою мученичества, оклеветан язычниками и арианами и обвинён перед императором-арианином Валентом в том, что он «гнушаяся и оплеваа арианскую ересь». В итоге призван «во епархово судище» и «вопрошен же быв, что ради цреву не держить веру». Более того, заимствуя мотивы сюжетостроения мученического жития, автор изображает святителя непреклонным, неустрашимым и готовым до конца отстаивать свои убеждения [3: 26]. Не пугают Василия и угрозы возможной смерти; он даже желает её, несомненно, как способ скорейшего соединения с Богом [3: 26]. Происходившие с героем мученического жития чудеса

свидетельствовали о Божественной помощи ему и зачастую убеждали народ уверовать в «распятого Христа» [7: 118]. Подобным образом и чудеса, совершаемые главным героем изучаемого произведения, побуждают множество ариан принять Христианскую веру [3: 43].

Реализуя композиционную схему, на наш взгляд, именно святительского жития, автор раскрывает главного героя как истинного защитника своего «словесного стада», способного возложить на себя серьёзную ответственность и принимающего решения, значимые для народа. Выполняя в полной мере свою миссию – заботиться о вверенной ему пастве, Василий Великий ищет способы уберечь город и народ от войска разгневанного императора Юлиана, пообещавшего разорить город [3: 22]. Внимая мольбам жителей Никеи вернуть им отобранную войском императора-арианина Валента церковь, святитель сам отправляется к императору и получает разрешение рассудить христиан и ариан. Причём сам непосредственно становится во главе всеобщего бдения и молитвопения [3: 42]. Неизменно проявляя внимание к немощным и обездоленным, подвижник использует дары от императора Валентиниана на строительство благочестивых домов в епархии [3: 27]. Даже предвидя свою скорую смерть, обходит благочестивые дома и приюты для нищих, раздавая полученные от вновь крещёного еврея средства [3: 51].

Важнейшим мотивом для построения композиционной схемы любого агиографического произведения, представляющего читателям главного героя как образец для подражания, является мотив «учительства» либо словом, либо делом, а порой и тем, и другим. Повествуя именно о святителе, агиограф вводит в житие элементы прямого обращения Василия к публике с проповедями, беседами, носящими выраженный нравственно-моралистический характер. Даже ещё не получив церковного сана, но, несомненно, имеющий все задатки к продвижению по церковной иерархической лестнице, праведник настойчиво осуждает человеческие пороки и прославляет добродетели [3: 15-16]. Став Церковным Владыкой, святитель не перестает наставлять паству на путь спасения [3: 25]. Логично согласуясь с основной миссией святителя – оказывать личное духовное влияние на мирскую и церковную жизнь, одним из главных мотивов произведений, повествующих о жизнедеятельности церковных иерархов, является мотив заботы о благочестивом поведении своей паствы. В изучаемом житии этот мотив реализован, в частности, в эпизоде с диаконом, засмотрев-

шимся на некую женщину в церкви во время литургии [3: 24].

Таким образом, небезосновательно святитель назван агиографом «общим предстателем церквей» [3: 41]. По мнению Ф.В. Фаррара, «...Василий Великий на Востоке и Амвросий на Западе были по преимуществу великими епископами» [8: 1].

Проведённый анализ византийского жития Василия Великого позволил выявить основные черты сходства и отличия композиционной структурной схемы святительского жития от жития преподобнического, которое традиционно рассматривается в качестве точки отсчёта при анализе всех жанровых разновидностей жития-биос. Кроме того, исследование даёт основания заключить, что для композиционной структуры святительского жития характерно использование традиционных мотивов «преподобнической схемы», а также жанровых элементов жития-мartyрия и исповеднического (проповеднического) жития, что отражает процесс взаимодействия и взаимообогащения произведений разных типов агиографии.

Несмотря на имеющиеся в произведении особенности, в нём соблюдается важнейшее с точки зрения житийного канона требование трёхчастной композиции.

Список литературы

- 1 Берман Б. И. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // *Художественный язык средневековья* / отв. ред. В. А. Карпушин. М. : Наука, 1982. С. 159-183.
- 2 Великие Четы Миней. Жития святых: ноябрь, дни 13-15. СПб., 1899. URL: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/dimitr_ostov/nojabr/index.html (дата обращения: 29.01.2014 г.).
- 3 Великие Четы Миней. Жития святых: январь, дни 1-6. М., 1910. URL: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/dimitr_ostov/yanv/index.html (дата обращения: 29.01.2014 г.).
- 4 Избранные жития святых III-IX вв. М. : Молодая гвардия, 1992. С. 133-164.
- 5 Кусков В. В. Характер средневекового мирозерцания и система жанров древнерусской литературы XI – первой половины XIII в. // *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология*. 1981. № 1. С. 3-12.
- 6 Лопарев Х. М. Византийские жития святых VIII – IX веков // *Византийский временник*. Т. 17. Вып.17. СПб., 1911. С. 1-43.
- 7 Минеева С. В. Проблемы комплексного анализа древнерусского агиографического текста (на примере Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких) : монография. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 1999.
- 8 Фаррар Ф. В. Жизнь и труды святых отцов и учителей церкви: в 2 т. СПб., 1903. Т. 2. С. 1-63.

КРАЕВЕД МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ БИРЮКОВ

В.П. ФЁДОРОВА

(Курган, Россия)

Семья Бирюковых внесла значительный вклад в культуру Зауралья. И не только. Деятельность краеведа В.П. Бирюкова широко известна во всех российских регионах. Родился Михаил Павлович Бирюков в Першине. После окончания средней школы работал заведующим своей школы (1920-1922 гг.). В 1927 г. окончил полеводческое отделение Красноуфимского сельскохозяйственного техникума, а затем – Мичуринский институт садоводства. С 1942 г. по 1944 г. – участник Великой Отечественной войны, ранен, награждён рядом орденов и медалей. Защитил кандидатскую диссертацию по проблемам сельского хозяйства, но всегда интересовался историей своего края и села. В архивах хранится 49 рукописей по краеведению. Интерес к познанию своего края сформировался под влиянием старшего брата Владимира Павловича. История рода Бирюковых раскрывается в рукописях «Малая родословная» [1] и «Материалы к родословной Бирюковых: выписки из печатных изданий (XVII-XX вв.)» [2], дополняющих друг друга. Самый главный труд – «Краткая Першинская летопись (село Першинское Далматовского района Курганской области)» в четырех книгах. Каждая книга – объёмный том. Всего 2000 страниц (А4) машинописного текста. Эти рукописи связывает внимание к деятельности Бирюковых в крае и к ментальности земляков. Хранятся рукописи в Государственном архиве Шадринска. Фонд Р-1060.

Работы М.П. Бирюкова – свод жизни першинцев, типичных представителей богатого Приисетья. Верхотурский тракт, третья по объёму оборота капитала Крестовская ярмарка, судоходная река Исеть, чернозёмы, климат, просторы давали возможность каждому работающему человеку найти своё место в жизни, обеспечить семью материальным достатком. Аура трудолюбия и творчества была дополнительным импульсом к проявлению одаренности, сметливости. Если у одного соседа ворота делались резными, с выдумкой, то и другой не хотел от него отстать. И тоже появлялись на добротных воротах солнце, олени рога, ромбы, круги и другие мифологические символы, которые должны были, по поверьям, обеспечить благополучие дома.

В соответствии с программами РГО по сбору краеведческого материала и вопросниками В.П. Бирюкова М.П. Бирюков избрал комплексный метод в подходе к исследованию духовной и материальной жизни Першина. Машинописные книги наполнены достоверными материалами по экономической части, многочисленными выписками из официальных документов. Читатель погружается в глубину веков, в течение которых жизнь земляков всегда была нелёгкой. Однако движение к лучшему краевед заметил: выстроена школа, молодёжь учится, многие получили высшее образование. Организовано медицинское обслуживание. Работает библиотека. Возведены хозяйственные постройки, приобретена техника. В хозяйстве работают специалисты. Трудолюбие першинцев рассматривалось как залог будущей благополучной жизни.

Для филолога-краеведа книги М.П. Бирюкова представляют интерес фольклорно-этнографическим аспектом. Краеведу удалось увидеть многожанровый состав фольклора, действенность традиции. Направление его деятельности во многом определено своеобразием «культурного гнезда» [13: 43] Приисетья. В рамках культурного гнезда шло накопление сведений, характерных для этого региона. Культурное гнездо вырабатывало традиционные подходы к исследованию материального и духовного наследия определённого ареала. М.П. Бирюков опирался на достижения своих земляков, начиная с А.Н. Зырянова. Особенно многим он обязан брату В.П. Бирюкову.

В первую очередь, отметим жанр семейных преданий, которые вошли в рукописи «Малая родословная» и «Материалы к родословной Бирюковых...». Семейные предания – это «основанные на традиции семейных повествований рассказы, содержащие сведения о прошлом родственников...» [14: 5]. Часто это прошлое удалено от слушателей лет на 30-50. В семейных преданиях, да и в других формах преданий, важно наличие передаточного звена в трансмиссии семейных сведений. Естественно, глубина памяти придаёт тексту мифологическую окрашенность. Согласимся с исследователем семейных преданий, отметившим «мифологическое корректирование истории», превращение «хаотичного набора событий в цепь осмысленных и логически связанных мотивов в структуре сюжета», приписывание «историческим персонажам таких свойств, которые позволяют им быть значимыми с фольклорно-мифологической точки зрения» [14: 9].

Названия рукописей М.П. Бирюкова выходят на историю рода. На основе архивных материалов автором установлена связь Бирюковых с Вологодской землей. До 1620 г. «весь обширный Зауральский край и Сибирь состояли в подчинении Вологодской Епархии» [1: 36]. Из Вологодской земли пришли Бирюковы. В 1634 г. Царской грамотой по Вологодскому и Велико-Пермскому краю архиепископу Варлааму велено послать из Вологодской епархии в сибирские города архимандрита, игумнов, иеромонахов и священников, а ещё 10 белых попов на службу [2: 22]. В числе первых оказался Федор сын Прокопьев (1688-1762), к которому восходит род Бирюковых, видимо, получивших фамилию из прозвища, явно напоминавшем о характере прибывшего священнослужителя. В 1723 г. в Тобольске он посвящён в дьяконы. В 1754 г. уже служит в Верх-Уйской крепости. На этом карьере оборвалась: он задолжал некоему Мамину 5 рублей, но не отдал. По жалобе заимодавца было разбирательство. В результате по Указу Тобольской консистории от 31 августа 1759 г. был пострижен в монастырь с переименованием имени на Феодосий. До конца дней находился в Далматовском Успенском монастыре [2: 22].

Знарок истории своего рода, в соответствии с канонами семейных преданий, М.П. Бирюков отмечает знаковые фигуры родового древа – своего отца Павла, священнослужителя, пахавшего землю, успевавшего вести церковные дела, поддерживавшего добрые отношения с просветителями края. Упоминается Григорий Стефанович Плотников, ректор Далматовского духовного училища, оставивший «Описание Далматовского монастыря» и «Историю Каменского завода». Он был корреспондентом Императорского Вольного экономического общества.

Среди историков края называется Федот Гаврилов Бирюков (род. около 1734 г.). В рапорте Духовному правлению от 27 марта и 3 мая 1774 г. он описал местный вариант Пугачёвского бунта.

Изучая историю своего края, М.П. Бирюков обращался к архивам, публикациям и фольклору. В частности, приведена легенда о чудодейственной силе предметного кода, связанного с Далматом: «В 1913 г. на гробнице Далмата (с давних пор) лежали кольчуга и шишак Илигея, пожертвованные Далмату. Кольчуга устроена из небольших стальных колец и весит 28 фунтов. Шишак – из тонкого железа с железным же козырем, наушниками – весом 8 фунтов. Каждый богомолец считает необходимым поклониться гробу Далмата, одеть эти вещи и помолиться в них, искренне

веря, что одежды Далмата (Илигея) исцеляют от слабости, а шишак – от головной боли. Около самой гробницы находится люк (подполье), откуда каждый богомolec берёт горсть земли. В логу около монастыря, на месте первого поселения Далмата, есть святой ключ, ископанный, по преданию, Далматом. Вода из этого ключа считается целебной» [6: 366].

Свидетель дореволюционной религиозной жизни края, автор «Краткой Першинской летописи» отмечает высокий авторитет Далмата, почитание его как святого: «Тысячи богомольцев стекаются в Далматов монастырь. Идущие в Верхотурье заходят в Далматов к преподобному Далмату. Так его называет народ. Хотя Далмат не канонизирован, однако народ давно считает его святым в губерниях Оренбургской, Уфимской, Пермской и Тобольской. В каждом селе и деревне можно встретить на божнице портрет инокa Далмата» [6: 366]. Сюжет о гробнице Далмата выходит на мотив межэтнических отношений в обозначенном регионе. Ссылаясь на молву («говорят»), краевед отметил роль личности Далмата в сохранении мира между этносами в Приисетье. Так, его считают чудотворцем башкиры, уверовавшие в его целительную силу [6: 366].

Легенда о Далмате – яркое свидетельство устойчивости единства христианских и языческих мотивов, создающее удивительный художественный рисунок, искры в который добавляют мотивы веры русских в чудодейственность подарков Илигея. Это с одной стороны. А с другой – в легенду входит мотив помощи русского подвижника Далмата башкирам.

Мифологическое сознание зауральцев начала XX века способствовало возникновению легенды о предвестниках тяжелых событий – Первой мировой войны. По случаю набора на войну по всему Приисетью решили «поднять иконы» – идти крестным ходом. Со слов очевидца, М.П. Бирюков записал: «Большая часть присутствовавших на площади (в Першине – В.Ф.) были или сильно пьяными, или под хмельком. Отслужили молебен, для которого вынесли на площадь не только обычные для подобного случая разного рода иконы, но никогда не выносимые тяжелые позолоченные хоругви из главного Покровского придела. И, так случилось, что у одной из хоругвей на виду всей толпы подломилось древко, и икона чуть было не упала на землю. Она удержалась тонкими боковыми древками. И все признали это за знамение Господне, предвещавшее несчастное окончание войны» [7: 8]. Для краеведа М.П. Бирюкова важны драматические вехи истории, в которых раскрывается менталитет зауральцев.

Темой для самостоятельного исследования может быть часть фонда М.П. Бирюкова, хранящегося в Государственном архиве Шадринска. Оглавлена коллекция «Письма бывших воспитанников Першинского интерната Ленинградских детей Михаилу Павловичу Бирюкову» (1971-1974 гг.) и «Письма бывшего директора Першинского интерната Ленинградских детей О.М. Бурмистровой – М.П. Бирюкову» (1968-1981 гг.). В Першинском интернате выхаживали 52 ленинградских ребѐнка. Письма наполнены благодарностью зауральцам, согревавшим детей, порой отдававшим им последнее [8: 9].

Краеведа интересовала творческая и социальная жизнь земляков, их занятия и духовная культура, трудности и праздники, следование традиционным правилам. Как свидетель событий и участник их, он высоко оценил опыт Талицкой лесной школы, которая организовала торговый питомник для выращивания посадочного материала на устройство праздников древонасаждения при народных школах.

Менталитет зауральцев раскрывается, по мнению краеведа, в драматических вехах истории. В частности, его внимание привлекло восприятие местным населением засухи и голода 1911 года. Голод высветил человеческое расположение к чужой беде одних и желание наживы других. К народным бедствиям отнесены лесные пожары и засуха. Летом 1911 г. целыми неделями более двух месяцев горы и долины были затянуты густым дымом. «Иные дни солнце едва пробивалось сквозь мглу. С крестьянских позиций это состояние природы оценено как *беда*: неурожай, засуха, бескормица. Крестьяне даром сбывают скот. С 27 июля настала ненастная погода, но ко времени ли теперь? Этот дождь по пословице: “После времени всяк тысяцкий”. Работы нет. По деревням бродит масса нищих, попрошайек. Есть селения, где под окошком пребывает в день до трех десятков и больше попрошайек. Это значит, что надо каждый день подать тридцать кусков или сказать: “Бог подаст”, а на это не у всякой хозяйки поворачивается язык. Хлеб стал дорог... Везде голод. Еда – болтушка из отрубей, которыми в прошлом году поили скот. Крестьяне продают за гроши земли, а скупают купцы на подставных лиц... Голод делает крестьянина равнодушным к церковным обрядам. Обычно крестьянин говорит священнику: “Крести младенца. Будет урожай – заплачу. А сейчас не взыщи! Как знаешь”... Дети священников голодают и просят в столовую» [2: 139-141].

Вслед за старшим братом, Владимиром Павловичем, М.П. Бирюков

обратился к комплексу фамилий, присловий и прозвищ зауральцев, что выявляет наблюдательность, остроумие, чувство слова земляков. Прозвищам посвящена работа «Родовые и личные прозвания (прозвища) крестьян села Першинского Далматовского района Курганской области второй половины XIX и первой половины XX в.» [3]. В краткой исторической справке говорится о том, что перемена фамилий на Руси была явлением широко распространённым. В 1747 году издан Указ, воспрещающий изменять фамилии [3: 8]. Крестьянство скорее принимало прозванья по мужской линии. Так, Мальцевы насчитывают 19 колен, которые реализованы в 72 семьях – к 1917 г. В Зауралье сменились 10-11 поколений, сохранивших фамилии от первопоселенца. При значительном числе дворов одной фамилии возникала путаница. К фамилии прикреплялось прозвание. Так, за другой ветвью Мальцевых закрепилось прозвище *журавлята*. ещё одна ветвь (42 колена) Мальцевых известна как Елэсены (от Елесея). Отмечен переход личных прозвищ в семейные: Букашки, Гагарёнки, Жужики, Зайчики, Змеиная голова, Зубки, Клячи, Кукушата, Маланьины, Корешата, Хорьки, Жабреи (колючие) [3: 20-50]. Закрепились личные прозвища, сопутствующие одному человеку: Ганя Бассенький (красивый), Безбрылик («живот к спине присох»), Горшок-Криночка (малый рост), Голиаф (высокий рост), Горбатый (физический недостаток), Гвоздок (езде лезет). Один из першинцев именовался Сушилом, т.к. в чистый понедельник сушил корчаги из-под пива, которое выпили на Масленицу [3: 14-42]. Находит М.П. Бирюков в своих земляках отметины, которые позволяют в каждом человеке видеть некую особенность. Неповторимо мастерство местных умельцев. Так, «до 1917 года Каменщиков Осип Самойлович и Казаков Александр Ильич, оба сильные и крепкие мужики, всегда ходили вдвоём по приискам. Никого в свою компанию не принимали, так как не хотели никого “обрабатывать”» [7: 274].

Вкраплены в книги и предания о силачах, воплощающих представления о тотемном первопредке, сосредоточившем в себе всю силу рода и совершающем титанические поступки. Силачи – это идеализация семьи. Предания с этими персонажами погружают слушателей в широко известную мифопоэтическую традицию о разумной силе, необходимой в хозяйственных делах. Силу без её разумного применения русские не принимали. Обратимся к былинам. Нужная для крестьянского дела сила идеализирована в былинах «Исцеление Ильи». В мотиве получения силы богаты-

рём реализовано народное представление о сакральных истоках её. Силу герою былины дают калики перехожие, Никола Чудотворец, святые или даже Христос. Богатырь должен сам определить, сколько ему нужно взять этого дара. После принятия богатырём питья «нишша братия» спрашивает Илью:

– Много ли, Илья, чуешь в себе силушки?
– От земли столб был да до небушки,
 Ко столбу было золото кольцо,
За кольцо бы взял – Святорусску поворотал!

Дарители силы поняли, что такая мера опасна и убрали половину её. С этой разумной мощью он отправляется помогать родителям: пенья, коренья с поля в борозды валить [11: 1]. Не принимает мать Сыра Земля безмерной и опасной силы Святогора. Он тоже готов перевернуть землю, но ухватиться не за что: нет в Земле кольца. Наказанием ему стал уход в землю или смерть под тяжестью крышки гроба [10].

Силачи-першинцы знают, куда приложить силу. Они побеждают в споре-соревновании с другими силачами, своим делом возвеличивают планку чести. Богом данная силачам мощь используется ими в хозяйственных делах и в состязаниях на праздниках. Так, Осип Самойлович однажды на спор огромную бестарку (хранилище зерна) «с хлебом с места свез». Традиционен сюжет о силаче, который заменил сильную лошадь, которой клажа оказалась не под силу. В формате предания рассказывается о силаче Федоре Андриановиче Мальцеве. Ссылаясь на молву, краевед пересказал: «Говорят, что едучи в Далматов, он телегу с хлебом сам затащил у подъема около Корелиных. При этом из телеги выпряг лошадь. Затащил и говорит: “Ну, где жо лошади завезти телегу с хлебом в ту гору, когда я сам её еле затащил”» [7: 274]. А.Т. Казаков показывал, как можно силу накачать. Он брал двухпудовые гири и подбрасывал их. Уникален для преданий мотив разрыхления сахарной головы в песок одним пальцем [7: 274].

В преданиях передана многогранная жизнь першинцев, события и явления, изумлявшие старых и малых. Краевед выбирает людей с изюминкой, дабы показать свой край как особенный. В основу устного рассказа о Мише Слепом положены реальные факты. Шипицына Михаила Федосеевича в народе прозвали Мишей Слепым. В школе он работал сторожем и учителем пения. «Это был ветеран Русско-турецкой войны 1877-78 года.

Выучился читать книги, написанные Брайлем. Он хорошо знал церковное пение и руководил церковным хором. Нередко зав. школой М.Р. Казакова оставляла М.Ф. Шипицына с учениками того или иного класса. Миша Слепой давал ученикам задачу решить на доске. Например, помножить 230 на 15. Ученик решает на доске. Миша Слепой, естественно, не видит, что пишет ученик, но ответ спрашивает. А сам в это время в уме уже считает. И вот, бывало, ученик отвечает неправильно, Миша Слепой прямо ему говорит:

– Врёшь, Кокорин, не правильно.

И заставляет переделывать. Миша Слепой был отличный звонарь на церковной колокольне. На колоколах он играл и светские песни – вроде “Во саду ли, в огороде” или “Ах, вы, сени, мои сени”. Мог играть и духовные вещи: например, “Иже херувимы”, молитвы, псалмы и другое. Вообще это был культурный человек. Но жена была грубая, необразованная женщина» [4: 358].

Некоторые предания выявляют блеск юмора першинцев. Так, большим «прокуратором», судя по устным рассказам, был Н.Г. Загуменный, рождения 1836 г. Чудил в молодости, но через 100 лет эти чудачества помнились, став мотивами преданий. «Баня у них была против окон дома. В баню первыми ходили женщины. Он решил над ними посмеяться. Насыпал на полок перца. Женщины окатили полок горячей водой и сели на него. И тут одна за другой они начали выскакивать из бани и задницами елозить по снегу. Он покатывался со смеху» [5: 202]. Половине першинцев он дал прозвища. Не любил обмана. «Один раз взял у казаха покос. Так, бывало, арендовали покосы. Вот приехали Загуменные, а покос уже косят. Приехали с веревками, вилами, граблями. Всё как надо. Поглядели – и домой. Потом, в Ильин день, приехал в Першину тот казах. Его Загуменный позвал. Во дворе расстелил кашму, рогожу. Сидит казах князем с апайкой вместе. А Загуменный в пиво добавил глауберовой соли. Поугощались гости – и бегом в пригон. И, не попрощавшись, ушёл обманщик со двора.

Потом, это уже в Покров было, опять гость пришёл. Пришёл и выговорил: “До Москвиной штаны не надевал. Так угощать нельзя”.

– Нельзя и покос двум сдавать» [5: 202].

Представляет интерес для разных направлений краеведения «Першинская топонимика» [12].

Значительный труд М.П. Бирюкова – весомый вклад в культуру Зауралья, в том числе и в фольклористику. «Першинская летопись» и другие материалы позволяют судить о фольклорной традиции в крае, в 70-е годы XX в.

Список литературы

- 1 Бирюков М. П. Малая родословная «Бирюковых» // ГАШ, Ф-Р-1060, оп. 1, ед. хр. 888. 63 с.
- 2 Бирюков М. П. Материалы к родословной Бирюковых // Государственный архив Шадринска. Ф-Р-1060, оп. 1. ед. хр. 866. 38 с.
- 3 Бирюков М. П. Родовые и личные прозвания (прозвища) крестьян с. Першинского Далматовского района Курганской области второй половины XIX и первой половины XX в. Свердловск, 1973.
- 4 Бирюков М. П. Першинская летопись : в 4 кн. Свердловск, 1978. Кн. 2, ч. 2.
- 5 Бирюков М. П. Першинская летопись : в 4 кн. Свердловск, 1977. Кн. 2, ч. 3.
- 6 Бирюков М. П. Першинская летопись : в 4 кн. Свердловск, 1978. Кн. 2, ч. 4.
- 7 Бирюков М. П. Першинская летопись : в 4 кн. Свердловск, 1978. Кн. 2, ч. 5.
- 8 Бирюков М. П. Письма бывшего директора Першинского интерната Ленинградских детей О.М. Бурмистровой – М.П. Бирюкову // Государственный архив Шадринска. Ф-Р- 1060, оп.1, ед. хр. 711.
- 9 Бирюков М. П. Письма бывших воспитанников Першинского интерната Ленинградских детей М.П. Бирюкову // Государственный архив Шадринска. Ф-Р-1060, оп.1, ед. хр. 710.
- 10 Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года : в 3 т. Изд. 4-е. Л., 1949. Т. III. № 273.
- 11 Песни, собранные П. В. Киреевским : вып. I–X. М., 1860-1874. Вып. 1.
- 12 Першинская топонимика. Ф. Р-1060, оп. 1, ед. хр. 638.
- 13 Печорские былины / записал Н. Ончуков. СПб., 1904. № 53.
- 14 Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. Л., 1929.
- 15 Подгорбунских Н. А. Семейные предания крестьян Южного Зауралья (Курганская область) : автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.

О МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ «ЧЕЛОВЕК – ПТИЦА»

И.А. ШВЕД
(Брест, Беларусь)

Человек традиционалистской культуры, как мы показали в статье «Об архаической модели “люди – птицы” в белорусском фольклоре» (находит-

ся в печати), жил вместе (во всех смыслах этого слова – ‘в соединении, общении’) с птицами. До наших дней сохранились (в частности, в Полесье) реликты представлений о птицах как воплощениях (форме, субстанции) душ; объектах вселения человеческих душ; переносчиках детей из мира природно-космического в мир человеческий; биологических «родителях» человеческих детей, появляющихся из яиц; существах, находящихся в теле человека в качестве его души; медиаторах между человеком и природно-космическим миром, Богом либо нечистой силой; ипостасях колдуна, ведьмы, иных демонов и др.

В белорусском фольклоре до сегодняшнего дня сохранились тексты, позволяющие выявить некоторые особенности мифологической коммуникации человека с птицами, что и является целью данной работы. Для достижения поставленной цели историко-генетическое изучение, ориентирующееся на диахроническое и парадигматическое рассмотрение представлений о коммуникации людей и птиц, дополняется функционально-семантическим исследованием.

В условиях диффузного взаимопроникновения человеческого и нечеловеческого начал, их «взаимообратимости» и взаимозависимости, необходимости поддержания и творческого участия нечеловеческого мира в жизнедеятельности социума без ритуального обращения к нечеловеческому, в том числе *птичьему*, партнёру по коммуникации не мыслились никакие более-менее важные начинания, преодоление энтропийности, ликвидация любого кризиса в мире человека, в частности путём ритуального обмена. Например, на Благовещение, 7 апреля, чтобы обеспечить благополучие в предстоящем году, пекли хлебцы (иногда в виде ноги аиста), выносили их на улицу и обращались к птице-медиуму, подателю благ: «–*Бусько, бусько, на тоби галёну, // Дай мыни жыта копу*» [ФЭАБ; Лесники Дрогичинского р-на]. Аист (*бусько*) – нечеловеческий участник взаимодействия – наделён сакральным статусом, ему приписывается святость, генетическая связь с человеком и особенности последнего: у птицы человеческие пальцы, она имеет душу, молится Богу, любит и ревнует партнёра и т.д. Такие представления на Брестчине живы и по сей день: «*Был случай в Спорово, тоже сделали буслы гнездо на сарае, а дед думает: “Возму я в это гнездо положу гусиное яйцо, да пусть он выведет мне”. Он положил, когда никого не было, потом прилетели. И что-то бусел с этой буслихой начали драться. Оказывается, он начал её ревновать.*»

Чего? Потому что они несут по 3-4 яйца, и яйца гусиные ж отличаются от аистовых. И, короче, он начал ревновать, что она нагуляла это яйцо, и он её дзёбал, дзёбал. И она, бедная, поднялась высоко и упала сразу и разбилась» Рассказ завершается констатацией: *«И то тоже было этому деду, что яйцо положил!»* [ФЭАБ; Спорово Березовского р-на].

По многочисленным фольклорным свидетельствам, в том числе современным, «добрым» либо «злым» (обычно мстящим) *птичьего* партнёра делают качества самого человека, проявленные в его поведении как отправителя текста (в семиотическом значении). См. показательные в этом плане запреты и их мотивировки: *«Ны можно ласточкины гнёзда разбураты, кажуть, шо ласточки улытят і дожді унысуть. І нэ будэ урожаю»* [ФЭАБ; Радовня Ивановского р-на]; *«Аістам нельга вредіть, таму што яны могуць прынесці якую-небудзь палку ці ўгалёк і могуць спаліць дом»* [ФЭАБ; Большая Турна Каменецкого р-на]; *«Кулы бусён зробіць гныздо на хаты, то будэ дустаток у сям'і. Разбураты гныздо бусня – вылыкі гріх, бо то вэльмэ опасно. Гавораць, шо у одный нозе ў бусня огонь, а в другуй – вуда. В удплату за рузбуранэ гныздо можэ прынэсты гулувешку на стрэху і подпалыты хату. А шчэ гіршыі гріх – забыты бусня. То тое ж самэ, шо забыты чулувіка, бо він сам пуходыць уд чулувіка»* [ФЭАБ; Кустын Брестского р-на].

Согласно фольклорным материалам, представители *птичьего* мира могли непосредственно воздействовать на жизнь людей. Действенной (созидательной, оплодотворяющей, или разрушительной) магической силой наделялись звуки птиц: по украинскому поверью, сойка своим криком выкликает, выманивает душу тяжело больного человека, по польскому – кулик, бродя по берегам рек, скликает утопленников [1: 96–97]. По сообщениям из Глубоцкого р-на, *«тады ўжо гэта птушка дзюбкай б'еца [у вакно], відаць, скоро забярэць яго [хворага чалавека] гэта птушка»*; *«сава, як кугакаець, яшчэ баба не бярэменная, усё-роўна накугакаець»* [2: 327]. В Полесье кугукание совы считается «предупредительным сигналом» того, что родится внебрачный ребёнок, также как и крик кукушки (имеющей, по народным представлениям, безбрачный статус) около дома интерпретируется как известие о скором появлении в нём бастарда, «байструка»: *«Як кукушка кукуе... прыйдэ до мэнэ на дэрэво, сядэ тут на мое, знай, шо дивка байструка зробіть, як шо е дивка в хати. Як вжэ дэ в лисэ, нэдалёко кукуе, то гэто еи пытають, а як куе... на дэрэво сядэ*

своё – знай, шо як дочка е, то будэ з байструком!» [ФЭАБ; Спорово Березовского р-на]. Эта же, порвавшая связь с детьми, птица приносит «человеческим» родителям печальную весть о том, что их повзрослевшие дети порвут с ними связь: *«Кого кукушка, пролетая, обгадит, тот брошенный детьми будет»* [ФЭАБ; г. Береза].

В контекстах, актуализирующих вещую функцию птицы, обычно имплицитно присутствуют представления о душе-птице, птице-медиаторе между этим и тем светом. Сравним совмещение в образе птицы представлений о душе и о смерти (душа-смерть) в рассказах о появлении птицы при умирающем до наступления смерти: *«А вот у мяне памёрла сястра, чатыры гады назад. Я ездзіла к ей летам. Я прыехала к ей зрану, птушка ў хаце лётае, заляцела ў хату птушка. Ну і я прышла, і пытаю: “Чаго яна ў вас тут лётае?” Ну яна ляжыць у койцы і ўмярла»* [2: 328]. Прилёт птицы может предшествовать и самоубийству человека: *«У Соні вот, як мужык памёр, навесіўся. Кажа: “Толькі ляжам, птушка стукаецца ў акно, ледзь шыбы не выбівае”. Яна ўжо і чакала, думала і пра аднаго сына, і пра другога. Тут, бац, чэраз некалькі дней вешаецца мужык»* [2: 328]. Птица-медиум не просто приносит в мир людей весть о смерти, а выступает её агентом, «забирает» человека в мир иной: *«Бываюць сінічкі, ці там якія зімой, на сцюзю, кажуць, лятуць у вакно, а бываець і на смерць, еслі ўжо чалавек такі хворы ў хаце ці што. Тады ўжо гэта птушачка дзюбкай б’еца, відаць, скоро забераць яго гэта птушачка»* [2: 327]. В ряде нарративов такая птица может ассоциироваться с ангелом: *«Адна баба расказвала, што ішлі з танцаў, а ў хаці ўмірала дзяўчына ці хто там. І галуб сядзеў на вакне, на раміне. Галуб прыляцеў. А ў яе дзяўчына памёрла... За некім прылітаець, як ангел ці як»* [2: 327]. В белорусских причитаниях матери по умершей дочери в обращении к кукушке содержится вопрос-нарекание: зачем она «выкуковала» из дома девушку? В связи со сказанным интересны народные объяснения снов с образами птиц как предвестников смерти, а также совмещение представлений о крике птицы и вое собаки как знамениях смерти: *«Калі чулувік балеет, і ноччу на яго забор сядыць птіца і будыць выты, як субака, тугды хучэй за всё чулувік пумрэ. Это-то правда, я на субі іспытала»* [ФЭАБ; Колодно Каменецкого р-на]. Многочисленные нарративы о том, что умершие навещают живущих в виде птиц, фиксируются и по сей день. Так, жительница д. Леплёвка, похоронившая мужа, рассказывает о его душе-птице: *«...после смерти приле-*

тала, перед годовщиной. Она прямо в окно полетит, она не стучит. Она заглядывала в окно, птичка. Хвост длинный, красивый, клюв на сантиметров пять. Мы сами так с детьми решили, что это, может, наш папа, потому что месяц и даже больше она к нам в окно заглянет и всё прилетает» [ФЭАБ; Леплёвка Брестского р-на]. Часто птицы – воплощения душ умерших – выступают адресатами вопрошаний о будущем человека. В этом плане показательна широко известная практика обращения к кукушке с вопросами о смерти либо замужестве: «Сколько осталось жить?» Девушки спрашивают: «Кукулка-зязюлька, колькі мне гадоў да замужаства?» [2: 328]. Птицы могут предвещать и другие события будущего, в частности приход гостей (в том числе новорождённого), болезнь, несчастье и др.

Птицы не только транслируют в человеческий мир важную информацию, предвещают (вызывают) определённые события, но и сигнализируют о необходимости начала различных действий, как правило, полевых работ, и это требует от человека соответствующей корректировки своего поведения (и/или поведения птиц). Так, с пением прилетевшего жаворонка начинают пахоту, первый крик удода весной означает, что пора сеять бобы, крик перепёлки возвещает начало жатвы [1: 96]. Появление/исчезновение голосов некоторых птиц, как отмечается в литературе вопроса, выступает универсальным маркером границ календарного цикла, средством измерения времени и структуризации хозяйственного календаря. Примером сказанному может быть весеннее появление голоса кукушки, к чему приурочены определённые приметы и ритуализированные акты, связанные с «магией первого». «А зязюлю вясной як першы раз учуеш, абавязкова нада з кармана кінуць грошы, каб не жыць у беднасці. Кінуць з кармана, з кішэня грошы на зямлю. А як паснедаўшы выдзіш на двор і пачуеш зязюлю, а ў кішэні няма нічога – год галодны будзе» [2: 328]. Вслед за интерпретацией посланий птицы-медиума обычно следовала определённая реакция человека, который, как считалось, своим ответным актом может в корне изменить ситуацию в свою пользу. Так, если птица билась в окно, говорили, обращаясь к ней «Харошае кідай на страсе, а дрэннае нясі на хвасце» [2: 327]. В Полесье верят, что стук воробья в окно предвещает горе (которое, видимо, из потустороннего «заморского» мира приносит негативно аксиологизированная птица-медиум). Услышавшему стук предписывалось обратиться к персонифицированному горю и его «переносчику» – воробью с

посылом в виде нейтрализующей формулы: *«Горэ, нашэ горэ! Іды за сынэ морэ! Гарабей-пташка, як бы тобі ны было цяжко, нэсы нашэ горэ за сынэ морэ, за білы хвалі, далэкіі далі»* [ФЭАБ; Борки Пинского р-на]. В этих и многих других контекстах имплицитно содержится представление о том, что птицы могут выполнять пожелания людей, испрашивая при этом помощи как у Бога, так и нечистой силы. Например, рассказывая о праздновании Благовещения, информатор объясняет, зачем птиц выпускали на волю: *«Ційі птахі просяць шчыстыя, удачі в Бога тому, хто іх выпусціў»* [ФЭАБ; Ковердяки Брестского р-на]. По заговору *«на приручение парня»*, птица выступает медиатором между человеком и нечистой силой: *«...Попрошу я белого кречета: слетал бы он в чистое поле, в синее море, в крутые горы, в темные леса, в зыбучие болота и попросил бы он окаянную силу, чтобы дала она ему помощи...»* [ФЭАБ; Дягелец Березовского р-на].

Интересно, что в определённых коммуникативных ситуациях люди и птицы могли объединяться и вместе противопоставляться имплицитно присутствующему и наделённому полномочиями кары либо поощрения субъекту действия – сакральному адресату. В этом плане любопытны известные календарные пословицы, относящиеся к Благовещенью, типа *«Птыца гнязда не в'е, дывіца касы не пляце»* [ФЭАБ; Славное Кобринского р-на], поверье, что в Страстную пятницу вместе с людьми скорбит вся природа и затихают птицы. Как поведение человека, так и представителей птичьего мира интерпретировалось с точки зрения нормативности/ненормативности, нарушение кодекса звукового поведения любым из них вносило дисбаланс в природную и общественную сферы. В славянском мире широко известны представления о птицах (кукушке, соловье), запевших раньше времени («на голый лес»), как предзнаменовании голодного, неурожайного года, падежа скота (соответствующие материалы повсеместно фиксируются в Беларуси по сей день). Также бытуют запреты (в частности, на Могилевщине) начинать пение людям (особенно вблизи полей), пока «лес не оденется»; в Полесье запрещалось петь до Благовещения, иначе *«корень не ажываэ»* [ПА]. Исследователями традиционной картины мира не единожды указывалось, что энергия голоса птиц, людей и животных имеет тождественное значение в плане воздействия на вегетацию культурных растений, плодовитость домашних животных, а значит её распространение должно быть регламентировано.

Важную роль при построении коммуникативной ситуации играет сле-

дование человека выработанным традицией правилам отбора и интерпретации значимых звуков, а также нормам поведения в рамках контакта с этими звуками. К «сбоям» в «нормальной» коммуникации неприменно приводит неверно дешифрованный звуковой код. Так, во многих традициях «пение курицы петухом» трактуется как предвестие беды, но иногда человек неверно расценивает конкретные сообщения не-человеческого партнёра, в чём птица (уже не на своем, а на человеческом языке) упрекает человека во сне: *«Еслі курыца запяець, дрэнна. Кажуць, тады нада галаву ёй адсякаць, каб не на бяду. Курыца сматра як, і на бяду, і на вяселле пяець. Мужык вёз жыта першы воз. Ну і вароты былі закрытыя, так ён каня аставіў, адкрываць вароты, а курыца “гоп” на вароты і запяяла. Ён як даў гэтай курыцы! І ўбіў курыцу гэту. Тады яму ноччу сасніўся сон: “Ты ж загубіў маіх дзетак”. А яна сядзела і выседзела цыплят, як мы эта завем – бахуры. І яна ўжо з радасці [запяяла], што ён вязець і будзе чым цыплят карміць. А ён забіў. А тады знайшлі ў хляве цыплят, выйшаўшы ўжо»* [ФЭАБ; Зеленки Мядельского р-на].

В заключение отметим, что в традиционной картине мира белорусов глубоко укоренились представления о своеобразном диффузном взаимопроникновении, «взаимообратимости» человеческих и *птичьих* форм жизни. Отношения между человеком и его *птичьим* партнёром по коммуникации носили характер взаимозаинтересованности, эквивалентности, договорённости. Птицы оказались включены в духовные переживания и жизненные ценности, в вековечный дискурс о природе человека. Вместе с тем человеческое, личностное, имеющее внутреннюю способность вступать в отношения, не чуждо *птичьей* форме жизни, с которой на эколого-эмпатических, не-антропоцентрических началах представители традиционалистских культур считали необходимым вести живой диалог с целью преодоления энтропийности, разрешения широкого круга кризисных ситуаций. Причём *птичьего* партнёра «добрым» (поддерживающим жизнедеятельность социума) либо «злым» (отвечающим неприемлемым для человека способом на его коммуникационную ошибку) часто делают качества самого человека, проявленные в его поведении как адресанта.

Сокращения

ПА – Полесский архив Института славяноведения РАН (Москва)

ФЭАБ – Фольклорно-этнографический архив учебной фольклорно-

краеведческой лаборатории БрГУ им. А.С. Пушкина (руководитель – И.А. Швед).

Список литературы

- 1 Гура А. В. Звуки и голоса животных в традиционных народных представлениях // Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого: сб. статей: в 2 т. / под ред. Т. А. Агапкиной, А. Ф. Журавлёва, С.М. Толстой. М. : Индрик, 1998. С. 95-102.
- 2 Полацкі этнаграфічны зборнік / уклад., прадм. і паказ. У. А. Лобача. Вып. 2: Народная проза беларусаў Падзвіння: у 2 ч. Наваполацк, 2011.

ЯЗЫК И ПОЗНАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЕ ЧАСТОТНОСТИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ (ОПЛ) НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ

***Е.В. БОГДАНОВА**
(Йошкар-Ола, Россия)*

Общественно-политическая лексика как объект лингвистики и отражение изменений в жизни общества привлекала внимание многих исследователей в разные исторические периоды, поскольку именно этот лексический пласт является одним из нестабильных в лексико-семантической системе.

В связи с возросшей ролью исследований общественно-политической коммуникации, анализа закономерностей коммуникативной деятельности в настоящее время возрастает внимание к изучению политической лексики. Несмотря на большое количество трудов, разнообразие тематик и областей исследования общественно-политической лексики, ряд задач остаётся нерешённым [6].

Развитие языка в первую очередь связано с любыми изменениями в общественной жизни и с накоплением общественно-познавательного опыта и передачи его из поколения в поколение. Одной из основных областей национально окрашенной лексики, отражающей особенности жизни народа, т.е. носителя языка, является общественно-политическая лексика, в которой особенности строя страны, социально-политическая структура общества, его история проявляются в полной мере [1: 13].

Сами понятия «политический, общественный» очень сложны и многогранны, и поэтому определение состава периферии или ядра общественно-политической лексики также весьма сложно. Именно поэтому анализ общественно-политической лексики лингвисты начинают с определения значений компонентов данного термина. Политику государства можно применить к большому количеству сфер социальной жизни общества, так как она затрагивает все области человеческой деятельности [4: 182-190].

Политика – это сфера деятельности, которая связана с отношениями между классами, нациями, социальными группами, и ядром её является

проблема завоевания, удержания и использования государственной власти, участие в делах государства [3: 158]. Политическая система общества включает, наряду с государством, партии, церковь, организации и движения, преследующие политические цели. Таким образом, ядро общественно-политической лексики и её периферия предстают сложными явлениями, и границы периферии общественно-политической лексики достаточно условны, так как язык – это живая, движущаяся материя. Именно общественно-политическая лексика быстро реагирует на происходящие в мире изменения. Она же и составляет лексический слой газетно-публицистического стиля – стиля газет и журналов, рекламы и новостей [7: 46-52].

Исследователи выявили, что в состав общественно-политического текста включены слова и словосочетания, принадлежащие к ядру общественно-политической лексики, общеупотребительная лексика, термины, окказионально употребляемые термины, прецизионная лексика, а также клише и штампы.

В составе ОПЛ выделяются 4 зоны:

I зона (собственно ОПЛ, в узком смысле) – это политическая лексика. К ОПЛ в узком смысле относятся прямые номинации лиц, мест, явлений, структур, формирующих политическую жизнь социума.

II зона (идеологическая лексика) – слова, отражающие принадлежность слова к конкретной исторической эпохе, закреплённость слова в лексиконе конкретной властной системы.

III зона – тематическая лексика. Эта лексика, прежде всего, обозначает сферы и формы проявления общественной жизни (армия, экономика, административная сфера, внешняя политика и др.).

IV зона – несобственно ОПЛ («периферийная» ОПЛ). Несобственно ОПЛ описывает властные отношения в целом, безотносительно к сфере реализации (подчинять, гнет, повиноваться, разрешение), либо специфическую (но не государственно-политическую) сферу реализации властного отношения (муштра, команда, капитан).

Таким образом, ОПЛ в широком смысле выделяется по семантическому критерию, в центре находится ОПЛ в узком смысле, далее – идеологическая, тематическая и несобственно общественно-политическая лексика [5].

Для некоторых лингвистов принято различать между собой ОПЛ

(общественно-политическую лексику) и ОПТ (общественно-политическую терминологию). Несмотря на большое количество имеющихся работ по ОПЛ (ОПТ), до сих пор отсутствуют чёткие принципы её классификации, нет единой дефиниции, нет единых критериев в определении состава и границ ОПЛ и ОПТ. Одни учёные включают в состав ОПЛ часть терминологии политических наук, другие чётко дифференцируют понятия «ОПЛ» и «ОПТ», принципиально возражая против введения терминов в состав ОПЛ, третьи используют эти понятия как синонимы. Т.С. Коготкова., В.В. Акуленко и другие исследователи считают, что вся ОПЛ не терминологична и обозначают её как ОПТ.

П.К. Мильшин, И.Ф. Протченко обозначают, что большая часть ОПТ общеизвестна, общепонятна, что она запечатлевает процессы, явления жизни прошлого и настоящего, а ОПЛ не представляет изолированную систему, ей присущи особенности, свойственные другим разрядам лексики, поэтому принципиально возражают против введения терминов в состав ОПЛ.

Есть и такие исследователи, которые принципиально не включают в состав ОПЛ термины социально-политических наук. Ю.А. Бельчиков пишет, что некоторые исследователи склонны включать в состав ОПЛ терминологию общественных наук. Это неоправданно расширяет рамки ОПЛ, поскольку при такой постановке вопроса в её состав должны быть включены лексика и терминология философская, юридическая, отчасти литературно-эстетическая, языковедческая [2: 9].

Общественно-политическую лексику можно разделить на группы по сферам употребления. Рассмотрим такую классификацию общественно-политической лексики: во-первых, номенклатурные наименования, т.е. наименования лиц, ведомств, органов, территорий; во-вторых, терминология электоральных и смежных технологий (политический маркетинг и т.д.); в-третьих, наименования политических партий, движений, идеологических течений и их членов (участников); в-четвёртых, термины права, употребляемые в общественно-политическом дискурсе СМИ; и, в-пятых, правовой жаргон.

Мы решили исследовать частотность общественно-политической лексики на примерах французских журналов и газет, так как эта проблема актуальна. Актуальность состоит в том, что в последнее время всё больше возрастает интерес к изучению изменения лексики французского языка, в

особенности общественно-политической лексики, которая особо восприимчива к изменениям, так как в ней отражены все исторические процессы политики и общества в целом. Процесс пополнения лексики происходит за счёт постоянного заимствования и образования новых слов. В нашем понимании, ОПЛ (общественно-политическая лексика) – это языковое отражение происходящих в жизни человеческого общества исторических событий и социальной жизни. Она охватывает довольно широкий круг слов, передающих в словах понятия о структуре государства и власти, об их особенностях, управлении государством, о положении отдельных групп людей в государстве и в общественной иерархии.

Эмпирической базой исследования стали следующие французские журналы и газеты: «Le Point» №2121 9 mai 2013, «Le Point» №2127 20 juin 2013, «Le Point» №2129 4 juillet 2013, «Le nouvel Observateur» 22-28 août 2013, «Le nouvel Observateur» 12-18 septembre 2013, «Le Figaro» №21439 9 juillet 2013.

В результате поиска ОПЛ в названных журналах была составлена следующая классификация: наименования документов, лиц (чиновников), политических партий, движений, течений, их членов, органов, территорий; экономическая, политическая, социологическая, военная, историческая терминология и терминология для СМИ. Рассмотрим на примерах.

Наименования документов: *une consigne* – приказ [13: 37], *une dictature* – диктатура [9: 8], *le projet de loi* – законопроект [9: 22], *la doctrine* – доктрина [10: 58], *la nomenclatura* – номенклатура [10: 12], *le mandat* – мандат [10: 14], *la loi* – закон [10: 16], *la déclaration* – декларация [10: 27], *l'ordre* – приказ [10: 27].

Наименования лиц (чиновников): *le vice-secrétaire* – вице-секретарь [11: 34], *le gouverneur* – губернатор [13: 70], *l'ex-ministre* – бывший министр [10: 27], *le chef de l'Etat* – глава государства [12: 3], *le président du Sénat* – председатель Сената [12: 3], *les arbitres* – судьи [12: 3], *le ministre* – министр [12: 4], *les députés* – депутаты [10: 10], *les sénateurs* – сенаторы [10: 10], *le maire* – мэр [10: 10], *l'eurodéputé* – евродепутат [10: 10], *le Premier ministre* – премьер министр [10: 11].

Наименования политических партий, движений, течений, их членов: *le néolibéralisme* – неолиберализм [9: 23], *le libéral* – либерал [9: 28], *le radical* – радикал [10: 27], *les droites* – правые [12: 3], *les gauches* – левые [12: 3], *le socialiste* – социалист [10: 10], *l'extrême-droite* – крайние правые [10:

26], le centriste – центрист [10: 26].

Экономическая терминология: rembourser – возмещать издержки [8: 2], la balance commerciale – торговый баланс [11: 8], le salaire – зарплата [11: 8], la prestation sociale – социальное пособие [11: 8], la dotation publique – государственное финансирование [11: 10], l'investissement – капиталовложение [13: 9], la valorisation – валоризация [13: 9], les dépenses publiques – государственные расходы [13: 10], l'ampleur de la crise – масштабы кризиса [13: 24], augmenter les impôts – увеличить налоги [10: 27], le régime fiscal – налоговая система [11: 33].

Наименования государственных органов: le consortium – консорциум [11: 68], le Front National – Национальный фронт [13: 9], l'appareil d'Etat – государственный аппарат [13: 26], la présidence – президиум [13: 34], la souveraineté populaire – народный суверенитет [9: 5], le secrétariat – секретариат [9: 10], le tribunale – суд [9: 20], le parlement – парламент [12: 3], le ministère – министерство [10: 8], l'Assemblée nationale – национальная Ассамблея [10: 10], l'administration – администрация [10: 16].

Политическая терминология: le suffrage – голосование [8: en couverture], la concurrence – конкуренция [13: 8], gouverner – управлять [11: 11], le bloc électoral – избирательная группа [11: 26], le blocage politique – политический тупик [11: 65], l'appel public – публичное выступление [13: 28], le désistement de candidats – снятие кандидатов [13: 40], la contestation – оспаривание [9: 29], être élu – быть избранным [9: 32], autoriser – разрешать [10: 27], la prohibition – запрет [10: 5], les électeurs – избиратели [10: 10].

Социологическая терминология: la cohabitation – сожительство [8: en couverture], la catégorie sociale – социальная категория [8: 4], les migrants – мигранты [8: 7], le sondage – опрос [13: 26], le chômage – безработица [9: 12], la tutelle internationale – международная опека [9: 32], la misère – нищета [10: 37], la pauvreté – бедность [10: 37], les conditions calamiteuses – бедственные условия [12: 3], la violence – жестокость [10: 18].

Военная терминология: l'arme – оружие [11: en couverture], le protecteur – защитник [11: 22], démolir – разрушать [11: 60], la défaite – поражение [13: 26], la résistance – сопротивление [13: 39], la sécurité – безопасность [10: 31], prendre la revanche – отомстить [10: 32], défendre son honneur – защищать честь [12: 3], les victimes – жертвы [10: 6], débloquer – освобождать [10: 8].

Историческая терминология: le patriarche – патриарх [13: 62], le racisme – расизм [9: 16], la réforme – реформа [9: 20], le fétichisme – фетишизм [9: 23], le capitalisme – капитализм [10: 42], la démocratie – демократия [10: 58], le nationalisme – национализм [10: 58], le totalisme – тоталитаризм [10: 58], le quinquennat – пятилетка [12: 3], la révolution – революция [10: 3], la répression – репрессия [10: 5], la révolte – восстание [10: 10], le meeting – митинг [10: 24].

Наименования территорий: le pays – страна [10: 28], l'Etat – государство [10: 29], la capitale – столица [10: 5].

Терминология для СМИ: informer – информировать [13: 26], les interviews – интервью [13: 38], l'hebdomadaire – еженедельник [13: 39], la radio – радио [13: 39], le correspondant – репортер [13: 40], la rédaction – редакция [13: 40], les actualités – новости [9: 29], le site web – сайт [9: 32], la télé – телевидение [9: 32], l'article – статья [9: 50], les médias – СМИ [10: 56], l'émission – передача [10: 57], la revue – журнал [10: 59], la presse – пресса [10: 12], publier – опубликовать [10: 12].

В результате было найдено около 260 единиц ОПЛ в журнале «Le nouvel Observateur», около 160 ОПЛ в «Le Point», и около 100 ОПЛ в газете «Le Figaro». По этому исследованию можно сделать вывод, что первое место по частотности употребления ОПЛ занимает журнал «Le nouvel Observateur». Большую роль в этом играет наличие в нём отдельной рубрики под названием «Politique». Можно отметить, что во всех источниках почти на каждой странице присутствует общественно-политическая лексика. Всё это подтверждает, что ОПЛ постоянно развивается, пополняется и является одной из самых актуальных тем исследований.

Список литературы

- 1 Бантышева Л. Л. Общественно-политическая лексика начала XX века: традиции изучения // Политическая лингвистика. Выпуск (1) 21. Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. пед. ин-та, 2007. С. 13-18.
- 2 Бельчиков Н. Ф. Единомышленник // Литературная газета. 1962. 11 сент.
- 3 История России: в 2 т. Т. 2. С начала XIX в. до начала XXI века / под ред. А. Н. Сахарова. М. : АСТ, 2003. С. 279.
- 4 Купина Н. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня / отв. ред. Л. П. Крысин. М. : Азбуковник, 2000. С. 213.
- 5 Общественно-политическая лексика. URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/obwestvenno-politicheskaja-leksika.html> (дата обращения: 12.02.2014 г.).
- 6 Общественно-политическая лексика в современной прессе. URL:

<http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=586855> (дата обращения: 12.02.2014)

7 Петухов А. С. Язык перестройки или перестройка языка // «Русская речь». 1992. №2. С. 129.

8 «Le Figaro» № 21439, 9 juillet 2013.

9 «Le nouvel Observateur», 22-28 août 2013.

10 «Le nouvel Observateur», 12-18 septembre 2013.

11 «Le Point» № 2121, 9 mai 2013.

12 «Le Point» № 2127, 20 juin 2013.

13 «Le Point» № 2129, 4 juillet 2013.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СИНОНИМИИ

М.М. БОЯРСКАЯ

(Санкт-Петербург, Россия)

Данная статья посвящена синонимии, одному из центральных вопросов современного языкознания. Известно, что синонимия представлена на разных уровнях языка: различают грамматическую, словообразовательную, фразеологическую и лексическую синонимию [11: 446-447]. Объектом исследования данной работы является лексическая синонимия.

Несмотря на значимость проблемы синонимии, многие из её аспектов остаются предметом дискуссии. Решение проблемы синонимии как одной из вечных проблем лингвистической семантики, обычно ищут на пути разграничения понятия и значения, рассматривая синонимы как слова, связанные с одним понятием, но различающиеся оттенками значения.

Так, во многих традиционных определениях синонимии фигурирует в значительной степени неопределённое понятие «оттенок значения» (*shade of meaning*). Обычно этот термин используется для описания разного рода специфических черт синонимов, таких как различия в их денотатах и сигнификатах, в семантической, лексической или морфосинтаксической сочетаемости и прагматических характеристиках [2: 320-330].

Определяя синонимы, И.В. Арнольд поясняет, что «оттенки значения» – это разнообразные дополнительные признаки понятия или некие дополнительные представления о понятии или выражение различной степени интенсивности интегрального признака, например, различная степень чувства привязанности в синонимах *attachment – affection – fondness* [4: 274-276]. Очевидно, исследователь имеет в виду различия в сигнификативных значениях

синонимов, которые, в принципе, можно описывать напрямую, не прибегая к термину «оттенок значения», требующему дополнительных комментариев.

По всей видимости, изначально понятие «оттенок значения» возникло при попытке решить проблему синонимичности многозначных лексем. При исследовании таких слов часто утверждают, что одно из них синонимично другому, хотя из всей совокупности значений, которыми обладает первое слово, только одно соответствует значению второго слова. Несинонимичные лексико-семантические варианты, по-видимому, были восприняты как элементы различия, которые получили нечёткое определение «оттенки значения». Неопределённость этого термина вынуждает многих исследователей считать его излишним, поскольку под ним понимаются различия в лексических значениях [3: 245; 1: 188].

Различия между синонимами, как правило, носят семантический характер. Бытует мнение, что вместо термина «оттенок значения» целесообразнее использовать термин «дифференциальные (семантические) признаки» или «дифференциальные семы». Показывая семантические различия между синонимами, необходимо, как нам представляется, использовать метод семантического толкования, а не описания, и вносить в формулировку «выявленные дифференциальные признаки» после общих, интегральных признаков, что, вероятно, будет соответствовать логике человеческого сознания, т.е. представлять результаты действия операций концептуализации и категоризации. Однако предлагаемые варианты такого решения пока не получили общепринятого признания.

Синонимия свойственна в той или иной степени всем языкам и служит показателем развитости языка: «богатый разносторонне развитый словарный состав имеет сильно развитую систему функциональных стилей, а богатство стилей предполагает возможность отбора, а эта последняя известную взаимозаменяемость слов, т.е. синонимику» [4: 271]. Иными словами, «чем выше степень развития литературного языка, тем сложнее, тоньше и богаче его синонимика» [14: 3].

В рамках традиционной теории «синонимии» принято различать синонимию языковую и речевую, при этом термин «язык» употребляют вслед за А. Гардинером и Ф. Соссюром в отношении всего, что зафиксировано в словарях (словарные единицы) и грамматиках того или иного языка (морфологические и синтаксические нормы), а термин «речь»,

напротив, – ко всему «нетрадиционному», т.е. к тому, что остаётся в тексте, если не учитывать традиционное представление на эту проблему. Соответственно, под языковой синонимией понимают синонимические отношения слов, зафиксированные в толковых и синонимических словарях. Речевую же синонимию, по мнению исследователей, можно наблюдать в художественной речи писателей и поэтов, способных к нетрадиционному новаторству [9: 49-56]. Вместе с тем восприятие языкового и речевого контекста как творческой силы, искажённое понимание речи как художественного языка писателя или поэта – все эти ограничения препятствуют исследованию синонимии на уровне системы языка. Совершенно не кажется убедительным предлагаемое исследователями разграничение синонимов на языковые и речевые, в случае которого эти явления рассматриваются как зеркальные, поскольку само понятие «языковая система» до настоящего времени остаётся неясным.

Однако современные исследователи связывают синонимию с так называемым феноменом «выбора». Употребляя языковое выражение, человек совершает языковое действие, которое выполняет как когнитивную, так и коммуникативную функцию. Каждый раз, осуществляя свой коммуникативный замысел, носитель языка решает проблему «выбора» языковых средств. Суть проблемы выбора состоит в осуществлении определённого коммуникативного намерения и замысла с помощью соответствующей когнитивно-функциональной модели. Таким образом, онтологической основой синонимии является возможность выразить одно и то же мыслительно-языковое содержание языковыми средствами, обладающими различными языковыми значениями [13: 95-100].

Как нам представляется, сложно говорить о достоверности изучения синонимии с опорой на контекст, что практикуется в рамках традиционных подходов к синонимии, поскольку многочисленность исследуемых контекстов не позволяет определить пределы значений различных слов.

По мнению М.В. Никитина, синонимия предполагает переключение в значении знаков с одного содержательного аспекта на другой – а именно, «переключение когнитивного содержания знака в план прагматического значения» [12: 452]. Синонимия, таким образом, воспринимается не столько как словарная данность языка, а скорее как коммуникативно-прагматическое решение. «Процесс синонимизации, – считает М.В. Никитин, – сопровождается обобщением когнитивного значения имени... и па-

раллельно совершается переключение отсекаемой части в область эмоционально-оценочного содержания». Таким образом, целесообразно выявить условия, при которых имена могут приглушать различия в когнитивной семантике и переключать их в прагматический план [12: 450-452].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о существующих противоречиях в трактовке теории лексической синонимии, и, следовательно, о необходимости искать новые решения обозначенных проблем. Так, для установления параллельного функционирования синонимических лексем в течение достаточно длительного времени целесообразно отказаться от традиционных заблуждений о творческой роли контекста и исследовать синонимы на уровне системы языка, некоего интуитивного знания в нашем сознании. Именно такой подход к человеку и его языку постулирует когнитивная парадигма.

Исследования языка с позиции развивающейся в последние десятилетия когнитологии показывают, что онтология мира отражена в сознании человека в виде системы категорий, в том числе языковых. Элементы языковых категорий неравнозначны между собой: некоторые из них психологически более выделены, чем другие. В результате, языковая категория, в том числе и синонимия, имеет градуальный характер, а её элементы могут образовывать непрерывный континуум [7: 77-78]. Применительно к явлению синонимии, этот подход даёт основание предполагать, что границы между синонимическими рядами имеют характер переходной зоны.

По нашему мнению, причину сосуществования слов-синонимов следует искать не в особенностях речевого употребления, а на уровне системы языка с помощью методики когнитивной лингвистики, и, в частности, понятия прототипа (или содержательного ядра [10]) как некоего обобщённого инвариантного образа предмета, принадлежащего некоторой категории. Можно предположить, что за каждой языковой формой стоит прототипический смысл или некое содержание, которое является системным значением формы. Благодаря этому инвариантному содержанию языковая единица, по всей видимости, и занимает определённое место в системе языка.

Таким образом, появление когнитивного взгляда на систему языка и языковое значение послужило развитию прототипической семантики, постулирующей существование обобщённого лексического значения, в форме которого выступает содержательное ядро. Отсутствие такого знания

привело бы к чрезмерной перегрузке ментального лексического запаса говорящего, поскольку в памяти человека «не могут быть дискретно зафиксированы все варианты значений всех известных ему слов» [8: 10]. Системная информация о единицах языка хранится в компактной, свёрнутой форме «содержательных ядер» или лексических прототипов значений многозначных слов, а не в форме развёрнутых словарных дефиниций. Прототипы являются своего рода стереотипами в рамках обыденного мышления.

«Лексический прототип» – это минимальный пучок коммуникативно-значимых абстрактных узуальных смыслов, включающий интегральные дифференциальные семантические компоненты, необходимые для идентификации предмета. При этом «ближайший лексический прототип» равен номинативно-непроизводному значению, которое также требует формулировки на уровне обыденного сознания. А «дальнейший», основанный на компонентах абстрактного характера, складываясь с расширением семантической структуры конкретного слова, может использоваться как единая база семиозиса, скрепляя частные значения в соответствии с интуицией носителей языка [5: 123].

Полностью соглашаясь с И.К. Архиповым, мы будем основываться на концепции С.В. Киселёвой относительно содержательного ядра многозначного глагола партитивной семантики. Согласно этому лингвисту, «содержательное ядро – это продукт сопоставления и сравнения всех лексикографических данных, из которых извлекается то общее, что повторяется во всех из представленных значений глагола (или иной части речи) в одной семантической структуре. В основе содержательного ядра лежит прямое номинативное значение слова. Можно полагать, что содержательное ядро представляет уровень системы языка как наилучший представитель своей категории. Оно рационально для общей классификации глаголов, но не может использоваться для описания семантики глагола, отдельно взятого в лексикографическом представлении, т.е. оно не может использоваться для дифференциации глаголов отдельных групп. Однако содержательное ядро способствует классификации глаголов и их организации в синонимические ряды или лексико-семантические группы. Таким образом, если содержательное ядро оказывается единым для целой группы глаголов, то это исключает его использование при описании тонких семантических различий между глаголами одной и той же группы и кон-

кретного представителя семантической структуры глагола. Поэтому можно сказать, что понятие содержательного ядра в таком виде имеет свои ограничения. Для лексикографической работы это понятие возможно использовать только при составлении идеографических словарей» [10: 83].

Можно предположить, что содержательное ядро есть структура знания, представляющая лексему в сознании человека на уровне системы языка; оно является системным значением, благодаря которому лексема функционирует в языке. Образую семантический центр значения лексемы, содержательное ядро объединяет все лексико-семантические варианты употребления слова в речи. Применение концепции содержательного ядра к теории синонимии позволяет решить проблему параллельного функционирования синонимов, а именно, установить «пределы» значений синонимов как относительно друг друга, так и по отношению к другим лексемам в языке.

Принимая точку зрения С.В. Киселёвой и продолжая её идеи, коллектив Уральской семантической школы, который в настоящее время работает над созданием Большого толкового словаря синонимов русской речи, понимает прототип «как типичный представитель категории: это мысленный образ, принадлежащий одной категории, с помощью которого человек воспринимает, познает действительность. Он осмысливается как совокупность когнитивных признаков» [6: 74]. Как считают авторы совместного толкового словаря, главным условием, которое должно обязательно соблюдаться при лексикографической интерпретации типовой семантики синонимического ряда слов, является оптимизация прототипа синонимического ряда слов по характеристикам, существенным для представленной категории и отражающим регулярные аспекты лексического варьирования внутри синонимического ряда слов относительно его доминанты.

Так, анализ словарных дефиниций глаголов синонимического ряда *to blend, to fuse, to link, to merge, to mingle, to stir* с доминантой *to mix* позволил установить их содержательные ядра как на парадигматическом уровне, так и на синтагматическом: на парадигматическом уровне глаголы репрезентируют следующие содержательные ядра: для ***to mix*** – это *to join together*; ***to blend*** – *to mix inseparably*; ***to fuse*** – *to be united by melting (by heat)*; ***to link*** – *to be connected physically or electronically*; ***to merge*** – *to combine together*; ***to mingle*** – *to mix together without fundamental loss of identity*; ***to stir*** – *to mix smth together by a spoon or stick*; а на синтагматическом

уровне все члены синонимического ряда представляют единое содержательное ядро, которое связывает все эти члены одного синонимического ряда – *«to acquire the integrity or to become a whole/part of/united»*.

Анализ речевых употреблений синонимов показал, что, являясь актуализацией системных значений – инвариантов, номинативно-непроизводные значения как наиболее частотные варианты могут использоваться языковой личностью в качестве базы формирования других задуманных в целях коммуникации лексико-семантических вариантов слов.

Установленные номинативно-непроизводные значения позволили выявить системные значения рассматриваемых лексем. В основе каждого из выявленных системных значений лежит ментальный образ или концепт, характерный только для данной лексемы и являющийся обобщением чувственного восприятия соответствующих ситуаций. Анализ актуальных значений синонимов на основе номинативно-непроизводного значения указывает на то, что такой образ в различной степени сохраняется во всех их лексико-семантических вариантах.

В состав выявленных системных значений синонимичных глаголов входит интегральный признак и дифференциальные признаки. Дифференциальные признаки во всех системных значениях специфичны. Такая специфика придаёт уникальность системному значению каждого синонима и устанавливает его пределы в синонимическом ряду.

Применительно к теории синонимии концепция содержательного ядра даёт возможность решить проблему параллельного функционирования синонимии глаголов. Установление содержательных ядер синонимов поможет определить пределы тех значений, которые дают лексической единице право на существование в системе языка.

Таким образом, когнитивный подход позволяет рассматривать синонимию как категорию, которая формируется носителем языка в результате познания окружающей действительности и связана с феноменом «выбора» эквивалентных языковых выражений. Синонимия, как и другие категории языка, имеют феноменологическую природу, т.е. надо полагать, что в системе языка в основе значений её элементов (синонимов) лежат образы ситуаций. Открытым остаётся вопрос о когнитивной природе членов (синонимов), образующих эту категорию. Традиционная интерпретация синонимических отношений, в том числе между лексемами, предполагает выражение одного и того же обозначаемого различными средствами. Вме-

сте с тем традиционная теория синонимии не ограничивается одной точкой зрения в определении синонимии: предложенные критерии синонимии варьируются от исследователя к исследователю.

Список литературы

- 1 Антрушина Г. Б., Афанасьева О. В., Морозова Н. Н. Лексикология английского языка : учебное пособие для студентов. 3-е изд., стереотип. М. : Дрофа, 2001. 288 с.
- 2 Апресян Ю. Д. Значение и оттенок значения // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. XXXIII. Вып. 4. М. : Наука, 1974. С. 320-330.
- 3 Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. Т. I. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М. : Языки русской культуры, 1995. 472 с.
- 4 Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка: учеб. для интов и фак. иностр. яз. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. 351 с.
- 5 Архипов И. К. Проблема языка и речи в свете прототипической семантики // Studia Linguistica № 6. Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. СПб., 1998. С 5-22.
- 6 Бабенко Л. Г. Прототипический подход при лексикографической интерпретации русских синонимов // Когнитивные исследования языков. Вып. XV. Механизмы языковой когниции : сборник научных трудов / отв. ред. вып. В. З. Демьянков; Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. С. 67-75.
- 7 Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика : курс лекций по английской филологии. Тамбов : Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2000. 123 с.
- 8 Брудный А. А. Значение слова и психология противопоставления // Семантическая структура слова / отв. ред. А. А. Леонтьев. М., 1971.
- 9 Вилюман В. Г. Английская синонимика (введение в теорию синонимии и методику изучения синонимов). М., 1980.
- 10 Киселёва С. В. Сущность многозначного слова в английском языке: монография. СПб.: Астерион, 2009. 216 с.
- 11 Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Советская энциклопедия, 1990. 682 с.
- 12 Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб. : Научный центр проблем диалога, 1996. 760 с.
- 13 Сорокина Т. С. Функциональные основы теории грамматической синонимии // Вопросы языкознания. 2003. № 3. С. 95-112.
- 14 Словарь синонимов русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : АСТ, 2001. 648 с.

**ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-
АНТРОПОНОМИНАНТОВ ПО СОЦИАЛЬНЫМ ПРИЗНАКАМ
В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале публицистических текстов)**

Е.А. ИВАНОВА
(Курган, Россия)

Фразеологизм является «вместилищем» грамматических категорий и их значений» [3: 375]. Различные классы ФЕ функционируют в грамматическом отношении своеобразно. Предметные фразеологизмы, в том числе фразеологизмы-наименования лица по социальным признакам, имеют категорию рода в русском языке, категории числа и падежа в русском и английском языке.

Одной из грамматических морфологических категорий, «оформляющих предметность», является категория числа [5: 11]. Эта категория выражает количественные отношения. В обоих анализируемых языках в семантической структуре ФАСП выявляются семы единичности и множественности, которые находят своё выражение в формах единственного и множественного числа.

Многие исследуемые ФЕ образуют формы единственного и множественного числа. Фразеологизм обозначает одно лицо, если употребляется в единственном числе, и обозначает множество лиц, употребляясь во множественном числе: *должностное лицо* – *должностные лица*; *козёл отпущения* – *козлы отпущения*.

Категория числа ФАСП может быть выражена в обоих языках флективным способом (флекссией грамматически главного компонента): *дама сердца* – *дамы сердца*; *rising star* – *rising stars*. В единичных случаях для выражения рассматриваемой категории используются суффиксальный (РЯ) и супплетивный способы (РЯ, АЯ): *последний могиканин* – *последние могикане*; *наш человек* – *наши люди*; *marked man* – *marked men*.

В обоих языках мы выделяем две группы ФАСП, которые по-разному связаны с категорией числа:

- 1) единицы, способные образовывать полную числовую парадигму;
- 2) ФЕ, утратившие способность образовывать числовую парадигму.

В первую группу входит большинство фразеологизмов, способных об-

разовывать полную числовую парадигму. Например: *светская львица* – *светские львицы*; *белая ворона* – *белые вороны*; *виновник торжества* – *виновники торжества*; *закадычный друг* – *закадычные друзья*; *старая дева* – *старые девы*, *first lady* – *first ladies*, *middle class* – *middle classes*, *guardian angel* – *guardian angels*. Ксения Собчак, телеведущая, *светская львица*: «Я читала Сергея Минаева, и, как мне кажется, он очень талантливый человек» (АиФ, 03.11.09). Неудивительно, если эта привычка (нюхать табак) вновь приживётся. Но для этого к табаку должен «принюхаться» бомонд: актеры, политики, *светские львицы*. (АиФ, 22.10.09). Золотистый цвет модели, отражавшей сияние летней луны, поднимал настроение не только *виновнику торжества*, но и его гостям, будучи ярким продолжением юбилейного музыкального вечера. (АиФ, 06.08.09). Свои треки, новые и старые, подарили публике *виновники торжества* – группа Т.Ф. (АиФ, 19.08.09). Michelle Obama spiced up *First Lady* fashion all summer (NYDN, 21.01.10). Declaring the *middle class* is "under assault," President Obama unveiled a series of new steps Monday to lift up hurting Americans – and his own poll numbers (NYDN, 26.01.10). "This is a miracle," Oshita's mother, Sue Oshita, told the Daily News from her home in Hawaii. "He is a *guardian angel*." (NYDN, 16.06.10).

Согласно теории А.М. Чепасовой, предметные фразеологизмы проявляют свойства числа своеобразно, стремясь к форме единственного числа [4: 54]. Действительно, форма ед. числа доминирует над формой мн. числа ФАСП названных языков: *вторая половина (половинка)* – 16 и 3, *хозяйин/хозяйка дома* – 52 и 5, *доверенное лицо* – 35 и 4, *действующее лицо* – 25 и 2, *old lady (мать, старуха)* – 9 (ед. ч.) и 5 (мн. ч.), *guardian angel (ангел-хранитель)* – 24 (ед. ч.) и 4 (мн. ч.). По наблюдениям Е.Р. Ратушной, причина этого заключается в том, что «в семантической структуре фразеологизмов-наименований человека... содержатся различные эмоционально-экспрессивные семы, выражающие отношение к обозначаемому лицу со стороны субъекта речи» [2: 81].

Один из бронзовых рельефов на стене – это портрет *хозяйки дома* Надежды Половцовой (АиФ, 21.10.09). Бывший гитлеровский генерал превратился в *доверенное лицо* первого канцлера ФРГ Конрада Аденауэра (АиФ, 10.11.09). Кто-то, играя на родительских чувствах, тянет из *второй половины* деньги, кто-то демонстрирует свою власть. (АиФ, 28.10.09). "He trusted you like you said, his *guardian angel*," Smith's father, Elliot Smith said.

“His soul was so precious and divine. It was never his time to go, not this soon or in this inhumane way” (NYDN, 11.03.10). No one wanted to be told by an *old lady* that miniskirts and jeans are not chic_ (NYDN, 11.11.10). They look like *old-lady* shoes, but I'm addicted!" she laughs (NYDN, 26.07.10).

В данных примерах ФАСП функционируют в форме единственного числа, выражая отношение к определённом лицу. В таблице 1 представлено их соотношение.

Таблица 1

Число	РФАСП	АФАСП
Ед.ч.	200 (54%)	310 (62%)
Мн.ч.	170 (46%)	310 (38%)

Часто форма единственного числа является контекстуально или грамматически единственно возможной: *first lady* (*первая леди*) – 72 (ед. ч.) и 0 (мн. ч.), *black sheep* (*паршивая овца*) – 12 и 0, *middle class* (*средний класс*) – 84 и 0.

ФЕ *first lady* употребляется в форме единственного числа, т.к. данный фразеологизм обозначает официальное наименование супруги президента страны (а именно – США), единственной в своём роде на период правления этого руководителя. В газетно-публицистическом дискурсе английского языка уникальность первой леди интенсифицируется грамматическими указателями: определённым артиклем *the* или указательным местоимением *this*:

The Secret Service said the man – whom they would not identify – did not get close to the president or the *first lady* (NYDN, 05.01.10). ... As a CAPRICORN, there is nothing frivolous about this *First lady* (NYDN, 29.12.09). Michelle Obama spiced up *First Lady* fashion all summer (NYDN, 21.01.10).

Функционирование ФЕ *black sheep* в форме единственного числа обусловлено её семантикой, связано с этимологией: её используют для описания странного или непорядочного члена группы, особенно семьи. Данный фразеологизм приобрел негативную коннотацию, т.к. исторически это связано с нетипичным и нежелательным появлением чёрной овцы в стаде белых («In the English language, *black sheep* is an idiom used to describe an odd or disreputable member of a group, especially within a family. The term has typically been given negative implications... It derived from the atypical and un-

wanted presence of other black individuals in flocks of white sheep») [6].

“Lots of people have a *black sheep* in the family ... and the result is not that you become a captain in an organized crime family,” Cogan said Tuesday in Brooklyn Federal Court (NYDN, 17.11.10). Bellamy's *black-sheep* brother can't help but stir up trouble (NYDN, 29.10.10).

По мнению некоторых лингвистов, «существительные в форме единственного числа могут заменять собой форму множественного числа, употребляясь для обозначения множества предметов, лиц, явлений, связанных с конкретными ситуациями... «Собирательное» единственное число подчёркивает, что данное множество предметов представляется как единое целое» [1, 158-159]. Так, ФЕ *middle class* имеет собирательное значение и в публицистическом дискурсе репрезентирует средний класс как совокупность людей, имеющих средний достаток, как страту, социально находящуюся между высшим классом (*upper-class*) и малообеспеченными (*low-income*):

Declaring the *middle class* is “under assault,” President Obama unveiled a series of new steps Monday to lift up hurting Americans – and his own poll numbers (NYDN, 26.01.10). You bail out the rich and leave the *middle class* to pay back the loans (NYDN, 16.01.10).

И в английском, и в русском языке у некоторых (102) фразеологизмов, обозначающих человека по социальным признакам, наблюдается равное (близкое) соотношение чисел или преобладание множественного числа над единственным, что обусловлено спецификой фразеологической семантики. Подобные ФЕ часто обозначают людей, занимающихся совместно с другими лицами активным видом деятельности (обычно профессиональной): *undercover cops* (*тайный агент*), *plainclothes cops* (*сыщик*), *должностное лицо* (136 употреблений в форме мн. ч., 62 – в форме ед. ч.), *ночная бабочка* (6 – в форме мн. ч.; 5 – ед. ч.), *жрицы любви* (12 и 2), *звезда первой величины* (16 употреблений в форме мн. ч., 2 – в ед. ч.), *высокий гость* (21 употребление в форме мн. ч. и 9 в ед. ч.); *частное лицо* – 82 и 19 и др.

Например: Castro revved the car in reverse and slammed it into the *plainclothes narcotics cops* (NYDN, 17.01.10). Alexander Kravitz, 27, who taught at William E. Grady Vocational High School, also sent X-rated video to the “girl” he met on the Web-really *undercover cops* working a sting operation (NYDN, 06.01.10). Есть, впрочем, и ещё один способ непосредственного контакта высших *должностных лиц* с использованием сети – через социальную

сеть типа «ВКонтакте» (26.08.09). Сверкающее огнями здание, нарядная публика, *звёзды первой величины* на сцене создают праздничное настроение, какое бы время ни стояло на дворе: советское, перестроечное, или – как сейчас – кризисное (АиФ, 07.10.09). Женщины, наоборот, могут прощать своему любимому плотские грешки, но очень боятся его эмоциональной привязанности к другой – они скорее смирятся с визитами супруга к *ночным бабочкам*, чем «проглотят» самый невинный роман с коллегой по работе (АиФ, 21.10.09). Две *жрицы любви*, попытавшиеся сбежать от злоумышленников, были возвращены и избиты, в результате чего у одной из них был сломан нос и обезображено лицо, а у другой сломано несколько рёбер (АиФ, 19.10.09).

Во вторую группу входят фразеологизмы, которые не в состоянии образовать числовую парадигму. Обычно данные ФЕ обладают абстрактной семантикой, не имея возможности образовать соотносительную форму числа: *New York finest* (лучшие полицейские Нью-Йорка), *rank-and-file* (рядовые), *blue blood* (голубая кровь), *white trash* (белая шваль), *flesh-and-blood* (плоть и кровь), *kith and kin* (родные и близкие); *высший свет*, *рабочая сила*, *душа компании*, *кот в мешке*, *живой товар*, *хозяин положения*. Дамы *высшего света* вообще не растили их (своих детей) – отправляли в деревню к кормилицам – и не испытывали муки совести (АиФ, 26.08.09). Усыновлённые дети становятся бесплатной *рабочей силой* и кормильцами новых родителей. (РГ, 14.11.09). Шумные, энергичные девицы – *душа компании*. Обычно событиями (и мужьями) насыщена центральная часть их жизни (АиФ, 23.09.09). Первые (пираты) никогда не выходили в море без нескольких бочонков рома, а вторые (работоторговцы) самым циничным образом обменивали *живой товар* на гигантские партии «барбадосской воды» (АиФ, 27.10.09). John LeBoutillier, a wealthy *blue blood* Republican who was elected to Congress in 1980, has been on a personal crusade to locate dozens of U.S. prisoners of the Vietnam War he thinks are held in Belarus (NYDN, 07.09.10). That's beyond *white trash*," Rivers fumed before storming off. She returned and won the whole thing, defeating Duke in the finale (NYDN, 27.12.09). Cassano's depth of experience is a comfort to the *rank and file* as the department faces tough choices, according to the president of the fire officers union (NYDN, 25.01.10). Detective Adam Frasse personifies what it means to be one of *New York's Finest* (NYDN, 25.01.10).

Отсутствие числовой парадигмы наблюдается также у ФЕ – офици-

альных наименований человека по социальному статусу: *ваше величество*, *ваше высочество*, *его сиятельство* и др. В семантике названных ФЕ содержится субстантивный компонент с абстрактной семантикой, препятствующей образованию форм множественного числа: Право же, мушкетёры его величества могли бы приехать в Московию, благо время на дворе стояло примерно то же самое. (АиФ, 20.10.09). Почти 60 лет назад от ран и болезни скончался старший матрос британского флота Её Величества, кавалер креста Виктории (АиФ, 03.11.09).

Подводя итог, ещё раз подчеркнём, что категория числа обозначает количественные отношения. И в русском, и в английском языках названная категория представлена семами единичности и множественности, выраженной, главным образом, флективным способом (РЯ); в единичных случаях – суффиксальным и супплетивным (РЯ, АЯ).

Анализируемые ФЕ способны образовывать полную числовую парадигму, некоторые утратили эту способность.

Большинство рассматриваемых фразеологизмов функционируют в форме единственного числа (54% и 62%), что связано со спецификой семантической структуры ФЕ. В некоторых случаях употребление формы единственного числа является грамматически или контекстуально единственно возможной (особенно в английском языке). Отсутствие числовой парадигмы наблюдается в ФЕ с абстрактной семантикой, препятствующей образованию множественного числа.

Список литературы

- 1 Жуков В. П., Жуков А. В. Русская фразеология : учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М. : Высш. шк., 2006. 408 с.
- 2 Ратушная Е. Р. Семантическая структура фразеологизмов в процессе её формирования и функционирования. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2000. 223 с.
- 3 Рахманова Л. И., Суздальцева В. Н. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология : учебное пособие. М. : Изд-во Московского гос. ун-та; Издательство «ЧеРо», 1997. 480 с.
- 4 Чепасова А. М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов : учебное пособие. Челябинск : Изд-во Челябинского гос. пед. ун-та, 2006. 144 с.
- 5 Чепасова А. М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов : учебное пособие к спецкурсу. Челябинск, 1983. 100 с.
- 6 Wikipedia, the free encyclopedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Black_Sheep (дата обращения: 08.02.2014).

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КАУЗАТИВОВ

В.И. КАБЫШ
(Курган, Россия)

Целью настоящего исследования является описание семантических типов фразеологических каузативов. В связи с этим необходимо решить следующие задачи: выявить корпус фразеологизмов, вступающих в причинно-следственные отношения; определить роль глагольных и именных компонентов в формировании семантики каузативности (причинности); описать типы каузативов.

Наша картотека насчитывает около 300 процессуальных фразеологических единиц, вступающих в каузативные (причинно-следственные) отношения: *подвергнуться изменениям – подвергнуть изменениям, претерпеть преобразования – подвергнуть преобразованиям, лишаться жизни – лишать жизни, занимать горизонтальное положение – приводить в горизонтальное положение, находиться в связи – обуславливать связи, подвергаться делению – подвергать делению, иметь столкновение – приводить к столкновению, находиться в зависимости – ставить в зависимость, питать любовь – вызывать любовь, испытывать ненависть – внушать ненависть, чувствовать симпатию – возбуждать симпатию.*

В русском языкознании имеется большое количество работ, в которых в той или иной мере затрагивается проблема каузативности (Моисеев 1970, Холодович 1970, Алисова 1971, Золотова 1973, 2004, Апресян 1974, Чудинов 1984, Филиппов 1978, Гордон 1981, Васильев 1990, Кильдибекова 1985, Падучева 2001). При этом данная проблема решается на лексическом материале, фразеологический материал рассматривается частично (Васильев 2005, Новиков 1982, Апресян 1974) или не подвергается анализу. В.А. Лебединская отмечает, что «системная семантическая организованность ... фразеологизмов проявляется в существовании каузативных пар» [1: 23].

Под каузативной ситуацией понимается макроситуация, состоящая из «по меньшей мере двух микроситуаций, связанных между собой отношением каузации или причинения» [2]. Отношение каузации имеет место, если один из фактов действительности изменяется в результате воздействия на него другого. Рассмотрим каузативную пару фразеологизмов *ис-*

пытывать страсть – возбуждать страсть (Он испытывает к ней страсть – Она вызывает у него страсть). Первый актант (он) изменяется (начинает испытывать страсть) в результате причинения определённого воздействия на него (вызывает страсть) со стороны второго актанта (она). При этом компонент-каузатив *вызывать*, привносящий во фразеологическую единицу значение «заставить появиться, породить» [4: 112], включает в себя две микроситуации: воздействие на кого/что-либо – изменение кого/чего-либо по причине воздействия.

Как показал исследуемый материал, представленные фразеологизмы, вступающие в каузативные отношения типа, можно отнести к следующим семантическим типам:

1) «социальные отношения». К этому типу относятся фразеологические каузативы, в которых первый фразеологизм в паре принадлежит к субкатегории деятельности и состояния, а второй – к субкатегории отношения. При этом наблюдается следующая групповая принадлежность:

а) «социальное состояние»/«доминантные отношения» (*быть в услужении – брать в услужение, быть под каблуком – держать под каблуком, находиться в зависимости – ставить в зависимость, пойти в рабство – взять в рабство и т.д.*).

Монета Арапса! На нее можно на год **взять в услужение** кентавра или купить хорошую лодку! *Д. Емец. Таня Гроттер и ботинки кентавра.* – А вот традиция иметь у себя на службе иностранцев-аферистов началась, наверное, со времен войны 1812 года. Когда попавшие в плен французы **оставались в услужении** у русских дворян учителями музыки, языка, танцев и хороших манер. *С. Минаев. Духлесс;*

б) «поведенческая деятельность»/«доминантные отношения» (*плыть по течению – пустить по течению, пустить под откос – лететь под откос, пускать в дело – пускаться в дело и т.д.*).

Гэбриель Конрой потому и решил уехать, что не хочет, чтобы при нём всё это дело **под откос пошло**. *Б. Гарт. Гэбриель Конрой.* – Нередкая история жизни, **пускаемой** пьянством **под откос**, вставала за её причитающим говорком. Все шло прахом... *М. Веллер. Приключения майора Звягина.*

Каузативность в парах исследуемых процессуальных фразеологизмов создаётся за счёт глагольного компонента-каузатива, привносящего значение *причинности* (**причинить** – «произвести, послужить причиной чего-либо» [4: 603], **обусловить** – «2. явиться причиной чего-либо, вызвать

что-либо» [4: 438], **принести** – «4. причинить, дать в результате» [4: 595], **ввести** – «4. вовлечь во что-либо, причинить кому-либо что-либо» [4: 70], **доставить** – «2. обеспечить, предоставить, причинить (то, что названо сущ.)» [4: 177]) или *воздействия* (морального, физического), в результате которого происходит изменение объекта (**вызвать** – «3. заставить появиться, породить» [4: 112], **ввергнуть** – «1. силой вовлечь, поместить куда-либо» [4: 70], **побудить** – «склонить к какому-либо действию» [4: 527], **вынудить** – «1. заставить, принудить» [4: 115], **навязать** – «3. принудить, заставить принять, купить что-либо» [4: 377]).

Все изъедены, в клопах, все семейство Ювачевых **бы осталось на бобах**. *Д. Хармс. В этом ящике железном...* – А давайте-ка удерем такую штуку... Оба мы с вами молодые, давайте-ка **оставим** Квашина **на бобах**. *А. Куприн. Молох;*

2) «эмоциональные состояния». К этому типу относятся исследуемые единицы, в которых первый в паре фразеологизм относится к субкатегории состояния группе психического состояния, а второй – к субкатегории отношения, группе отношения, изменяющего психическое состояние объекта. Выявляются следующие подгруппы:

а) «негативные эмоции» (*испытывать ненависть – вызывать ненависть, испытывать презрение – внушать презрение, испытывать душевную боль – причинять душевную боль, выводить из терпения – выходить из терпения и т.д.*).

Главное, что надо знать о человеке: как, познав его, **вызвать** его **любовь, ненависть, уважение, презрение, гнев, умиротворение, благодарность, страх, жалость**. *М. Веллер. Карьера в никуда.* – Личной **ненависти** за вчерашнее я **не ощущал**, видимо, изобретенное им понятие субстанции было недостаточно субстанциональным. *В. Пелевин. Чапаев и Пустота;*

б) «позитивные эмоции» (*вызывать восторг – испытывать восторг, вызывать радость – испытывать радость, питать симпатию – возбуждать симпатию, приходить в восхищение – привести в восхищение*).

Эта трогательная детская способность полностью погружаться в свои фантазии, совершенно необычная для такого громилы, заставила меня **испытать** к нему нечто вроде **симпатии**. *В. Пелевин. Чапаев и Пустота.* – Этот идеологический прадед большевизма **вызывал** во мне мало **симпатии**. *В. Пелевин. Чапаев и Пустота.* – После сердечной рекомендации молодого доктора все **отнесли** к нему с полной **симпатией**. *Б. Гарт. Гэбриель Конрой;*

в) «безразличие» (*вводит в меланхолию – входит в меланхолию, плыть по течению – пустить по течению и т.д.*).

Прожив суровую, беспокойную юность, схоронив в зрелые годы **впавшую в меланхолию** жену и доведя сына до того, что тот убежал в матросы, мистер Томсон вдруг обратился к религии. *Б. Гарт. Блудный сын мистера Томсона.* – За такие слова надо было бы дать вам в морду. Но они отчего-то **вгоняют меня в меланхолию.** *В. Пелевин. Чапаев и Пустота.*

Семантику эмоционального состояния чаще всего привносят именные компоненты, обозначающие психическое состояние (*спокойствие, счастье, любовь, радость, презрение, меланхолия*);

3) «вербально-коммуникативные процессы». К этому типу относятся фразеологизмы, входящие в семантические группы «социальное состояние»/«вербально-коммуникативные отношения» (*оставить с носом – остаться с носом, подвергнуть допросу – подвергаться допросу, подвергнуть бойкоту – подвергаться бойкоту, расточать похвалы – принимать похвалы и т.д.*).

Седой **остался с носом** и при этом без рук: его левая рука, Владимир Иванович Сергеев (большой был грешник, да простит его Господь), отсекла правую руку. *Б. Акунин. Алтын-Толобас.* – Я могу принять его пари и даже выиграть – и всё равно он меня **оставит с носом**; а откажусь – через пару часов упечёт в тюрьму. *С. Кинг. Карниз.*

Семантику вербально-коммуникативных процессов формируют компоненты – существительные *бойкот, допрос, похвала* и др., относящиеся к группе вербально-коммуникативных понятий, а также все компоненты фразеологизмов, привносящие потенциальные семы и формирующие фразеологическое значение за счёт метафоры на основе структуры действия;

4) «физические состояния». К этому типу относятся фразеологизмы, входящие в семантические группы «доминантные отношения» / «физическое состояние» с подгруппами:

а) «усталость, болезнь» (*валиться с ног – валить с ног, сгибать спину – клонить спину, лишить сил – лишиться сил, остаться без рук, без ног – оставить без рук, без ног, ослаблять здоровье – слабить здоровьем и т.д.*);

б) «бодрость, здоровье» (*чувствовать энергию – заражать энергией, испытывать бодрость духа – вливать бодрость духа и т.д.*).

Эта работа **лишает** меня и **сил**, и времени, и здоровья. *Г. Куликова. Повести.* – На этой работе я просто **лишаюсь сил** из-за слишком «сво-

бодного» графика. *Д. Донцова. Повести;*

в) «жизнь и смерть» (*отправить к праотцам – отправиться к праотцам, отправиться на тот свет – отправить на тот свет, подарить жизнь – принять жизнь, повергнуть в прах – повергаться в прах и т.д.*).

Похоже, прежде чем **отправиться к праотцам**, водитель и пассажир желтой машины долго отстреливались. *Д. Емец. Мефодий Буслаев. Магия депрессняка. – Я рычал как зверь и все хотел вернуться и вогнать гниду в землю, отправить его к праотцам. И. Уэли. Кошмары аиста Марабу.*

Семантику физического состояния приносят в исследуемые единицы именные компоненты со значением физических процессов: *энергия, сила, здоровье, бодрость.*

Таким образом, фразеологические каузативы представлены четырьмя основными семантическими типами: «социальные отношения», «эмоциональные состояния», «вербально-коммуникативные процессы», «физические состояния». Семантику в них формируют как глагольные, так и именные компоненты.

Список литературы

- 1 Лебединская В. А., Усачева Н. Б. Семантика процессуальных фразеологизмов. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 1999.
- 2 Недялков В. П. Каузативные конструкции в немецком языке. Аналитический каузатив. Л. : Просвещение, 1971.
- 3 Новиков Л. А. Семантика русского языка. М. : Высшая школа, 1982.
- 4 Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1992.
- 5 Соколова А. А. Процессуальные фразеологизмы субкатегории отношения в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2004.

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧНОЕ В ЯЗЫКЕ: ЭПОНИМИЧЕСКИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЫ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ЕДА»

Е.М. КАКЗАНОВА
(Москва, Россия)

Общеизвестно, что язык представляет собой один из основных источников знаний о культуре народа, а в случае интернациональной лексики –

о культуре народов. Тезис об интернациональном характере науки рассматривается многими как аксиома [3: 24].

Наличие общих слов в ряде языков вызвано определёнными историческими и культурологическими причинами – общим происхождением некоторых языков, научным и культурным общением народов, говорящих на разных языках.

Первое определение термина «интернационализм» можно найти уже в 1954 году в немецком словаре иностранных слов (*Fremdwörterbuch*), и это определение таково: «Интернационализм – это интернационально употребляемое слово, которое может быть понято без перевода».

Мирослав Яблонски называет интернационализмами лексические единицы, которые вошли в некоторые культурные языки (*Kultursprachen/Replikasprachen*) из языка-оригинала (*Modellsprache*) со своим значением и такой же или ассимилированной фонетикой, причём речь здесь не идёт о производных с заимствованной основой или о языковом родстве [10: 17]. Похожее определение даёт А. Кольва, называя интернационализмы словами, которые похожи вплоть до орфографической или фонологической узнаваемости и имеют полностью или частично совпадающую семантику, которая выражает понятия межгосударственного значения [11: 14].

Говоря об исследовании интернационализмов, нельзя не назвать в свете интересующей нас проблематики лингвиста Петера Брауна, который в 1990 году в своём труде *Internationalismen – gleiche Wortschätze in europäischen Sprachen* совершенно справедливо утверждал, что многие ономастические термины в разных языках совпадают [9: 25].

Специфика эпонимических интернационализмов состоит в том, что они не имеют родины, живого источника заимствования, подобно большинству иноязычных слов. Эти слова, составляющие в каждом языке значительный лексический слой, свидетельствуют об интернационализации определённых разрядов лексики – тенденции, которая отмечается в лингвистической литературе как специфическая черта, присущая современным взаимоотношениям языков и народов [7: 58].

Гастрономический дискурс составляет важную часть языковой картины мира. Е. Добренко употребляет термин «кулинарная картина мира». Л.Р. Ермакова считает, что более точным является термин «гастрономическая картина мира», который трактуется как концептуальная модель гастрономических пристрастий и глоттонических приоритетов, отражаю-

щаяся в специфике национальной номинации продуктов питания [4]. М. Турска отмечает, что в кулинарной лексике очень широко представлены эпонимы [12: 154], в том числе и интернациональные.

Эпонимический интернационализм – это интернационально употребляемое понятие, образованное безаффиксным способом от имени собственного (антропонима, топонима или мифонима) путём метонимического переноса или представляющее собой аффиксальное производное от имени собственного (антропонима, топонима или мифонима).

В Словаре эпонимических интернационализмов [6] мы выявили 15 эпонимических интернационализмов, относящихся к тематической группе «Еда», образованных от антропонимов (8 лексем) и топонимов (7 лексем). Следует уточнить, что в эту тематическую группу не входят названия крепких напитков, которые были рассмотрены отдельно [5].

Антропонимическая лексика является составной частью системы языка и культуры народов. По мнению Ю.Д. Апресяна [1: 18], язык в высокой степени антропоцентричен. Громадная часть его словаря посвящена человеку. Человек присутствует и в названиях эпонимических интернациональных продуктов питания.

Бефстроганов – это блюдо из мелко порубленной говядины, тушенной в сметанном соусе с морковью, луком и грибами. Именно говядина (англ. beef) подарила блюду первую часть названия. Вторая же часть является известной русской фамилией. Шеф-повар, который изобрел данный рецепт, работал у русского дипломата, графа П.А. Строганова, представителя одного из самых великих благородных семейств России. Рецепт этого блюда повар представил на кулинарном конкурсе в 1890 году в Санкт-Петербурге, и завоевал призовое место. А блюдо завоевало популярность во всем мире.

Бешамель – это густой соус из молока или сливок с яйцами и мукой, которым поливается мясо, рыба и другие блюда. Один из основных соусов французской и европейской кухни. Создание его приписывается гофмейстеру Людовика XIV Луи де Бешамелю (1630–1703), маркизу де Нуантель, сыну известного ориенталиста, этнографа и дипломата, создателя музея восточного искусства в Париже Шарля М.-Ф. де Нуанте-ля-и-Д'Арженвий.

Единственный глагол в данной категории – *пастеризовать* – имеет значение «однократно нагревать жидкости или пищевые продукты обычно до температуры 60–70° С в течение 15-30 минут». Такой метод применяется главным образом для предохранения пищевых продуктов от порчи,

которые не выдерживают нагревания до более высокой температуры. Метод предложен французским микробиологом и химиком Луи Пастером (Пастёром) (1882-1895).

Пралине – измельченный миндаль, предварительно обсахаренный и поджаренный, применяемый для приготовления кремов, начинок. Назван по имени маршала Франции и дипломата графа Сезара дю Плесси-Прален, герцога де Шуасье (1598-1675), который впервые создал сладкий десерт.

Ренклод – сорт крупной сладкой сливы с округлыми зелёными или желтыми плодами. Название происходит от французского словосочетания *reine Claude* – королева Клод (1499-1524), французской королевы, супруги Франциска I Французского, дочери Людовика XII и Анны Бретонской.

Сэндвич – это разновидность бутерброда. Английское и современное общеевропейское название бутербродов, то есть ломтиков хлеба с маслом и какой-либо мясной или рыбной накладкой. Сверху сэндвич может быть прикрыт либо куском хлеба, либо листиком салата, сельдерея, кресса, шпината и смазан какой-либо острой начинкой. Назван по имени Джона Монтегю, лорда Сэндвича (1718-1792), питавшегося изобретёнными им «сэндвичами», чтобы не уходить на обед из игорного дома (казино) и не прерывать игру.

Шарлотка – сладкий пирог из яблок, запечённых в тесте. Существует несколько версий происхождения названия блюда. Согласно одной из них, этот рецепт был предложен королевой Шарлоттой Мекленбург-Стрелицкой (1744-1818), женой короля Великобритании Георга III (1738-1820). Также существует романтическая история о безнадёжно влюблённом поваре, посвятившем придуманный им десерт даме своего сердца Шарлотте. Немецкоязычные этимологические словари указывают на то, что это блюдо можно подавать как холодным, так и тёплым. Название *Charlotte* появляется в английских кулинарных книгах в конце XVIII века, а во французских – на несколько лет позже.

Шатобриан – это стейк толщиной около 3 см, приготавливаемый из говяжьей вырезки. Назван по имени французского писателя и дипломата, одного из основателей романтизма во французской литературе Франсуа Рене, виконта де Шатобриана (1768-1848). Автор блюда – повар виконта по имени Монтмирей. Некоторые полагают, что название связано с топонимом – районом Шатобриан, где обитал крупный рогатый скот, из которого делали блюдо.

А.В. Пономаренко понимает под топонимом в широком смысле обобщённый термин для названий географических объектов [8: 6].

Семь кулинарных эпонимических интернационализмов образованы от топонимов.

Горгонзола – один из наиболее известных итальянских сыров, отличающийся характерным островатым вкусом. Происхождение сыра датируется средними веками. Название происходит от небольшого городка в пригороде Милана. В рамках Евросоюза горгонзола имеет статус защищённого места происхождения; в Италии обладает статусом DOC (Denominazione di Origine Controllata).

Камамбер – сорт мягкого жирного сыра, изготавливаемого из коровьего молока. Считается, что камамбер был открыт в 1791 году нормандской крестьянкой Мари Арель. Согласно легенде, Мари Арель во время Французской революции спасла от смерти скрывавшегося от преследования монаха, который в благодарность открыл ей известный лишь ему секрет приготовления этого сыра. Эту легенду о происхождении сыра впервые изложил перед широкой общественностью мэр небольшого французского городка Вимутье. Покопавшись в архивах, мэр обнаружил, что в конце восемнадцатого века в деревушке Камамбер жила некая Мари Арель, торговавшая на рынке необычайно вкусным и необычным на вид сыром. А в 1928 году на площади Вимутье состоялось торжественное открытие мемориала в честь девушки и знаменитого сыра.

Майонез – соус из растительного масла, яичного желтка с уксусом, горчицей, с добавлением некоторых других компонентов как приправа к холодному кушанью из рыбы, мяса и овощей. Обычно слово «майонез» связывают с торжествами во Франции в 1756 году по случаю взятия главного города острова Менорки Маона на Балеарских островах. Как указано в одном из французских энциклопедических словарей, Маон был завоёван герцогом Ришелье. Британцы осадили город. У французов иссякли запасы продовольствия, за исключением яиц и оливкового масла. Яичница и омлеты надоели французским офицерам. Герцог Ришелье приказал своему повару приготовить какое-нибудь новое блюдо. Повар взбил яйца с маслом и приправил эту смесь солью и пряностями. Понравившийся соус назвали «майонезом», в честь города Маон.

Пармезан – итальянский твёрдый сыр из снятого коровьего или козьего молока. Изготавливается в окрестностях итальянского города Пармы.

Отсюда и название.

Рокфор – сорт сыра с плесневым грибком, имеющий острый вкус и запах. Название сыра образовано от названия деревни Рокфор в Южной Франции, где когда-то начали производить этот сыр.

Табаско – красный перечный соус. Производителем всемирно известных соусов марки «Табаско» является американская компания Макаленни. Производство красного перечного соуса началось в 1868 году. Соус явился результатом многочисленных и длительных экспериментов Эдмунда Макаленни (1815-1890), владельца небольшого острова Эйвери Айленд на соляных коях в штате Луизиана. Название «Табаско» появилось позже, в 1870 году, когда Эдмунд Макаленни запатентовал свой соус. Ему нравилось само звучание этого слова – топонима индейцев Южной Мексики, штата Табаско. «Табаско» в переводе с языка индейцев означает «страна влажной земли».

Шалот – многолетнее травянистое овощное растение семейства лилейных. Название происходит от средиземноморского города Ашкелона (Аскелона) в древней Палестине.

Если воспользоваться термином Т.С. Бушуевой «топонимическая вертикаль» [2: 111], то на нижней ступени мы расположим деревни, на следующей ступени – города и на самой верхней ступени – штаты, от названий которых образованы гастрономические названия эпонимических интернационализмов.

Проведённое исследование позволило нам сделать вывод, что в категории «Еда» можно выделить эпонимические интернационализмы, относящиеся к таким подкатегориям, как «соусы» (*бешамель, майонез, табаско*), «сыры» (*горгонзола, камамбер, пармезан, рокфор*), «мясные блюда» (*бефстроганов, шатобриан*), «десерты» (*пранлине, шарлотка*), «фрукты» (*ренклюд*), «овощи» (*шалот*) и «закуски» (*сэндвич*).

Список литературы

- 1 Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Избранные труды : в 2 т. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1993. 390 с.
- 2 Бушуева Т. С. Топонимическое пространство американского сленга // Язык, культура, речевое общение: сборник материалов. К 85-летию профессора Марка Яковлевича Блоха. 19-20 ноября 2009 года: в 2 частях. М. : Прометей, 2009. Часть I. С. 110-114.
- 3 Валуйцева И. И, Хухуни Г. Т. Глобализация науки и национальные научные

традиции: антагонизм или взаимодополнение? // Язык. Культура. Речевое общение. № 1. М. : Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой, 2012. С. 24-27.

4 Ермакова Л. Р. Глуттоническая номинация в этнокультурном аспекте. URL: http://www.rusnauka.com/28_PRNT_2011/Philologia/9_94631.doc.htm (дата обращения: 12.02.2014).

5 Какзанова Е. М. Названия крепких напитков: история слов // Слово и текст в культурном сознании: сборник научных трудов. Вологда, 2012. Часть 10. С. 24-28.

6 Какзанова Е. М. Русско-англо-немецкий словарь эпонимических интернационализмов: название и происхождение. От августа до янки. М. : Издательство ИИЯ, 2013.

7 Крысин Л. П. Русское слово, своё и чужое. М. : Языки славянской культуры, 2004.

8 Пономаренко А. В. Дискурсивные характеристики топонимов в публицистическом тексте (на материале американской прессы) : автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.

9 Braun P. Internationalismen – gleiche Wortschätze in europäischen Sprachen. Tübingen : Max Niemeyer, 1990.

10 Jabłoński M. Regularität und Variabilität in der Rezeption englischer Internationalismen im modernen Deutsch, Französisch und Polnisch. Aufgezeigt in den Bereichen Sport, Musik und Mode // Linguistische Arbeiten 240. Tübingen: Max Niemeyer Verlag GmbH, 1990. 223 S.

11 Kolwa A. Zur Geschichte der Internationalismen-Forschung // Internationalismen II. Studien zur interlingualen Lexikologie und Lexikographie. Reihe Germanistische Linguistik 246. Tübingen : Max Niemeyer Verlag GmbH, 2003. S. 13-21.

12 Turska M. Internationalismen in der Fachsprache der Gastronomie und Kochkunst im fünfsprachigen Vergleich / Danziger Beiträge zur Germanistik. Band 28. Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH, 2009. 239 S.

ВЛИЯНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ОКРУЖЕНИЯ ГЛАГОЛА LIGHT НА РАЗВИТИЕ ЕГО МНОГОЗНАЧНОСТИ В ДИАХРОНИИ

С.В. КИСЕЛЁВА, Е.И. ВЕРНОСЛОВА
(Санкт-Петербург, Россия)

Словесные знаки легко развивают многозначность. Чем чаще слово употребляется в речи, тем более оснований ожидать у него развёрнутую полисемию. Полисемия – конститутивное свойство естественных языков, естественные языки не могут не развивать многозначность своих единиц. Так как это позволяет им за счёт ограниченного числа единиц экономно

выражать гораздо большее число значений [3: 176].

Диахронический подход к явлению полисемии позволяет проследить накопление лексико-семантических вариантов «сквозь время» от исходного значения ко вторичным, производным от исходного. Изучение динамики развития значений слова и значений его лексического окружения позволяет обнаружить и проанализировать механизмы взаимовлияния единиц языка на данном языковом уровне. Проследить же это возможно, опираясь на письменные источники, содержащие примеры употребления слов в определённом лексическом окружении, а также на данные исторических словарей.

В настоящей работе исследован глагол *light* и его лексическое окружение в письменных источниках английской литературы на протяжении всей истории английского языка. Исследование ведётся на базе собранного материала, а именно:

- 1) значений глагола *light* с указанием года появления каждого значения в литературных источниках;
- 2) цитат с глаголом *light* из литературных источников;
- 3) слов, встречавшихся в найденных цитатах в лексическом окружении глагола *light*, с переводом этих слов на современный английский язык;
- 4) лексических значений найденных слов из окружения глагола *light* в литературных источниках с указанием дат появления этих значений.

Собранный материал позволяет выявить связь между глаголом *light* и его лексическим окружением в литературных источниках и установить, как взаимодействие данных лексических единиц (далее ЛЕ) сказывалось на их значении в диахронии.

Глагол *light* известен в английском языке с древнеанглийского периода. Этот глагол всегда был многозначным. По данным словаря Оксфорда [5: 275], у глагола *light* зафиксированы следующие значения:

- 1) *to give or shed light, to shine, to be alight or burning, also to lighten* (с 1000 года);
- 2) *of day: to grow light* (с 1000 по 1596);
- 3) *to set burning (a candle), to kindle (a fire) to apply a light to, to ignite* (начиная с 1154 г.);
- 4) *transf. and fig.* (с 1679 г.);
- 5) *to light up – to light one's pipe, cigar colloq* (1861);
- 6) *to take fire, be lighted, transf to 'kindle', become suffused with light* (с 1400 г.);

7) to give light to (a room), to make light or luminous, to illuminate, esp. to furnish with the ordinary means of illumination (rarely with up) (с 1200 г.);

8) to light up – to furnish or fill with abundance of light, to illuminate in a special manner, to bring into prominence by means of light (с 1711 г.);

9) to cause (the eyes) as it were to gleam with animation or lively expression, also to brighten up (с 1766 г.);

10) to give light to (a person) so as to enable him to see what he is doing, hence to show the way to, lit, fig (с 1200 г.);

11) to enlighten or illumine spiritually or intellectually (с 1175 г.);

12) to dispose the light in a picture (в 1889 году).

В 1000 году н.э. в литературе были зафиксированы два значения глагола light (см. список выше) в следующих цитатах:

Цитата 1

“Fæt leoht lyht on ðystrum” [5: 275].

Значение глагола light в данной цитате: «to give or shed light, to shine, to be alight or burning, also to lighten».

Цитата 2

«Fulminat, hit liht» [5: 275].

Значение глагола light в рассматриваемой цитате: «to give or shed light, to shine, to be alight or burning, also to lighten».

Цитата 3

«Fa dæ lyhte» [5: 275].

В данной цитате глагол light обладает значением “of day: to grow light”.

В древнеанглийском языке основным грамматическим средством передачи синтаксических отношений между словами была флексия. А порядок слов в предложении в тот период был относительно свободным и определялся не столько грамматическими факторами, сколько содержанием высказывания [1: 291]. Опираясь на значения слов в трёх приведённых выше цитатах, можно выделить ЛЕ из лексического окружения глагола light. Этими единицами являются существительные day, darkness. По данным словаря Оксфорда [4: 49], у слова day к 1000 году н.э. были актуальны следующие значения:

1) the time of sunlight (значение появилось в 1000 г.);

2) the notion of time (значение появилось в 1000 г.);

3) the time occupied by the earth in one revolution (это значение появи-

лось в 950 г.);

4) the same space of time, especially the civil day, treated as a point or unit of time (данное значение появилось в 1000 г.);

5) Last day (значение появилось в 972 г.).

У слова *darkness*, по данным того же словаря Оксфорда, в 1000 году н.э. нет письменно зафиксированных значений, первое письменно зафиксированное значение появилось в 1050 г., а именно – значение «absence or want of light» [2: 36].

На основании выше приведённой информации составим таблицу 1, в которой отметим значения глагола *light*, появившиеся в 1000 г., цитаты, подтверждающие письменную фиксацию значений глагола *light*, слова, связанные в этих цитатах с глаголом *light*, а также значения этих слов, письменно зафиксированные к 1000 г. н.э.:

Таблица 1 – Значения глагола light и его семантическое окружение в цитатах от 1000 г. н.э.

Год	1000
Значения глагола <i>light</i> , появившиеся в 1000 г.	Значение «to give or shed light, to shine, to be alight or burning, also to lighten» Значение «of day: to grow light»
Слова из окружения глагола <i>light</i> в рассматриваемых цитатах и значения этих слов, существовавшие в 1000 г.	Значения слова <i>day</i> , зафиксированные к 1000 г.: 1) the time of sunlight (значение фиксировано с 1000 г.); 2) the notion of time (фиксировано с 1000 г.); 3) the time occupied by the earth in one revolution (фиксировано с 950 г.); 4) the same space of time, especially the civil day, treated as a point or unit of time (фиксировано с 1000 г.); 5) last day (фиксировано с 972 г.)

Следующее появление глагола *light* в литературе датируется 1154 годом н.э. Составим для этого года таблицу 2, аналогичную таблице, полученной для 1000 года н.э. с дополнениями. Эти дополнения вызваны тем, что у ЛЕ, связанных с глаголом *light* в цитатах от 1000 г. н.э., к 1154 году появились новые значения. Отразим этот факт в таблице для 1154 года.

Таблица 2 – Значения глагола *light* и его семантическое окружение в цитатах от 1154 г. н.э. Новые значения слов, окружавших глагол *light* в цитатах от 1000 г. н.э., появившиеся к 1154 году

Год	1154
Значения глагола <i>light</i> , появившиеся в 1154 году	Значение «to set burning (a candle), to kindle (a fire) to apply a light to, to ignite» [1: 275]
Слова из окружения глагола <i>light</i> в рассматриваемых цитатах и значения этих слов, существовавшие в 1154 году	Семантически значимым является слово <i>candle</i> . Данное слово обладало к 1154 году следующими значениями: 1) a source of artificial light (фиксировано с 700 года); 2) a source of light applied poetically to the natural luminaries (фиксировано с 937 года н.э.)
Новые значения слов из семантического окружения глагола <i>Light</i> в цитатах предыдущих лет (1000 года), появившиеся к 1154 году	Слово <i>darkness</i> вошло в семантическое окружение глагола <i>light</i> в 1000 году н.э. К 1154 году это слово получило новое значение “Absence or want of light”(фиксировано с 1050 года н.э.)

Таблицы, аналогичные таблицам № 1 и 2, можно составить для других случаев упоминания глагола *light* в литературных источниках. Обработка полученных результатов позволяет составить список № 1, в котором будут указаны все ЛЕ, когда-либо встречавшиеся в окружении глагола *light*, а для каждой такой ЛЕ будет указан год её фиксации в окружении глагола *light*, например, *day* (слово вошло в лексическое окружение глагола *light* в 1000 году н.э.), сокращенно как *day* (1000).

Список № 1:

Candle (1154), *mankind* (1200), *fire* (1225), *God* (1250), *world* (1250), *thing* (1375), *clear* (1374), *moon* (1385), *soul* (1386), *lamp* (1400), *torch* (1400), *grace* (1552), *heart* (1552), *salve* (1552), *way* (1565), *match* (1604), *home* (1609), *eternity* (1646), *star* (1664), *robber* (1664), *blaze* (1665), *abundance* (1711), *gunpowder* (1717), *feature* (1766), *joy* (1766), *countenance* (1787), *ray* (1787), *genius* (1787), *eye* (1800), *darkness* (1802), *wisdom* (1819), *smile* (1826), *sky* (1845), *style* (1854), *illustration* (1854), *window* (1855), *face* (1855), *faith* (1858), *channel* (1850), *hut* (1870), *apartment* (1875), *fun* (1888).

Все ЛЕ из окружения глагола *light* являются многозначными. Новые значения появляются на протяжении всего периода развития английского языка. Эти значения можно расположить в хронологическом порядке. Приведём пример такого хронологического расположения для 825 года н.э. В этом году у слов *god, soul, heart, way* и *star*, вошедших в семантическое окружение глагола *light* в более поздний период, были зафиксированы несколько значений. Укажем для каждого слова его значение через знак «:», например, *God: a superhuman person*. Все значения слов *god, soul, heart, way* и *star*, письменно зафиксированных до 825 года н.э. включительно, перечислим в таблице 3:

Таблица 3 – Значения ЛЕ из окружения глагола light, зафиксированные в 825 году н.э.

825	God: deity
	God: In the Christian sense – the one object of adoration
	Soul: The principle of life in man or animal
	Soul: the seat of emotions, feelings
	Soul: the spiritual part of man regarded as surviving after death
	Soul: the spiritual part of man considered in its moral aspect or in relation to God
	God: A superhuman person
	Heart: considered as the centre of vital function
	Heart: mind in the widest sense
	Heart: intent, will, purpose, desire
	Heart: the seat of courage
	Way: in figurative context, with reference to a metaphorical walking or travelling
	Way: habits of life
	Way: the ways of God (the course of God's providence)
	Star: any one of the celestial bodies appearing as luminous points in the sky

Аналогичная таблица составлена в диахронии и охватывает период с 825 по настоящее время. Ввиду значительного размера составленной таблицы, она не может быть приведена в настоящей работе.

Среди полученных значений ЛЕ можно выделить те, которые могли повлиять на значения самого глагола *light* в результате метонимии, синекдохи и других механизмов образования новых значений слов. Приведём ниже в хронологическом порядке значения слов из окружения глагола *light*, способные повлиять на образование значений самого глагола. В скобках укажем дату появления соответствующего слова в семантическом окружении глагола *light*. Также для удобства анализа в таблице 4 можно разместить уже полученные данные о годах появления новых значений глагола *light*.

Таблица 4 – Значения слов из лексического окружения глагола light, способных повлиять на развитие полисемии глагола light

Год появления значения слова из окружения глагола <i>light</i>	Слово из семантического окружения (год появления слова в семантическом окружении глагола): значение этого слова, появившееся в рассматриваемом году
700	Candle (1154): a source of artificial light
	Eye (1800): the organ of sight in man and vertebrate animals
825	Star (1664): any one of the celestial bodies appearing as luminous points in the sky
888	Wisdom (1819): as one of the manifestation of the divine nature in Jesus Christ
900	World (1250): in this life, on earth
937	Candle (1154): a source of light Applied poetically to the natural luminaries
950	Wisdom (1819): knowledge: enlightenment, learning
975	Eye (1800): with reference to the direction of the eye
1000	Day (1000): the time of sunlight
	God (1250): an image which is worshipped, an idol
	Blaze (1665): a bright glowing flame or fire
	Blaze (1665): a torch, firebrand

В 1000 году н.э. появились следующие значения глагола light: “to give or shed light, to shine, to be alight or burning, balso to lighten;”, “of day: to grow light”	
1050	Darkness (1802): Absence or want of light
1154	Fire (1225): Lightning, a flash of lightning
В 1154 году н.э. появилось значение глагола light “to set burning (a candle), to kindle (a fire) to apply a light to, to ignite”	
В 1175 году н.э. появилось значение глагола light “to enlighten or illumine spiritually or intellectually”	
1200	Eye (1800): the action or function of the eyes, the sense of seeing
В 1200 г. появились значения глагола light “to give light to (a room), to make light or luminous, to illuminate, esp. to furnish with the ordinary means of illumination (rarely with up)” и “to give light to (a person) so as to enable him to see what he is doing, hence to show the way to, lit, fig”	
1205	Lamp (1400): a vessel containing oil which is burnt at a wick for the purpose of illumination
1290	Torch (1400): a light to be carried the handconsisting of a stick of resinous wood or twisted hrmp or similar material soaked withresin or other inflammable substance
1297	Clear (1374): of light, colour, things illuminated
1300	Fire (1225): the means of lighting a fire or setting something alight
	Clear (1374): bright or shining
	Joy (1766): joyful adoring praise and thanksgiving
	Ray (1787): a single line or narrow beam of light
1310	Window (1855): a window space or opening
1325	Star (1664): in extended sense, any one of the heavenly bodies, including the sun and the moon
1340	Darkness (1802): the want of spiritual or intellectual light
	Day (1000): daylight, the light of a day
	Fire (1225): a burning passion or feeling of love or rage
	Clear (1374): bright, splendid, brilliant
	Window (1855): applied to the senses or organs of sense, esp the eyes, regarded as inlets or outlets to or from the mind or soul

1360	Clear (1374): allowing light to pass through, transparent
1374	Darkness (1802): the quality of being dark in shade of colour
	Darkness (1802): want of sight (blindness)
1375	Grace (1552): said with reference to God
	Illustration (1854): lighting up, enlightenment spiritual or intellectual
1377	Match (1604): the wick of a candle or lamp
1380	Clear (1374): manifest to the mind, evident
	Way (1565): guidance, direction
	Faith (1858): what is believed
1382	Darkness (1802): a condition or environment which conceals from sight or knowledge
	Clear(1374): full of sunshine
1388	Darkness (1802): absence of the light of life, death
1390	Genius (1787): the tutelary god or spirit allotted to every person at his birth
1423	Lamp (1400): one of the heavenly bodies, the sun, the moon
1439	Salve (1552): a candle lighted during the singing of the salve
1500	Lamp (1400): a source or centre of light, spiritual or intellectual
	Heart (1552): man of courage or spirit
1523	Grace (1552): a mark of divine favour, a mercy
1531	Ray (1787): a beam or glance of the eye
1532	Candle (1154): that which illuminates the mind
1535	Candle (1154): the light of life
1553	Darkness (1802): obscurity of meaning
1553	Face (1855): to a person's face=openly in his sight or hearing
1564	Blaze (1665): brilliant light
1576	Clear (1374): of the eyes – seeing distinctly, having kept perception
1579	Lamp (1400): said of a literary composition to smell of the lamp – to be the manifest product of laborious study

	Blaze (1665): glory, splendour, brilliant display
1581	Illustration (1854): the action or fact of making clear or evident to the mind
1587	Face (1855): visible state or condition
1590	Lamp (1400): the eyes
	Grace (1552): to do grace – to set in a good light
	Blaze (1665): a flash of lightning, a moment
1591	Fire (1225): luminosity or glowing appearance resembling that of fire
1592	Ray (1787): light, radiance
1599	Eye (1800): fig applied to a city, country: the seat of intelligence or light
1604	Soul (1386): intellectual or spiritual power
1605	Genius (1787): this spirit viewed as propitiated by festivities
1611	Clear (1374): now expressing the purity or uncloudedness of light
1616	Illustration (1854): the action of making or fact of being made illustrious, brilliant
1621	Torch (1400): fig something figured as a source of illumination, enlightenment or guidance
1634	Ray (1787): fig of mental and moral influences comparable to light
1664	Clear (1374): of a case or law – of which the solution is evident
	Ray (1787): used in reference to the emission or transmission of non-luminous physical energies propagated in radiating straight lines after the manner of light
1667	Day (1000): a light like that of day
1674	Fire (1225): fire of joy
1700	Ray (1787): a line of sight
В 1711 г. появилось значение глагола light “to light up – to furnish or fill with abundance of light, to illuminate in a special manner, to bring into prominence by means of light”	

1712	Fire (1225): the same serving as a beacon
1747	Sky (1845): the representation of the sky in painting
1748	Blaze (1665): clear or full light, as of noon
В 1787 году появилось значение глагола light “to cause (the eyes) as it were to gleam with animation or lively expression, also to brighten up”	
1794	Gas: gas of a kind suitable to be burnt for illuminating or heating purposes
В 1820 появилось значение глагола light “to take fire, be lighted, transf to 'kindle', become suffused with light”	
1850	Star (1664): gen one who shines in society
1863	Star (1664): a kind of match for lightning cigars
1864	Eye (1800): a central mass, the brightest spot or centre of light
1869	Candle (1154): A standard candle used as a unit of illuminating power
1872	Gas: A jet of gas used to light a room
В 1889 году появилось значение глагола light “to dispose the light in a picture”	

Анализ данных таблицы 4 показывает, что существовало много значений ЛЕ из окружения глагола light, способных оказать влияние на развитие его полисемии.

Составим таблицу 5, в которой покажем значения глагола light и значения слов из семантического окружения, которые могли повлиять на появление этих значений. Для удобства и наглядности используется следующая форма записи:

Слово из окружения (год появления слова в окружении) – значение слова из окружения (год появления этого значения слова).

Например:

Candle (1154) – a source of artificial light (700 г).

Анализ данных таблицы 5 позволяет сделать вывод о том, что значения слов из окружения глагола light, а именно, значения слов candle, blaze, lamp, fire, torch, God могли повлиять на появление у глагола light следующих значений: «to light up – to furnish or fill with abundance of light, to illuminate in a special manner, to bring into prominence by means of light», «to give light to (a person) so as to enable him to see what he is doing, hence to

show the way to, lit, fig», «to give light to (a room), to make light or luminous, to illuminate, esp. to furnish with the ordinary means of illumination (rarely with up)», «to give or shed light, to shine, to be alight or burning, also to lighten», «of day: to grow light», «to set burning (a candle), to kindle (a fire) to apply a light to, to ignite», «to enlighten or illumine spiritually or intellectually».

Таблица 5 – Сопоставление значений глагола light и значений слов из семантического окружения, связанных со значениями глагола light

Год	Значение глагола light, появившееся в рассматриваемом году	Значения слов из семантического окружения, которые могли повлиять на появление значения глагола light
1000	to give or shed light, to shine, to be alight or burning, also to lighten	Candle (1154) – a source of artificial light (700 г) Candle (1154) – a source of light applied poetically to the natural luminaries (937)
1000	of day: to grow light	Day (1000) – the time of sunlight (1000)
1154	to set burning (a candle), to kindle (a fire) to apply a light to, to ignite	Fire (1225) – lightning, a flash of lightning (1154)
1175	to enlighten or illumine spiritually or intellectually	God (1250) – an image which is worshipped, an idol (1000)
1200	to give light to (a room), to make light or luminous, to illuminate, esp. to furnish with the ordinary means of illumination (rarely with up)	Candle (1154) – a source of artificial light (700) Candle (1154) – a source of light applied poetically to the natural luminaries (937)
1200	to give light to (a person) so as to enable him to see what he is doing, hence to show the way to, lit, fig	Candle (1154) – a source of artificial light (700) Candle (1154) – a source of light applied poetically to the natural luminaries (937)
1711	to light up – to furnish or fill with abundance of light, to illuminate in a special manner, to bring into prominence by means of light	Candle(1154) – a source of artificial light (700) Blaze (1665) – a bright glowing flame or fire (1000) Lamp (1400) – a vessel containing oil

		which is burnt at a wick for the purpose of illumination (1205) Fire (1225) – the means of lighting a fire or setting something alight (1300) Blaze (1665) – a flash of lightning, a moment (1590 г) Torch (1400) – fig something figured as a source of illumination, enlightenment or guidance (1621 г)
--	--	--

Таким образом, в настоящей работе исследован глагол light и его лексическое окружение в письменных источниках английской литературы на протяжении всей истории английского языка. Собранный материал позволил выявить связь между глаголом light и его лексическим окружением в литературных источниках и установить, как взаимодействие данных ЛЕ сказывалось на их значении в диахронии.

Было установлено, что семантика ряда слов из окружения глагола light, а именно, значения слов candle, blaze, lamp, fire, torch, God могли вызвать появление у глагола light новых деривационных значений, то есть способствовать развитию полисемии глагола light.

Список литературы

- 1 Иванова И. П., Чахоян Л. П., Беляева Т. М. История английского языка. СПб. : Авалон; Азбука-классика, 2006.
- 2 Лапшина М. Н. Семантическая эволюция английского слова (изучение лексики в когнитивном аспекте). СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1998.
- 3 Никитин М. В. Курс лингвистической семантики : учебное пособие. СПб. : Изд-во Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена, 2007.
- 4 New English Dictionary on Historical Principles. Vol. III. URL: <http://archive.org/details/oed3aarch> (дата обращения: 13.01.2014).
- 5 New English Dictionary on Historical Principles. Vol. VI. URL: <http://archive.org/details/oed3aarch> (дата обращения: 13.01.2014).

МНОГОЗНАЧНЫЙ ТЕРМИН В СВЕТЕ ПРОТОТИПИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

*С.В. КИСЕЛЁВА, Т.С. РОСЯНОВА
(Санкт-Петербург, Россия)*

Описание семантики многозначных слов как системы значений по-прежнему является одной из насущных задач современной лингвистики. В связи с этим, развиваются положения о том, чем мотивировано объединение нескольких значений в одном слове. В современных работах, посвящённых изучению многозначности, акцент смещается на выявление связей между ними. По мнению Л.И. Горбуновой, внутренние семантические связи, обеспечивающие целостность многозначного слова, «проявляются в том, что компоненты одного значения используются для производства другого значения» [2: 34]. При этом отдельные значения многозначного слова должны содержать нетривиальные общие части.

Е.Л. Боярская подчёркивает, что многозначность, ранее считавшаяся неподдающейся объяснению, таковой не является, если рассматривать её с точки зрения когнитивной теории категоризации. «Она представляет собой естественное следствие гибкости концептуальной организации и особенностей её структуры» [1: 20].

При описании семантики многозначных слов, которые употребляются в метафорически мотивированных значениях, сложность заключается в том, что лингвисты опираются не только на анализ семантических компонентов, входящих в исходное лексическое значение, но и на экстралингвистическую информацию о ситуации, называемой словом в исходном значении [1: 35]. Далее в рамках инвариантного подхода требуется выявить компоненты значения, которые затем были бы представлены во всех реализациях единицы. Однако, очевидно, что всё многообразие контекстных употреблений многозначного слова свести воедино практически невозможно. Кроме того, инвариантный подход малопригоден для прогнозирования перспективных потенциальных значений, и, таким образом, со временем возникает вопрос о создании новой формулировки инварианта.

Неудовлетворённость существующими подходами к рассмотрению многозначности вызвала к жизни попытки применения прототипического абстрактного значения как особой разновидности инварианта. Прототипи-

ческое значение многозначного слова как лингвистическая абстракция признается в настоящее время перспективным методом когнитивного моделирования значения.

Термин «прототип» был впервые использован в 70-х гг. в работах американского психолога Э. Рош, при исследовании внутренней структуры так называемых «естественных категорий», состоящих из центра и периферии. При этом прототип представляет собой эталонный экземпляр данной категории, воплощающий характерные и идеальные признаки, и именно по прототипу осознается и сама категория. Теория «естественной категоризации» подвергает критике традиционную «аристотелевскую логику» и, в частности, принцип необходимых и достаточных условий для членства в категории. Сторонники теории «естественной категоризации» считают эту логику искусственной моделью мышления, которая не имеет ничего общего с тем, как люди на самом деле мыслят. При «естественной категоризации» категории образуются с помощью «семейного сходства». При этом не существует ни одного свойства, разделяемого всеми членами категории.

Рассматривая описание значения слова в рамках прототипического подхода, выделяются следующие этапы (по М.А. Кронгаузу):

1) слово сопоставляется с его прототипом, описание которого представляет собой пучок семантических признаков;

2) помимо прототипа выделяется периферия, представляющая различные отклонения от центрального понятия и объясняющая различные употребления данного слова [4: 116]. Прототип представляет собой объединение всех возможных признаков, а в каждом конкретном употреблении может реализовываться только часть из них.

В работах Г.И. Кустовой также развивается мысль о том, что многозначность имеет когнитивную природу и является средством концептуализации нового опыта [5: 11]. Возникновение новых значений является следствием языкового расширения, когда назревает необходимость применить имеющееся слово к новым ситуациям. Общность когнитивного образа ситуации (прототипической ситуации) создаёт фундамент для связи между значениями всей семантической структуры. Исследователь постулирует, что связь между значениями является «презумпцией» и они связаны в силу того обстоятельства, что «происходят из одного источника и восходят к одному источнику». «Значения содержат то, что было в этом

источнике, причём разные значения могут “черпать” из этого источника разное. Исходное значение – это одна из возможных концептуализаций ситуации» [5: 31]. Важным представляется положение, что значения связаны между собой именно через прототипическую ситуацию и соотнесены с одним и тем же источником. «Именно поэтому они могут иметь общие компоненты. Но именно поэтому они могут и не иметь общих компонентов» [5: 40]. Согласно мнению Л.И. Горбуновой, компоненты прототипической ситуации выявляются на основании анализа функционирования единицы и специфики её использования в высказывании [2: 61]. Прототипическая ситуация представляет собой целостный образ и определяет семантический потенциал слова. Кроме того, в зависимости от компонентов, которые входят в прототипическую ситуацию, многозначная единица развивает те или иные новые значения.

Гипотеза существования содержательного ядра многозначного слова (лексического прототипа) помогает в анализе проблем многозначности различных лексических единиц, в том числе терминов. Лексический прототип (вслед за И.К. Архиповым, С.В. Киселёвой и С.А. Песиной) понимается как абстрактная лингвистическая сущность, пучок коммуникативно-значимых узуальных, категориальных и дифференциальных признаков, минимально необходимых для идентификации предмета или понятия. Все содержательное ядро, лексический прототип, состоит из номинативно-непроизводного значения и его расширений, так как все переносные значения, например метафоры, возникают как «третий смысл» на базе номинативно-непроизводного значения.

Когнитивное терминоведение предпринимает попытки рассмотреть многозначность терминов, используя достижения когнитивной семантики. В работах последних лет (М.В. Зимовая, С.Н. Чистюхина, А.С. Одинцова, М.Г. Зеленцова, Л.А. Чернышева) исследуются различные отраслевые терминологии. Анализ терминографических источников и литературы показывает, что наиболее распространены термины, имеющие два терминологических значения. Таким образом, наиболее распространённым является вариант простейшей двучленной полисемии.

С нашей точки зрения, с помощью формирования содержательного ядра можно показать связь всех значений как многозначного слова, так и многозначного термина. Под содержательным ядром в данном случае понимается семантическая абстрактная общность значений, которая связы-

вает все лексико-семантические варианты многозначного термина и обеспечивает его семантическое единство, не давая распасться на омонимы.

В качестве основы когнитивного анализа многозначных терминов мы используем разработки С.В. Киселёвой, исследовавшей английские многозначные глаголы [3]. Предлагаем вниманию читателей краткую схему анализа.

Во-первых, следует определить усредненное номинативно-непроизводное значение (ННЗ) на основе первых словарных значений термина, исходя из данных авторитетных терминографических словарей. При этом используется принцип частотности, который заключается в том, что ННЗ является самым частотным по данным словарных дефиниций. Проводится также уточнение этимологии термина.

Во-вторых, выявляется когнитивный образ многозначного термина, поскольку, с точки зрения когнитивной семантики, семантическая деривация значений обусловлена способами познания мира индивидуумами. Когнитивный образ позволяет непротиворечиво интерпретировать производные значения.

В-третьих, в терминах ННЗ анализируется семантическая структура многозначного термина. В конкретных контекстах на основании первичного (номинативно-непроизводного) значения выводится вероятностное значение «как если бы ННЗ» (*as if, so as, like*), представляющее собой скрытое метафорическое сравнение или уподобление [3: 173]. Узуальное значение многозначного термина специалисты связывают с профессиональным контекстом и выводят новый смысл термина, присущий усовершенствованному или новому знанию. Выведенные на основании конструкций *as if, so as* или слова *like* абстрактные формулировки возводят семантику термина к главному значению. В некоторых случаях может происходить перекаатегоризация, если какие-либо семы элиминируются.

В-четвёртых, формулируется содержательное ядро или системное значение термина. По аналогии с содержательным ядром слова, содержательное ядро многозначного термина является обобщением всех производных значений и носит абстрактный характер. Для того чтобы выявить подобное системное значение, необходимо рассмотреть на основе первичного значения (ННЗ) все ЛСВ данного термина.

В заключении, когда сформулировано содержательное ядро многозначного термина, все производные словарные значения можно вывести,

исходя из сформулированного системного значения.

Список литературы

- 1 Боярская Е. Л. Некоторые аспекты когнитивной теории многозначности // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 2. С. 19-27.
- 2 Горбунова Л. И. Когнитивный образ ситуации как основа семантической структуры языковой единицы (на материале единиц атрибутивно-локативной языковой модели). Иркутск : Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2010. 361 с.
- 3 Киселёва С. В. Сущность многозначного слова в английском языке. СПб. : Астерион, 2009. 215 с.
- 4 Кронгауз М. А. Семантика. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академия, 2005. 352 с.
- 5 Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М. : Языки славянской культуры, 2004.

СИНЕСТЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ОПИСАНИИ АРОМАТОВ

С.С. КОВАЛЕНКО

(Санкт-Петербург, Россия)

Восприятие окружающего мира – сложный процесс, требующий совместной работы всех органов чувств. Поэтому неудивительно, что складывающийся в нашем сознании образ действительности содержит в себе как характеристики, относящиеся к визуальному образу предметов и живых существ, так и связанные с ними звуки, запахи и т.д. Эти качества переплетаются и интегрируются с новыми, изначально не характерными для них, понятиями. Таким образом, синтезирующая деятельность головного мозга делает возможным явление синестезии.

Многолетнее изучение этого феномена сначала психологами, а затем и лингвистами, привело к пониманию неразрывности связи психофизиологических особенностей человека с лингвистическими средствами выразительности. «Телесность» языка универсальна и отмечается многими исследователями в данной области.

Термин «синестезия» понимается как «использование слов, связанных с каким-нибудь органом чувств, для обозначения понятий, относящихся к сфере другого чувства» [1: 191]. Синестетические словосочетания позволяют нам создавать более полное и целостное описание многомерно-

го денотата. Связующую роль в данном случае играет эмоционально-оценочный уровень, сближающий семантические пространства, обозначающие различные органы чувств. Подобное понимание важности оценки наиболее ярко отражено в определении Г.Н. Филипповой, которая рассматривает синестезию как явление, состоящее в соединении воедино обозначений разнородных ощущений для нюансированной характеристики широкого круга объектов, признаков или явлений и выражения субъектом речи эмоционально-оценочного отношения к ним [4].

Большинство исследователей трактуют синестезию как разновидность метафоры, выступающую выразительным средством и стилистическим приёмом, позволяющим получить целостное представление об изображаемом предмете или явлении. В лингвистике существует несколько классификаций синестетических метафор. Например, с точки зрения лексико-грамматического разделения выделяются именная, глагольная, адъективная разновидности. По количеству единиц-носителей перцептивного образа по аналогии с метафорой в целом синестезия делится на простую, в которой план выражения представлен одним словом, и развёрнутую, представляющую собой группу тематически связанных единиц.

Также существует классификация, распределяющая существующие разновидности синестезии по пяти основным модусам согласно имеющимся у индивида органам чувств: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание. Некоторые исследователи выделяют вместо осязания тактильность, температуру и гравитацию [5].

Перечисленные основные модусы могут быть, в свою очередь, разделены на семантические субмодусы, например, группа прилагательных зрительного восприятия может быть разделена на семантические субмодусы цвета, света, формы и размера, тогда как английские прилагательные слухового восприятия могут разделяться по следующим признакам: наличие/отсутствие звука, громкость или сила звука, а также специфика звучания. Группа лексем вкуса может быть систематизирована согласно наличию специфического вкуса, отсутствию вкусового признака, наличию приятного или неприятного вкуса. Осязательные характеристики могут быть тактильными, температурными, вибрационными, двигательными, гравитационными, пространственно-объёмными и даже болевыми.

В данной статье будет рассмотрена адъективная синестезия, описывающая ароматы, или, иначе говоря, ольфакторная метафора, выраженная

сочетанием «прилагательное + существительное». Выбор именно такого типа синестезии обуславливается высокой частотностью примеров изучаемой конструкции. В качестве источника материала был взят сайт *fragrantica.com*, представляющий собой парфюмерную энциклопедию, каждая страничка которой посвящена отдельному аромату. Участники сайта делятся своими впечатлениями от знакомства с духами, однако, лексико-семантическая группа, передающая особенности ароматов, невелика, поэтому они вынуждены использовать синестетический перенос, обладающий эмоционально-оценочной окраской, для более полной передачи своих субъективных ощущений. Также причиной большого количества синестетических конструкций в изучаемой области является тот факт, что запах – это абстрактное понятие, «которое мы не способны точно осмыслить, сформулировать, но в наших силах приблизиться к его пониманию, используя менее абстрактные номинации, например, кинестетические» [2: 6].

Поскольку исследователи выделяют отдающие и притягивающие разновидности сенсорного восприятия, следует отметить, что в данном описании существующих ольфакторных метафор обоняние является принимающей стороной, тогда как зрение, слух, вкус и осязание – отдающими [3].

Прилагательные, принадлежащие к лексико-семантическому полю зрительного восприятия, в значительной степени характеризуют цвет (*yellowish, green, golden*) и степень освещённости (*bright, faint, sparkling*), тогда как форма (*round*) и размер/глубина аромата (*deep*) описываются намного реже, что, по всей вероятности, связано с большей эмоционально-оценочной составляющей прилагательных данных субмодусов.

Особенностью цветового восприятия ароматов является тот факт, что парфюмерная жидкость обычно обладает определённым цветом и зачастую этот цвет совпадает с существующими типами ароматов. Так, например, голубой цвет часто характерен для акватических (водных) парфюмов, а зелёный – для ароматов, содержащих ноту зелени, травы. Таким образом, синестетический перенос цветового восприятия на аромат представляет собой уже привычное явление, что подтверждается использованием значительного количества адъективных синестетических словосочетаний, в том числе и развёрнутых, например, *lime-green with a tint of brown in it, grey violet mixed with mossy-green*, хотя в целом использование словосочетаний, содержащих более двух слов, нехарактерно для изучаемого явления.

Отдельно можно выделить группу синестезийных прилагательных,

относящихся к субъективному восприятию внешнего вида человека или предмета и переносящих описываемое состояние на аромат – clean, dirty, grungy, pretty.

Примеры синестезии, относящейся к слуховому восприятию, малочисленны и в основном принадлежат субмодусу громкости или силы звука (loud, muted), что отмечается и другими исследователями и, по всей вероятности, связано с важностью фактора силы восприятия аромата самим пользователем и окружающими его людьми. Однако связь с модальностью слуха проявляется в наличии существительных и глаголов, заимствованных из области музыки, например, notes (в значении компоненты, ноты аромата), composition (по отношению к структуре, композиции парфюма). В русском языке также может использоваться выражение «слушать аромат».

Относительно прилагательных вкуса можно сказать, что большая их часть связана со специфическими вкусовыми ощущениями. Причём вследствие того факта, что практически каждый пищевой продукт обладает не только неким вкусом, но и определённым ароматом, то есть существует реальная связь между вкусовой и обонятельной областями восприятия, то возможности создания адъективных синестезий такого рода практически безграничны – sugary, buttery, nougat-y, custardy, carroty и так далее. Следует заметить, что наибольшей популярностью пользуются лексические единицы со значением «сладкий» – sweet, uber-sweet, sugary, sugary, sickly sweet, причем, они могут иметь как положительные, так и отрицательные коннотации. Прилагательные приятного или неприятного вкуса также используются довольно широко, например, yummy, tasty, delicious, тогда как отсутствие вкуса – нехарактерный признак в описании парфюма и встречается редко.

Восприятие окружающей действительности посредством прикосновения – важный шаг в процессе познания мира, что и нашло своё отражение в большом количестве случаев адъективной синестезии в данной лексико-семантической группе. Такие прилагательные, как soft, harsh, smooth, wet и т.д., часто встречаются в описаниях ароматов. Восприимчивость к ощущению температуры даже такого эфемерного предмета, как запах духов, может выражаться с помощью таких лексических единиц, как warm, chilly, cold и др. Гравитационные характеристики описываемого объекта в данном случае встречаются не так часто, как тактильные и температурные, и сводятся к наиболее используемым прилагательным heavy и light.

В целом, можно сказать, что прилагательные, относящиеся к модусам вкуса, зрения и осязания составляют большую часть всех случаев адъективной синестезии в рассмотренном материале. Наименьшее количество лексических единиц относится к модусу слуха. Данное распределение можно объяснить важностью первых трёх способов восприятия для человека. Также можно отметить субъективность перцепции ароматов, её зависимость от личного опыта реципиента. Интеграция различных сенсорных характеристик в поле ольфакторного восприятия позволяет актуализировать всё многообразие чувственного мира индивида и передать эмоциональное отношение реципиента запаха к обонятельному ощущению.

Список литературы

- 1 Гак В. Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков. М. : Междунар. отношения, 1977. 262 с.
- 2 Молодкина Ю. Н. Синестетическая метафора запаха (корпусное исследование) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2010.
- 3 Степанян Т. Р. Синестетические метафоры русского языка: прилагательные чувственного восприятия : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
- 4 Филиппова Г. Н. Узуальная и окказиональная синестезия в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2011.
- 5 Яницкая Н. И. Адъективная синестезия в английской и русской поэзии романтизма : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.

«ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ» – ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ XXI ВЕКА

Е.А. САМОШКИН
(Якутск, Россия)

В современном информационном обществе коммуникация перешла в интернет-пространство. Любой человек, имеющий доступ к «всемирной паутине» через компьютер, ноутбук или смартфон, в значительной степени ведёт интернет-общение. Электронные ресурсы используются во всех сферах жизни: работа, учеба, увлечения, бизнес, досуг.

Бесчисленные потоки новой информации меняют привычные стили общения, придавая отдельным фразам большую ёмкость. Стремление к краткому и быстрому изложению мысли с помощью отдельных речевых клише становится одним из способов показать свою осведомлённость о новых веяниях общества.

Одним из проявлений изменения общения стали, пользующиеся огромной популярностью, так называемые «мемы». В средствах массовой информации и бытовой лексике так обозначают ёмкие фразы, спонтанно приобретшие популярность в интернет-среде посредством распространения в интернете всеми возможными способами (по электронной почте, на форумах, в блогах и др.). Понятие вошло в употребление в середине первого десятилетия XXI века [1: 1]. У людей, которые проводят в интернете много времени, уже сложился определённый запас «мемов» на все случаи жизни, которые они используют едва ли не рефлексивно. Это может быть выражение одобрения или несогласия с высказыванием автора какого-либо блога или комментария на сайте, или попытка подшутить над собеседником.

Обычно мемы сопровождаются изображением некоей личности, начиная от звёзд кино и шоу-бизнеса, политиков, вплоть до обычного «дяди Вани с третьего подъезда». Картинке зачастую сопутствует остроумная, необычная, противоречивая надпись. Чем парадоксальнее надпись, тем больше внимания привлечёт мем, следовательно, тем чаще он будет использоваться пользователями.

Раскрытие подлинного содержания мема происходит индивидуально. Чтобы преодолеть имеющиеся в обществе и сознании людей барьеры и сопротивление, мем ничего не говорит напрямую, но инсинуативно намекает на важные проблемы, имея при этом несерьёзную, полусутолку, провокационную, лёгкую для запоминания форму. Путём несложных рассуждений и лежащих на поверхности ассоциаций, каждый сам может прийти к той информации, на которую мем указывает, не чувствуя при этом, что ему кто-то навязывает готовые выводы. Мем лишь инициирует процесс осознания, а мыслительную работу делает конкретный человек, рассуждая самостоятельно, без принуждения и без подразумеваемого единственно правильного результата, который он непременно должен получить в итоге этих рассуждений. Мемы легко усваиваются и проникают в сознание ещё и потому, что всю необходимую информацию человек уже узнал до этого, мем лишь помогает её переосмыслить. Историю интернет-мемов в Рунете (русском интернет-пространстве) можно начать с 2006 года. Мем «превед, медвед» впервые появился в Рунете в феврале 2006 и стал первым достаточно популярным интернет-мемом, пробившимся в «оффлайн», «большой мир» за пределами сети Интернет [2: 1]. Также большую роль в появлении российских мемов сыграл Андрей Бильжо, ав-

тор знаменитого Петровича. Карандашные рисунки, появившиеся в начале двухтысячных годов и повествующие о жизни Петровича, во многом заменили политическую сатиру [3: 1].

Мем возникает как реакция на произошедшее в мире событие или же в качестве ответа на высказывания какой-либо персоны. Популярность и широта употребления мема будет зависеть только от того, насколько популярно место его возникновения. Это может быть и форум с количеством участников порядка 5 тысяч человек, и социальная сеть с 15 тысячами. Изначально большая аудитория может оповестить бóльшую аудиторию о возникновении нового мема.

Несколько широко известных во всем мире мемов:

Not Bad – один из самых распространённых мемов перекочевавший из Интернета в повседневную жизнь многих людей.

24 мая 2011 года президент США Барак Обама и его жена Мишель посетили английскую королеву в Букингемском дворце. Во время визита была сделана фотография, которая и послужила основой для одного из самых известных по всему миру мемов. Мем существует в двух вариациях: отдельное изображение лица Барака Обамы и отдельное изображение его жены Мишель Обамы [4: 1]. Данный мем используется для выражения удивления, одобрения и восторга от увиденного.

Yao Ming face – не менее известный мем, появившийся в 2011 году с лёгкой руки художника под псевдонимом downlow, который изобразил лицо мировой звезды баскетбола Яо Минга. Выражение лица было зафиксировано во время интервью Яо после матча в 2009 году [5: 1]. Мем символизирует нежелание собеседника продолжать диалог или просьбу прекратить что-либо делать («да перестань уже!»). Зачастую используется не само изображение, а лишь его название в таком виде “yaomingface.jpg”, то есть как обозначение файла, якобы содержащего изображение с подобным подтекстом.

You don't say? – этот скетчевый мем был сделан пользователем под псевдонимом LeechНах, после просмотра им фильма “Поцелуй Вампира” с актером Николасом Кейджем. В одной из сцен мимика Николаса напоминает выражение «да ладно?!», что собственно и обозначает [6: 1]. Используется с саркастическим подтекстом, чтобы указать на очевидность, банальность высказывания.

С целью выявления популярности использования мемов в повседневной речи автором в социальной сети "ВКонтакте" в период с 15.10.13 по

27.10.13. был проведён опрос. Всего в опросе приняло участие 230 человек. Половина из них (52%) была представлена пользователями старше 18 лет, другая (48%), – лицами, не достигшими совершеннолетия. Анкета состояла из одного вопроса, на который было предложено 4 варианта ответа.

«Как часто в повседневной жизни вы используете выражения из интернет-мемов?»

- Очень часто (бывает, даже спонтанно отвечаю фразой из мема)
- Изредка
- Не использую
- Что это?

В категории старше 18 лет преобладал вариант ответа «Изредка» – 38%, на втором месте вариант «Не использую» – 34%, «Очень часто» используют выражения из мемов 22%, и 6% не знакомы с интернет-мемами.

В категории до 18 лет ситуация схожая, только процент ответа «Изредка» не 38, а 42, и не знакомы с мемами не 6, а 4 процента опрошенных.

По данным опроса можно сделать несколько выводов:

1) практически каждый интернет-пользователь знаком с интернет-мемами;

2) процент не знакомых с интернет-мемами становится меньше со снижением возраста пользователей. Это говорит о том, что подростки чаще, чем старшее поколение, следят за изменениями в стилях общения в интернете;

3) особенности общения в интернете сильно влияют на живое общение. Многие, пусть даже и изредка, но используют крылатые выражения из всемирной паутины в повседневной речи.

С каждым днём количество интернет-мемов увеличивается с огромной скоростью. Каждый из них обладает своим уникальным значением, и каждый меняет привычный уклад общения между людьми. Сначала этот процесс протекает в самом интернете, а уже после плавно переходит в реальную жизнь как подростков, так и людей среднего возраста.

Список литературы

1 Интернет-мем. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B5%D1%82%D0%BC%D0%B5%D0%BC> (дата обращения: 10.10.2013).

2 Столетов А. Мемы: мифы и реальность. URL: http://www.adbusiness.ru/content/document_r_412B4B46-50CB-4454-A58D-A60F8F3ED9CC.html (дата

обращения: 15.10.2013).

3 Сайт Андрея Бильжо. URL: www.petrovich.ru (дата обращения: 15.10.2013).

4 Meaning of meme “Not Bad”. URL: <http://knowyourmeme.com/memes/not-bad> (дата обращения: 15.10.2013).

5 Meaning of meme “Yao Ming face”. URL: <http://knowyourmeme.com/memes/yao-ming-face-bitch-please> (дата обращения: 14.10.2014).

6 Meaning of meme “You don’t say”. URL: <http://knowyourmeme.com/memes/you-dont-say> (дата обращения: 13.10.2013).

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА ПОНЯТИЙ АРТЕФАКТОВ

Ю.В. САПРОНОВ, С.Е. ПОЛЯКОВА
(Санкт-Петербург, Россия)

В своё время Д.А. Круз предложил следующий диагностический тест для определения гипонимии: «мы скажем, что X является гипонимом Y (или Y является гиперонимом X), если $A - f(X)$ влечёт за собой и обратное не возможно $A - f(X)$ » [5: 89]. Где $f(X)$ – это выражение, несущее минимум синтаксической нагрузки, в котором X является аргументом.

В качестве примера приведём следующее предложение:

«Это – кошка» влечёт за собой и обратное невозможно «Это – животное».

На основе данного подхода к гипонимии формируется правило, устанавливающее принадлежность гиперонима и его гипонимов к одной части речи, таким образом, гиперонимом понятия, выраженного существительным, является понятие, так же представленное с помощью существительного: для глагола – это глагол, для прилагательного – прилагательное и т.д. Безусловно наблюдаются некоторые исключения, возникающие из особенностей того или иного языка. Например, гиперонимом понятия «зима», которое выражено существительным, является понятие «время года», т.е. словосочетание (в английском языке понятие «время года» обозначается существительным «season»), в качестве гиперонима понятия «красный», выраженного прилагательным, выступает понятие «цвет», представляющее из себя существительное, и т.д.

Если принять во внимание то, как человек воспринимает информацию из окружающего мира, а именно, например, мы видим белое, поскольку

существует сравнение с чёрным, то каждое понятие отображается через дефиницию, которая представляет из себя имя понятия и его свойства, соединенные посредством синтагматической связи в некую единую «капсулу» информации, и значение каждого значимого слова определяется не неким постоянным значением, которое стоит «за» тем или иным словом, но полностью зависит от окружения, т.е. от тех слов, которые формируют данную совокупность. Это значит, что значение отдельного слова определяется и в свою очередь определяет значения других слов в данной совокупности слов, т.е. контекстом, и гипонимия может рассматриваться не только в связи со словами, принадлежащими к одной части речи, но и для предложений.

При этом следует отдавать себе отчёт в том, что на практике выписать всю совокупность слов, т.е. представить её в явном синтагматическом виде, подчас не представляется возможным, следовательно, некоторые свойства остаются в неявном виде. Но для нас имеет значение именно сама возможность презентации всей совокупности слов.

Таким образом, для представления понятия на первый план выходит контекстуальная дефиниция. «Всякий отрывок текста, всякий контекст, в котором встречается интересующее нас понятие, является в некотором смысле неявным его определением. Контекст ставит понятие в связь с другими понятиями и тем самым косвенно раскрывает его содержание» [1: 88].

Теперь рассмотрим пять видов контекста, представляющих дефиницию понятий, отображающих артефакты. Для примера воспользуемся понятием «hammer» (молоток):

1) в каждом артефакте заложен принцип действия, поэтому существуют свойства, характеризующие артефакт как принцип. Для понятия hammer принцип отображается следующими свойствами: “A hammer is basically a force amplifier that works by converting mechanical work into kinetic energy and back... The essential part of a hammer is the head, a compact solid mass that is able to deliver the blow to the intended target without itself deforming... The amount of energy delivered to the target by the hammer-blow is equivalent to one half the mass of the head times the square of the head's speed at the time of impact ()... While the energy delivered to the target increases linearly with mass, it increases geometrically with the speed” [6].

Таким образом, принцип раскрывается информацией о необходимой

плотности ударной части, о массе, о необходимой протяженности (т.е. о необходимом свойстве формы), о скорости и об энергии, причём благодаря учету синтагматического аспекта, так же учитывается и их объединение в нечто единое;

2) артефакт является не только принципом действия, но и вещью, т.е. он обладает конкретностью (имеет конкретную форму и сделан из конкретного материала). Если язык принципа – это формулы, как например, формула для кинетической энергии, для молотка как принципа действия, вещь же получается при подстановке в формулу чисел, в результате чего получаются конкретные параметры. Вся лексика, которая не является ни формулой, ни числом указывает и на принцип, и на вещь. Например, в свойстве «рукоятка сделана из сосны», слово «сосна» говорит о необходимой твёрдости материала для успешного выполнения такого действия как удар (принцип), но с другой стороны, данное слово обозначает конкретный материал (вещь). В свою очередь если само слово, обозначающее принцип, а именно – «твёрдость», имеет конкретное числовое значение в некой системе измерения, то это уже есть вещь.

В качестве примера приведём следующий отрывок: "But inside the bag he found a device to unlock cars, a pair of bolt cutters, "a two pound hammer and all the equipment needed to steal car radios" [3]. A two pound – это свойство, которое представляет собой конкретное число и, следовательно, характеризует понятие однозначно как вещь;

3) каждый артефакт имеет свою функцию, т.е. он сделан для некой цели. Таким образом, он не просто конкретная вещь, но за ним стоит целое множество подобных предметов, объединенных некой функцией. Таким образом, молоток предстаёт как функция, т.е. как нечто происходящее во времени, и данная функция может быть представлена, например, таким свойством: «hit nails into wood»;

4) многие предметы являются не простыми, а составными, и каждая составная часть, деталь – это тоже некий предмет, предстающий и как принцип, и как вещь, и как функция. Для рассматриваемого нами понятия hammer такими частями являются: рукоятка (handle) и ударная часть (hammer head), представляющие собой два различных понятия. В результате объединения данных двух понятий как принципов, вещей и функций получается новое понятие, а именно, hammer, при этом синтагматическая связь адекватно отражает это объединение понятий, в результате чего, как

уже было сказано выше, получается новое понятие, обладающее своими принципами, функциями и представляющее собой новую вещь.

Данная когнитивная схема раскрывает понятие как структуру.

Многие артефакты имеют сложную структуру: телевизор, с одной стороны, состоит из внутренних деталей (транзисторов, резисторов и т.д.), с другой стороны, обладает внешним видом (кинескоп, корпус, кнопки и т.д.) и при этом воспринимается нами не только как соединение данных элементов, но и как цельный объект реального мира.

Вся эта сложная ситуация описывается, во-первых, с помощью представления каждой детали как принципа, вещи и функции, во-вторых, отображения любого соединения элементов как структуры, т.е. как нового понятия (принцип, вещь, функция), принцип которого благодаря синтагматической связи учитывает соединение деталей как принципов: вещь – соединение деталей как вещей, функция – соединение деталей как функций. Если говорить об интернете или компьютере, то благодаря представлению понятия как структуры появляется возможность отразить и соединение виртуального артефакта, например, программного обеспечения (принцип, вещь и функция) с материальным носителем (принцип, вещь, функция);

5) В своё время Анна Вежбицка отметила, что «невозможно изобразить или представить себе “вообще-фрукты” или “вообще-овощи”, равно как “вообще-мебель”, “вообще-игрушки”. С другой стороны, можно изобразить “вообще-часы”, “вообще-стол”» [2: 20].

Данное различие в восприятии данных понятий объясняется именно тем, что такие понятия как «часы» или «стол», в первую очередь, образуются как принцип, вещь, функция, структура, т.е. на основе подобия предметов реального мира, которые причисляются нами к тому или иному понятию. Понятия, образующиеся на основе подобия, можно обозначить как понятия «низшего» уровня. К данному уровню относятся, например, такие понятия как «стол», «молоток», «яблоко» и т.п.

Однако другие понятия, как, например, «инструмент» служат в первую очередь для указания на разнообразие предметов реального мира, которые подпадают под данное понятие. Данные понятия можно обозначить как понятия «высшего» уровня.

Эти понятия также отражены через имя и свойства, соединённые синтагматической связью. Все понятия (здесь имеются в виду только артефакты), относящиеся к «высшему» уровню, представляется возможным

свести к трём основным сферам: инструмент, оружие, все другие артефакты. Значение данных имён-понятий определяется только свойством, с которым они стоят в синтагматическом отношении, и наоборот, т.е. «инструмент создаёт», «оружие разрушает», все другие «артефакты находятся в контакте с человеком» (данную группу можно уточнить: «игрушка развлекает», «предмет мебели создаёт комфорт» и т.д.).

В качестве примера приведём следующее:

“The carpenter should be the man who knows which tool he can use most efficiently in building a house” [4].

“He is going to abandon his teaching in order to take up a weapon and kill enemy troops” [4].

В заключение ещё раз отметим, что при рассмотрении такого явления как гипонимия, можно учитывать синтагматический аспект: в результате этого значение любого значимого слова определяется ситуацией, которая в свою очередь формируется на основе пяти когнитивных схем.

Список литературы

- 1 Ивин А. А. Современная логика. Фрязино, 2009.
- 2 Семантика и категоризация / под ред. Ю. А. Шрейдера. М. : Наука, 1991.
- 3 British National Corpus. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 13.01.2014).
- 4 Corpus INTERNET-EN. URL: <http://smlc09.leeds.ac.uk/itweb/htdocs/Query.html#> (дата обращения: 15.01.2014).
- 5 Cruse D. A. Lexical semantics. Cambridge : Cambridge University Press, 1987.
- 6 Hammer. URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Hammer> (дата обращения: 13.01.2014).

ИНИЦИАЛЬНЫЙ СОЮЗ BUT В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Т.М. СМАКОТИНА
(Курган, Россия)

Научный дискурс занимает важное место в жизни и деятельности как общества, так и отдельного человека, представляя собой часть языковой культуры. Объектом исследования в данной статье является англоязычный математический дискурс в его письменном варианте, цель которого состоит в решении определённой когнитивно-коммуникативной задачи.

Лингвисты отмечают значительное количество соединительных средств в научной коммуникации, что помогает читателю следить за ходом рассуждения и экономит усилия по адекватному пониманию информации [3: 293]. Н.А. Кобрин отмечает современный процесс наращивания структур и приёмов, обеспечивающих связанность текста в системе английского языка, и расширение списка специализированных средств связи, в том числе сочинительных союзов, которые стали широко использоваться в инициальной позиции независимых предложений [2: 65-66]. Сочинительные союзы в инициальной позиции служат одним из средств когезии в английском математическом дискурсе. При этом лингвисты подчёркивают дискурсивную функцию инициальных союзов, их способность создавать определённый прагматический эффект [4: 40]. Наиболее частотным является союз *But*, который в своём основном значении выражает противительный характер связи: противопоставление, контраст, противоречие, несоответствие между связываемыми компонентами. Противительная связь часто осложняется рядом сопутствующих значений.

Прежде всего, в научном дискурсе инициальный союз *But* выступает как актуализатор векторной связи как левосторонней, так и правосторонней. Автор одновременно и сегментирует текст, что существенно способствует восприятию информации, учитывая значительную длину предложений в математическом дискурсе, и связывает образовавшиеся сегменты. Значение противопоставления, основанное на временном контрасте, актуализируется в следующих двух контактно расположенных предложениях с инициальным *But* во втором предложении и при лексической поддержке: *in the early years of the twentieth century – in the nineteenth century.*

We shall not discuss what a philosophic-math maelstrom was to be generated by the notion of «existence» in the early years of the twentieth century. But in the nineteenth century this stage had not yet been reached, and to prove the existence of a math object having a given set of properties meant simply, just as for Euclid, «to construct» an object with the required properties (D11, с. 73).

Контраст, сигналом которого является противительный союз *But*, может быть основан на противопоставлении предикатов и объектов-участников ситуации: *cannot reproduce – can represent, the geological structure – types of geological formations.*

For example, we cannot conveniently reproduce the geological structure of the Earth. But we can easily represent various types of geological formations by

different colours (Д11, с. 264).

Контраст реализуется и как обычное сопоставление, выявление специфики каждого из сопоставляемых объектов: deductive method – constructive method.

It is true that the deductive method starting from axioms provides a shortcut for covering a large territory and general theories. But the constructive method that proceeds from the particular to the general leads the way more surely to independent productive thinking (Д1, с. 154).

Инициальный союз But, сегментирующий высказывание, способствует созданию прагматического эффекта, происходит фокусирование части высказывания в коммуникативных целях. Как справедливо отмечают Е.С. Петрова, Т.В. Куралёва на материале анализа инициального союза And в художественном диалоге, «за счёт сочетания контрастирующих компонентов дискурсная ситуация получает многоплановое, рельефное представление» [4: 46]. Инициальный союз But уже в силу своей семантики создаёт дополнительный прагматический эффект в научном дискурсе, способствуя актуализации контрастных смыслов: the greatest artists, poets and writers – the giants of maths; the 5th century B.C. – between 300 and 200 B.C.

The golden age when the empire was at its height and the greatest artists, poets and writers lived was the 5th century B.C. But the giants of maths came later, Eudoxus about 350 B.C., and Euclid, Archimedes and Apollonius between 300 and 200 B.C. (Д1, с. 137).

Инициальный союз But создаёт дополнительную когезию и между дистантно расположенными предложениями. В следующем сверхфразовом единстве значение противопоставления между первым и четвертым предложениями актуализируется с помощью инициального But и поддерживается синтаксическим параллелизмом (Girard was interested – Girard was also interested) и лексическим противопоставлением (Viète's result – a different set of symmetric functions).

(1)A Girard was interested in extending Viète's result. (2)He considered all roots – those he called «impossible» (i.e. imaginary) as well as negative and positive roots. (3)He studied the sums of their products taken two at a time, then three at a time and so on. (4)But Girard was also interested in obtaining expressions for the sums of given powers of the roots; these sums constituted a different set of symmetric functions from the one Viète had essentially pioneered (Д1, с. 316).

В математическом дискурсе весьма частотны ситуации, в которых в

предложениях с инициальным *But* акцентируется значение противоречия. Выявление, формулирование противоречия – это важный момент в процессе научного исследования, создающий перспективу дальнейшей работы и представляющий собой не менее важный этап в развитии исследования, чем разрешение и преодоление этого противоречия. Вполне оправдано, что компонент научного дискурса, в котором актуализируется противоречие, оформляется отдельным предложением, то есть акцентируется. Таким образом, инициальный союз *But* выполняет прагматическую задачу, служит сигналом значения противоречия и фокусирует внимание на коммуникативно значимом фрагменте информации.

В следующем фрагменте инициальный *But* свидетельствует о логической связи двух ситуаций: начало исследования и открытие противоречия, а именно несоответствие исследуемого явления обычному положению вещей. При этом союз *But* маркирует именно ситуацию выявления этого противоречия – несоответствия алгебры кватернионов традиционной алгебре. Далее следует вывод о преодолении этого противоречия, а именно, разрыве с традицией и начале нового этапа в развитии математики.

Hamilton named the set of four numbers a quaternion, and found that he could multiply quaternions as if they were single numbers. But he discovered that the algebra of quaternions differed from ordinary algebra in a crucial respect, it was noncommutative. The surrender of the commutative law was a tremendous break with tradition. It marked the beginning of a new era (Д1, с. 299).

Инициальный *But* может вводить ряд последовательно расположенных предложений, в каждом из которых фиксируется значение противоречия (*has no root*), а в следующем предложении сообщается о способе его преодоления (*we invent*). При этом в функции аналогичной союзу *But* выступает также *however* – «тем не менее, однако, несмотря на». Параллелизм синтаксических структур, лексические повторы, идентичные по значению союзные связки подчёркивают единство ситуации, логику утверждений и одновременно фрагментируют сообщение, отображая последовательные этапы развития исследовательской мысли.

In order to remedy this condition, we invent fractions. But a simple linear equation, like $x+5=2$ has no root even among the fractions. Hence we invent negative numbers. However a simple quadratic equation like $x^2=-1$ has no root among all the real numbers, hence we invent the pure imaginary numbers. But a simple quadratic equation like $x^2+2x+4=0$ has no roots among either the real or

pure imaginary numbers; therefore we invent the complex numbers (Д1, с. 289).

В научном дискурсе инициальный союз *But* может вводить высказывание, которое добавляет информацию со значением причинного обоснования предыдущего сообщения. В таких предложениях адресант мотивирует предыдущее высказывание, даёт пояснение, обоснование сообщаемому. По сравнению с причинными союзами, которые имеют чётко выраженную причинно-следственную семантику, причинное значение в предложениях с инициальным *But* менее определённо и дифференцировано. Тем не менее, постановка вопроса, требующего причинного разъяснения, представляется возможной. Это обусловлено семантикой предыдущего предложения, которое содержит высказывание, нуждающееся в пояснении, аргументации. В следующем примере *But* вводит высказывание автора со значением возможного причинного обоснования того, что Коши в своём определении функции избегает упоминания аналитического выражения. Модальность предположительности такого обоснования подчёркивается лексически наречием *evidently*.

It is true that his definition of a function avoids reference to an analytical expression. But, evidently, Cauchy still tended to regard functions as equations (Д11, с. 107).

Предложение с инициальным *But* со значением причинного обоснования может быть расположено дистантно от предложения, содержащего высказывание, требующее пояснения. Например, в последующем фрагменте тот факт, что теория рекурсивных функций берётся за основу (1-е предложение) разъясняется помимо некоторых её преимуществ (2-е и 3-е предложения), наличием более веской причины (4-е предложение). Инициальный *But* создаёт дополнительную когезию между удалёнными друг от друга, но тесно связанными в смысловом отношении предложениями.

(1) By taking the theory of recursive functions as basis, we actually gain the equivalents of all three. (2) For example we might then treat logic itself as a branch of the theory of recursive functions. (3) Such an approach would require a different order of topics of discussions; in particular, the elementary parts of recursive theory would come before any «logic». (4) But there is a more profound reason for taking this theory as basis, namely, the impossibility of completely formalizing and thus axiomatizing this theory (Д11, с. 25).

Предложения с инициальным *But* носят пояснительный характер, содержат повод, значение мотивирующего обоснования, аргументацию. Ес-

ли подчинительный союз *because* указывает на объективную, непосредственную причину явления, то инициальный *But* вводит предложения, в которых мера причинности варьируется, обусловленная субъективной оценкой адресанта.

Употребление инициального *But* может быть связано с импликацией уступительного значения. Значение уступки имплицитно в предшествующем предложении под влиянием последующего, вводимого союзом *But*, в котором сообщается о результате, противоположном ожидаемому на основе первой ситуации. Вторая ситуация актуализируется вопреки первой ситуации. Уступительное значение может быть эксплицировано путём соответствующей трансформации с помощью уступительного союза *though*. Но инициальный *But* подчёркивает одновременно и противоречие между первым и вторым событиями.

What is four-dimensional geometry? Approached pictorially the concept has no meaning. But we can think about four mutually perpendicular lines, i.e. four lines each perpendicular to the other three (Д1, с. 218). – Though approached pictorially the concept has no meaning, we can think about four mutual perpendicular lines, i.e. four lines each perpendicular to the other three.

В следующем фрагменте говорится о том, что, несмотря на трудности и ограничения в поисках лучшего решения (состояние науки, недостаток времени и фондов, возможностей), метод «Исследование операций» (ИО) постоянно направлен на достижение насколько возможно оптимальных результатов. При этом в коммуникативном фокусе находится именно вторая ситуация, что обусловлено оформлением её самостоятельным предложением с инициальным *But*.

It may not always find it (the best solution) because of limitations imposed by the present state of science or by lack of time, funds, or opportunity. But OR `s efforts are constantly directed to getting to the optimum as close to it as possible (Д11, с. 261).

Имплицитное уступительное значение содержится также в ситуациях, когда автор выражает положительное оценочное суждение, несмотря на определённые недостатки, обстоятельства оцениваемого явления или вопреки общепринятому мнению.

It is generally agreed that the famous «last theorem», true or false, is of but slight interest today. But its importance in the development of arithmetic and modern algebra has been very great (Д11, с. 74).

Во всех анализируемых ситуациях с имплицитным значением уступки инициальный *But* выполняет важную прагматическую задачу фиксации внимания на комментарии, выводе, оценке, предлагаемых автором.

Широко представлены в научном дискурсе также предложения с инициальным *But*, актуализирующие ограничительное значение. Значение ограничения зачастую связано с выражением мнения, оценки в следующих вариантах:

а) личное мнение автора (*we emphasize*):

To lay down the rules of this language, to set up its vocabulary and clarify its syntax, all that is, indeed, extremely useful; indeed, this constitutes one aspect of the axiomatic method; the one that can properly be called logical formalism (or «logistics» as it is sometimes called). But we emphasize that it is but one aspect of this method, indeed, the least interesting one (Д11, с. 28).

б) мнение авторитетного источника (*the modern philosophy of science warns*):

We take it for granted that there are simple laws to be found and they are true descriptions of nature when we do find them. But the modern philosophy of science warns us that we are being overconfident (Д1, с. 231).

в) без упоминания субъекта оценки:

We frequently assume that all the outcomes have equal measure, that is, occur approximately with equal frequencies or are equally likely. But in some situations this would not appear to be a reasonable hypothesis (Д11, с. 199).

Инициальный *But* налагает определённые ограничения на универсальность, правомерность, истинность, достоверность предыдущего утверждения. Высказывание с *But* с разной степенью эксплицитности выражает предостережение, ограничивая сферу действия информации, сообщаемой в первом предложении. Ограничительное значение находит и лексическое подтверждение: *It is but one aspect* (а), *we are being overconfident* (б), *in some situations* (в). В последнем варианте можно отметить некатегоричность оценки, что выражается в использовании сослагательного наклонения (*would not appear*). Ограничительное значение часто выражает опровержение, несогласие с предыдущим сообщением: *cannot exist, do not arise naturally from the fundamental principles of all reasoning*.

Frege's general principle would allow this set to exist. But, as Russel argued, such a set *R cannot exist*, because the mere assumption of its existence leads to a contradiction (Д1, с. 454).

Attempts have been made to get round it by a variety of expedients, such as laying it down that «No totality can contain members which are defined only by means of that totality and therefore dependent on that totality». But such pronouncements have an empirical ad hoc character, and do not arise naturally from the fundamental principle of all reasoning (Д1, с. 449).

Инициальный But часто употребляется в начале нового абзаца, способствуя актуализации новой идеи, развитию содержания, в какой-то степени противопоставленного или противоречащего предыдущему. Следующие предложения открывают новые абзацы текста, прогнозируя развитие темы и одновременно связь ситуаций:

But this explanation only exchanges one difficulty for another (Д1, с. 482).

But the further development of the method has revealed its power (Д11, с. 29).

But then the attitude toward the natural numbers began to change (Д11, с. 56).

Новый абзац с инициальным But вводит нечто новое и важное для развития темы, что часто поддерживается эмфатическими синтаксическими структурами. Это так называемые cleft-sentences – «предложения с расщеплением», которые употребляются для эмфатического выделения коммуникативно значимой информации.

But it was not until 1888 that Dedekind enunciated a complete system for arithmetic ... (Д11, с. 84).

But it was the Pythagorean school, In fact, which discovered 2 was irrational (Д11, с. 58).

But в начале нового абзаца может вводить вопрос или несколько вопросов, непосредственно обращённых к адресату, что усиливает коммуникативное намерение автора и создаёт эмфазу.

But what is that makes chaos theory so fascinating? (Д11, с. 318).

But once a human brain is connected as a node to a machine – a networked brain with other human brains similarly connected – what will it mean to be human? Will it evolve into a new cyborg community? (Д1, с. 371)

Коммуникативная значимость предложения с инициальным But в начале абзаца поддерживается не только синтаксически, но и лексически оценкой, рекомендацией, мнением адресанта: It is important to realize, it must be emphasized, an even more significant contribution.

But Ferma, the greatest of all amateurs in maths, was responsible for an even more significant contribution to the development of the calculus (Д11, с. 98).

Инициальный But в составе коротких предложений способствует

имитации спонтанной речи, усиливая эмфатический эффект: *But that`s not all* (Д1, с. 234). *But it`s the only path of reason* (Д1, с. 242).

People are not always reasonable, that`s for sure. But people do reason (Д1, с. 167).

The scientists were looking for «the missing link» that might explain what we know appeared later. But again nothing (Д1, с. 244). Эмфатическая функция предложений с инициальным *But* может быть усилена пунктуационно – восклицательным знаком. Такая открытая экспрессивность реализует прямую установку на привлечение внимания читателя.

... It is quite natural for one to feel that Descartes probably hit upon this idea without help from his many predecessors in maths. But that was not the case! (Д1, с. 315).

But в начале вопросительного предложения, создавая эмфазу, выражает побуждение адресата к участию в продолжении обсуждения темы, осуществляя одновременно связь с предыдущим материалом. Вопросы часто имеют риторический характер, а риторический вопрос всегда несёт экспрессию.

The most central ethical idea of justice, in fact, is founded on an economic conception that of exchange or *quid pro quo* = to each what he deserves (К.Маркс). But what does he deserve? (Д11, с. 295).

Таким образом, инициальный *But* вводит разговорные обороты речи на фоне аргументированного научного стиля, но это важные компоненты для достижения прагматической цели, эффективные в плане воздействия на адресата, в плане сокращения дистанции между участниками коммуникации. Научный дискурс приобретает менее формальное, живое звучание, создавая определённый эмоциональный фон. Наблюдения над англоязычным научным дискурсом подтверждают мнение О.А. Александровой, что довольно часто научному тексту свойственны различные оттенки экспрессивности [1: 35]. Переводчики также отмечают большую степень эмоциональности научного стиля в английском языке по сравнению с русским, что приходится учитывать при переводе [5: 158]. Средства эмоционального воздействия важны в научном дискурсе. И в этой связи уместно отметить, что использование инициальных союзов способствует усилению эмоционального восприятия информации читателем.

Анализ показывает, что в англоязычном научном дискурсе инициальный союз *But* является средством когезии как смежных, так и дистантно

расположенных высказываний, устанавливая проспективно-ретроспективные связи. Актуализируя наличие контраста, противоречия, инициальный *But* способствует созданию дополнительного прагматического эффекта, усиливает экспрессию, вовлекает адресата в активное участие в развитии темы. Дополнительные значения уступки, причинного обоснования, ограничения создают эмфазу, побуждают к осмысливанию, размышлению, способствуют развитию дискурса. Инициальный *But* выполняет прагматическую задачу, фокусируя внимание адресата на коммуникативно значимой информации.

Список литературы

- 1 Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка. М., 1984.
- 2 Кобрин Н. А. Культура и её роль в лингво-креативной деятельности человека // *Studia Linguistica*. XII. Перспективные направления современной лингвистики : межвузовский сборник научных трудов. СПб. : Изд-во Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 2003.
- 3 Пелевина Н. Н. Речевая стратегия персуазивности и её реализация в текстах научного дискурса // *Studia Linguistica*. – XII. Перспективные направления современной лингвистики : сборник. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003.
- 4 Петрова Е. С., Куралева Т. В. Соединительная связь в контексте диалогического дискурса (прагматический и когнитивный аспекты) // *Когнитивная лингвистика: Ментальные основы и языковая реализация. Ч. 2. Текст и перевод в когнитивном аспекте : сборник статей к юбилею профессора Н. А. Кобриной*. СПб. : Тригон, 2005.
- 5 Шимберг С. С. Универсальное и идиоэтническое в англоязычном и русскоязычном научном дискурсе (переводческий аспект) // *Когнитивная лингвистика: Ментальные основы и языковая реализация. Ч. 2. Текст и перевод в когнитивном аспекте : сборник статей к юбилею профессора Н. А. Кобриной*. СПб. : Тригон, 2005.

Источники

- 1 Д1 – Дорожкина В. П. Английский язык для студентов математиков. М. : АСТ, Астрель, 2002. 496 с.
- 2 Д11 – Дорожкина В. П. Английский язык для студентов математиков и экономистов. М. : АСТ; Астрель, 2004. Ч. 2. 347 с.

ИСЛАМОВЕДЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ РАЗДЕЛА «АФГАНИСТАН» В КИТАЙСКОЙ СЕТЕВОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ БАЙДУ)

Б.Г. ФАТКУЛИН
(Челябинск, Россия)

В начале XXI века перед Китаем в силу его геополитического положения стоит задача выработать эффективные подходы к взаимодействию со странами исламского культурного ареала. Ближайшими его соседями на западных границах являются государства Средней Азии, Афганистан и Пакистан. В связи с этим в современной КНР активно развиваются востоковедческие отрасли науки, в ряду которых иранистика (одна из ветвей востоковедческой триады «иранистика – арабистика – тюркология») занимает одну из ключевых позиций.

Под иранистикой понимается, с одной стороны, изучение собственно Ирана, с другой стороны, – изучение языков, памятников письменности (иранская филология) и древней истории ираноязычных народов. Для более точного определения предмета иранистики введено понятие «Большого Ирана», включающего в себя не только территорию современного Ирана, но и регионы Афганистана, Малой Азии, Южной и Центральной Азии, Кавказа и Юго-Западной Азии.

Поскольку Афганистан входит в группу ираноязычных стран, то афганистика является частью иранистики. Языки дари и пушту, используемые на территории Афганистана, отражают картину мира граждан этой страны и изучаются в профильных высших учебных заведениях всех ведущих мировых «центров силы». В настоящее время все крупные мировые цивилизационные центры, в том числе и КНР, имеют свои варианты востоковедческих доктрин и обслуживающую их терминологию. Следующие причины делают афганистику в Китае актуальной:

1 Ближне- и средневосточная тематика имеет для Китая огромное значение в силу стратегического положения региона, т.к. Китай во многом опирается на нефтяные ресурсы Ближнего и Среднего Востока. Стратегия возрождения Шелкового пути требует от Китая пристального изучения стран этого транспортного коридора.

2 Культура и язык китайцев хуэйцзы и национальных меньшинств За-

падного Китая (уйгуров, казахов и киргизов) тесно связаны через ислам с персидской культурой.

3 Китай, в последние годы активно работает в развивающихся странах Азии и Африки и является инвестором экономику государств «Большого Ирана». К примеру, при Кабульском университете действует Институт Конфуция.

Россия должна быть в курсе проектов КНР в отношении общих соседей, и поэтому изучение особенностей китайской афганистики способно обогатить российские аналитические структуры ценным опытом. Необходимо отметить, что китайские специалисты используют в своих работах по Ирану и Афганистану аутентичную терминологию, во многом отличную от терминологии глобальных англоязычных структур и её эквивалентов на европейских языках и русском языке. Востоковедческие источники на китайском языке пока доступны лишь немногочисленным специалистам.

Двусторонние отношения между Китаем и Афганистаном являются одним из главных векторов политики Китая на западных границах. Хотя протяжённость государственной границы между странами составляет 76 км, высокогорное Ваханское ущелье, по которому проходит граница между Китаем и Афганистаном, является одним из стратегических коридоров Евразии. Более чем десятилетнее присутствие иностранного военного контингента на территории Афганистана делает китайскую иранистику ещё более востребованной.

Поскольку понимание основ афганского ислама необходимо для адекватного восприятия обстановки в Афганистане, то афганистика теснейшим образом связана с исламоведением. Исламоведение – это научная дисциплина, изучающая ислам как религию. Эта отрасль востоковедения изучает догматику, историю ислама, культуру, право, экономику мусульманских народов и др. Исламоведение не занимается ни критикой ислама, ни его апологетикой, это наука, посвящённая исследованию ислама, а не исламская наука. Исламоведение не будет эффективным без использования лингвистических методик, поскольку без использования лингвистического аппарата невозможно охватить большие массивы информации на редких восточных языках.

Целью нашего исследования было выявление в современном китайском языке терминологии, передающей основные концепты, используе-

мые в китайском исламоведении. Материалом для исследования послужили статьи китайской сетевой энциклопедии Байду, посвящённые Афганистану. В определении релевантности данного ресурса мы использовали статью Е.В. Переверзева [6: 4]. Поскольку операции с китайским языком отличаются большой трудоемкостью, мы широко использовали достижения современной прикладной лингвистики в области компьютерной обработки китайских текстов. Сложность работы с китайскими текстами состоит в том, что границы слов в китайском тексте не обозначаются, промежуток между двумя словами не виден. Сложные термины китайского языка состоят из трёх или четырёх иероглифов, поэтому выделение составных иероглифов терминов представляет особую трудность. Для обработки китайских текстов и автоматического выделения терминов мы использовали следующие прикладные инструменты:

- 1) Стэнфордский статистический парсер [9];
- 2) Шанхайский семантический парсер [10].

Обработанные парсерами тексты получали синтаксическую и морфологическую разметку, границы слов чётко обозначались. Полученные одиночные термины или терминологические словосочетания выводились из текста и переводились при помощи китайско-русского электронного переводчика с последующим ручным редактированием и поиском эквивалентов. Особое внимание уделялось извлечению терминов из названий глав и подглав раздела «Афганистан», представляющих информацию в виде информационной антологии. В результате использования программного обеспечения тексты раздела «Афганистан» были разбиты на смысловые группы. В итоге удалось составить тезаурус исламоведческих терминов китайской афганистики.

В результате исследования мы пришли к следующим выводам:

- в плане выражения исламоведческая терминология отрасли «афганистика» в китайском языке передаётся транслитерацией с помощью похожих по фонетическому звучанию слогов;
- в плане содержания исламоведческая терминология отрасли «китайская афганистика» тесно связана с базовыми понятиями китайской социальной философии, коренящейся в китайской культуре, идеологии конфуцианства и социалистической идеологии КНР.

Список литературы

- 1 Быкова С. Е. Терминология как объект тезаурусного моделирования // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2012. № 25. С. 45-49.
- 2 Заяц Т. С. Некоторые вопросы обучения реферированию с китайского языка // Известия Восточного института ДВГУ. 2005. № 9. С. 243-250.
- 3 Зайцева Н. Ю. Специальные тексты и их терминология в человеко-машинном общении // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2002. № 2.
- 4 Смирнова А. А. Тематика научного дискурса как средство актуализации когнитивной модели научной терминологии // Вестник ИГЛУ. 2009. №3. С. 181-187.
- 5 Переверзев Е. В. Коммуникативно-языковая специфика российско-китайского политического дискурса (на материале Интернет) // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2007. № 2. С. 268-273.
- 6 Хижняк С. П. Новое в исследовании терминологических систем (на примере юридической терминологии) // Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. № 1. С. 92-99.
- 7 Ходжаев А. О центральноазиатской политике КНР (на основе китайских источников) // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 3. С. 30-46.
- 8 Яцко В. А. Алгоритмы и программы автоматической обработки текста // Вестник ИГЛУ. 2012. № 17. С. 150-160.
- 9 HKUST. Chinese semantic parser. URL: <http://hlt030.cse.ust.hk/research/c-assert/interface.html> (дата обращения: 15. 01. 2014).
- 10 Stanford parser. URL: [http://nlp.stanford.edu:8080/ parser/](http://nlp.stanford.edu:8080/parser/) (дата обращения: 15.01.2014).

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ «ВСЁ РАВНО» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Н.В. ШВЕДОВА
(Курган, Россия)

Фразеологическая омонимия как системное явление интересует лингвистов на протяжении длительного времени. «...Использование известных форм для выражения нового содержания не случайно. Это соответствует фундаментальной черте человеческой психики: человек не способен воспринимать ничего абсолютно нового. Прежнее наименование есть тот мостик, который в человеческом сознании связывает неизвестное с известным. Это “обряжение нового содержания в старые одежды” (В.Г. Гак) происходит либо путём переосмысления, появления новых, вторичных значений (многозначность), либо путём разделения: форма утрачивает

связь с референтом, становится внешней формой новой, другой единицы (омонимия)» [1: 3]. Под омонимами мы понимаем языковые единицы, характеризующиеся тождеством структурной модели и компонентного состава, но имеющие несовмещающиеся значения.

Цель нашего исследования – описание фразеологизмов **всё равно** с разными категориальными значениями. По данным нашей картотеки, таких фразеологических единиц шесть:

1) призначный фразеологизм. **ВСЁ РАВНО** – «одинаков(-ый), безразличен(-ый)». Гвоздь разрушал мозг и, в конце концов, разрушил мысль и о Елене, и о Николке, о доме и Петлюре. Всё стало всё равно. *М. Булгаков. Белая гвардия;*

2) качественно-обстоятельный фразеологизм. **ВСЁ РАВНО** – «обязательно, непременно, при любых обстоятельствах, в любом случае, при любых условиях». – А всё равно красная ягода лучше чёрной! – раздался истошный крик, и я проснулся. *П. Санаев. Похороните меня за плинтусом;*

3) фразеологизм категории состояния. **ВСЁ РАВНО** – «безразлично, одинаково». – Ах да! – вырвалось вдруг у Ивана, и лицо его омрачилось заботой, – да, я забыл... Впрочем, теперь всё равно, всё до завтра, – пробормотал он про себя. *Ф. Достоевский. Братья Карамазовы;*

4) фразеологическая частица. **ВСЁ РАВНО** - «тем не менее, всё-таки, всё же. Употребляется для усиления противопоставления ранее высказанному». Воздухоплавательный генерал крикнул. – А дирижабли всё равно больше, – проворчал он, вцепившись рукой в свою пушистую бороду. *Б. Акунин. Смерть на брудершафт. Летающий слон;*

5) фразеологический союз. **ВСЁ РАВНО** – «потому что, так как». Бегу на рынок. Нахожу фотографа. Тот говорит: – Нет, я снимаю только со своей бумагой. Без бумаги лучше не являйтесь ко мне, всё равно снимать не буду. *М. Зощенко. Фотокарточка;*

6) модальный фразеологизм. **ВСЁ РАВНО** – «выражение равнодушия, безразличия». Голосуй – не голосуй, всё равно. *М. Задорнов.*

Такое большое количество омонимов **всё равно** не характерно для современного русского языка и нуждается в детальном изучении. Исследуемые фразеологизмы характеризуются тождественным компонентным составом, имеют одинаковую структуру, восходят к модели простого двусоставного нераспространённого предложения, однако отличаются друг от

друга типом категориального значения (номинативного, грамматического, модального), грамматическими особенностями, функционированием в речи. Так, номинативные фразеологизмы **всё равно** относятся к трем семантико-грамматическим классам (призначный фразеологизм, фразеологизм категории состояния и качественно-обстоятельный фразеологизм). Они представляют собой морфологически неизменяемые фразеологизмы, то есть не имеющие системы грамматических форм, выражающих морфологические категории. Единственным основанием для семантико-грамматической квалификации призначной, качественно-обстоятельной фразеологической единицы, а также фразеологизмов категории состояния являются синтаксические свойства, а именно: система синтаксических категорий (у призначного фразеологизма и фразеологизма категории состояния), синтаксическая сочетаемость, синтаксические связи и функции в предложении. Например:

Но и это было всё равно, ибо маленькие фанатики, подобные Эркелю, никак не могут понять служения идее, иначе как слив её с самим лицом, по их понятию выражающим эту идею. *Ф. Достоевский. Бесы*. В этом предложении фразеологизм **всё равно** является призначным, выполняет функцию сказуемого в двусоставном предложении, где подлежащее – указательное местоимение **это**. Формально прошедшее время в предложении с описываемым фразеологизмом выражено глагольной связкой **было**, это же указывает на реальную модальность предложения.

– Я прямо с Маврикия и начну, а про тех... про убитых... знаете, не промолчать ли теперь? Всё равно потом узнает. *Ф. Достоевский. Бесы*. Здесь фразеологизм **всё равно** имеет качественно-обстоятельный категориальный тип семантики, он примыкает к глаголу и выступает в функции обстоятельства, имеет индивидуальное значение «в любом случае, при любых условиях».

Только Николай Всеволодович, вместо того чтобы приревновать, напротив, сам с молодым человеком подружился, точно и не видит ничего, али будто ему всё равно. Лизу-то это и взорвало. *Ф. Достоевский. Бесы*. Перед нами фразеологизм, который относится к малоизученному классу единиц категории состояния, поэтому мы опишем его более подробно. Фразеологизм **всё равно** с индивидуальным значением «безразлично, одинаково» имеет категориальное значение состояния, субкатегориальное значение – «состояние одушевленного предмета», групповое –

«психо-эмоциональное состояние человека», подгрупповое – «отрицательное психо-эмоциональное состояние человека», номинирующее состояние безразличия, равнодушия. С морфологической точки зрения, фразеологические единицы этого класса неизменяемы. Семантика состояния в исследуемых фразеологизмах оформляется аналитически – синтаксическими категориями времени, наклонения, вида. Формально синтаксическое время в предложениях с фразеологизмами категории состояния выражается глаголами-связками **быть, стать, становиться, сделаться**, например: *Было всё равно (прош. вр.), как бы я сам поднял. Ф. Достоевский. Бесы. – Разве я неправильно? Не знаю. Нет, не потому, что за границей. Я так всю жизнь говорил... мне всё равно (наст. вр.). Ф. Достоевский. Бесы. – Если будет всё равно (буд. вр.), жить или не жить, то все убьют себя, и вот в чём, может быть, перемена будет. Ф. Достоевский. Бесы.*

Фразеологизмы категории состояния могут иметь синтаксическую категорию изъявительного и условного наклонения: – *Я не обязался, а согласился, потому что мне всё равно (изъяв.). Ф. Достоевский. Бесы.* Фразеологизмы с категориальной семантикой состояния, как правило, обладают реальной модальностью, так как состояние, приписываемое субъекту, связано или с прошедшим, или настоящим, или будущим временем и мыслится как реальное. Условное наклонение образуется присоединением частицы **бы**. Например: *Ну хоть из злобы, хоть из злобы теперь вам очнуться! Э-эх! Ведь уж всё бы вам равно (условное), коли сами себе в лоб просите? Ф. Достоевский. Бесы.*

Синтаксическая категория вида также выражается аналитически при сочетании со вспомогательными глаголами **стать, сделаться** (сов. вид) и **становиться, делаться** (несов. вид).

Синтаксические свойства и функция фразеологизмов категории состояния определяются типом их семантики и синтаксическими грамматическими категориями, оформляющими этот семантический тип. Синтаксические возможности исследуемого фразеологизма ограничены: он выступает, как и слова категории состояния, сказуемым в безличном предложении, являясь независимым членом предложения. К синтаксическим свойствам исследуемого фразеологизма относятся: 1) управление именем существительным или местоимением в форме Дат. п. (со значением субъекта), 2) управление Род. пад. со значением объекта, 3) возможность при-

мыкания наречия (как правило, с временным значением) в качестве зависимого слова, 4) возможность сочетаться с инфинитивом.

Два фразеологизма **всё равно** относятся к грамматическим, их ведущая функция – строевая, или грамматическая, состоящая в организации других языковых единиц в речи.

Неизменяемость фразеологизмов **всё равно** разных семантико-грамматических классов, утрата синтаксической сочетаемости; синтаксических связей и функции в предложении; изолированное употребление способствовали появлению в русском языке модальной фразеологической единицы **всё равно** с индивидуальным значением «выражение безразличия, равнодушия», например:

– Каких таких подозрений? Подозревай – хоть нет, всё равно, я бы сюда ускакал и в пять часов застрелился, и ничего бы не успели сделать. *Ф. Достоевский. Братья Карамазовы.*

Таким образом, в современном русском языке функционируют шесть фразеологизмов **всё равно**, имеющих разное категориальное значение, их выделение стало возможным только на базе трёх взаимосвязанных и взаимообусловленных принципов: структурно-грамматического, семантического и функционального. Такое большое количество омонимичных единиц также подтверждает мысль о том, что русский язык – это живой организм, который постоянно находится в развитии и пополняется новообразованиями на базе уже существующих единиц.

Список литературы

1 Словарь фразеологических омонимов современного русского языка / под ред. Н. А. Павловой. М. : Флинта; Наука, 2010. 304 с.

КОГНИТИВИСТИКА И СОЦИОЛИНГВИСТИКА

ГИПЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КОНЦЕПТА «ПРИРОДА» В ПОЭЗИИ В.Г. ШЕСТЕРИКОВА

К.Н. ОВЧИННИКОВА
(Петропавловск, Казахстан)

Современная лингвистика тесно взаимодействует с другими науками, обогащаясь новыми терминами и понятиями. Одним из результатов такого взаимодействия является термин «гипертекст», пришедший в лингвистику из информатики. Это понятие ввел Тед Нельсон в 1963 г. Существует множество определений гипертекста. Самое распространённое определение гипертексту через текст можно найти в компьютерных руководствах: «Гипертекст – это текст, связанный ссылками с другими текстами» [2: 67]. Словарь культуры XX века даёт следующее определение гипертекста: «Гипертекст – текст, устроенный таким образом, что он превращается в систему, иерархию текстов, одновременно составляя единство и множество текстов» [3: 45].

Мы будем рассматривать гипертекст как когнитивно-коммуникативную единицу. Нас интересует когнитивный аспект гипертекста в творчестве В.Г. Шестерикова, известного североказахстанского поэта.

Существует большое количество точек зрения на термин *концепт*. Мы считаем необходимым рассмотреть семантическую структуру концепта, разработанную З.П. Табаковой. Данная структура поможет нам выявить основные элементы концепта и дать ему определение.

Таким образом, семантическая структура концепта включает:

1) понятие, которое совпадает с лексическим значением слова и может быть уточнено в толковом словаре;

2) ментальное содержание, которое определяется национальными представлениями и описывается в лингвокультурологии. По определению В.С. Ли: «Концепты – это категории языкового видения мира и в то же время «творцы» и одновременно продукты мира идеального, в том числе и прежде всего национально-культурной ментальности». Каждый концепт, как сложный ментальный комплекс, включает помимо смыслового содержания ещё и оценку, отношение человека к тому или иному

отражаемому объекту. Концепты представляют собой базовые единицы картины мира, в которых фиксируются ценности;

3) этническая составляющая не является обязательной для всех концептов и зависит от степени взаимодействия культур разных этносов на рубеже лингвокультур;

4) интеллектуальный компонент как отражение мировой культуры;

5) важнейшей сферой, в которой происходит реализация потенциальных смыслов и развитие концептов, является художественное творчество. Для поэтического гипертекста в концепте обязательно отражение субъективно-авторского восприятия картины мира [4: 28].

В. Шестериков, поэт с русской душой, любил свою родину и воспевал её в своём творчестве. Читая его стихи, мы находим отголоски поэзии С. Есенина, русского национального поэта. Хотя родиной С. Есенина была Россия, а В. Шестериков родился в Казахстане, их восприятие родного края во многом одинаково. Они воспевают красоту природы: русские стройные березки, широкие поля, луга, леса, чарующие в любое время года.

Зима в стихах С. Есенина начинается первым снегом и вводит в сомнение автора: надолго ли он выпал. Поэт сравнивает его с белыми лебедями на лугу. Выпавший первый снег, как будто перемешал все в природе. Автор задаётся вопросом:

Я не знаю, то свет или мрак?
В чаще ветер поет иль петух?
Может, вместо зимы на поля,
Это лебеди сели на луг.
(«Я по первому снегу бреду...»)

У В. Шестерикова зима также вступает в права с первым снегом. Поэт восхищается красотой «белого покрывала», и в то же время понимает, что первый снег недолговечен. Он выпадет и растает, как первый поцелуй:

Первый снег!
Ах, не балуй.
Кто, скажи, в тебя поверит,
Ты, как первый поцелуй,
Самый робкий, самый первый.
(«Первый снег»)

Предзимняя пора в стихах В. Шестерикова резко меняет состояние природы: лес больше не полон разноцветных красок, вместо пения птиц в

небе раздаётся рыдание улетающих журавлей, вместо листьев с веток слетают снегири. Поэт сочувствует заледенелому лесу:

Продрогший и поникший,
Притих за полем лес.
В туманных далях слышен
Высокий звон небес.

(«Предзимнее»)

У С. Есенина лес такой же унылый и холодный. Поэту жалко его замерзших обитателей:

Сквозь деревья помертвелые
Чей-то слышен вой и свист.
То зима идёт сердитая –
Горе бедному зверью!

(«В ожидании зимы»)

Во всех стихотворениях В. Шестерикова о зиме наблюдается динамика событий, власть природы над человеком. Зима приходит в каждую деревню, в каждый дом, накрывает своим белым покрывалом всю землю, окутывает холодом все живое. Автор подчёркивает её одушевленность:

Вдруг снежная волна деревню
В глухую полночь понесла.

(«Стояли за окном деревья...»)

Зима у С. Есенина и В. Шестерикова это не только ласковый первый снег, но и свирепые вьюги и метели:

Плачет метель, как цыганская скрипка.
Милая девушка, злая улыбка...

(С. Есенин «Плачет метель, как цыганская скрипка...»)

Красота и власть есенинской зимы показана через олицетворение. Зима становится одушевленным персонажем:

Вот уж осень улетела,
И примчалась зима.
Как на крыльях, прилетела
Невидимо вдруг она.

(«Зима»)

Потом всё стихло, вся округа
Спала, не ведая забот,
Но до сих пор меня та вьюга

По свету белому несёт.

(В. Шестериков «Стояли за окном деревья...»)

Сани – это незаменимый атрибут деревенского быта. И С. Есенин, и В. Шестериков пишут о санях, как о чём-то сказочном. Сани как будто уносят автора в зимнюю сказку, давая ему возможность полюбоваться красотой природы, утопающей в снегу:

Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти березке каждой
Ножку рад поцеловать.

(С. Есенин «Мелколесье. Степь и дали...»)

Полёт саней по бездорожью для обоих поэтов напоминает детство. Воспоминания о санях заставляют С. Есенина забыть о настоящем, а В. Шестерикова – о том, что сейчас их заменили поезда и самолеты:

Наплевать мне на известность
И на то, что я поэт.
Эту чахленькую местность
Не видал я много лет.

(С. Есенин «Мелколесье. Степь и дали...»)

Не с тех ли пор у нас всегда
Есть ощущение полёта?
И вот – грохочут поезда,
Ревут турбины самолетов.

(В. Шестериков «Сани»)

Запах белого хлеба, желтизна златокосых колосьев, зелёные покосы – всё это дорого для человека с русской душой. Хлеб и С. Есенину, и В. Шестерикову напоминает родной край. Если в полях цветут колосья, значит, в крестьянской семье царят умиротворенность и достаток:

Снова тонет в копнах хлеба
Незапаханный мой край.

(С. Есенин «Гляну в поле, гляну в небо...»)

Наверно, это просто –
Нести всегда с собой
Колосья златокосые,
Степи седой покой.

(В. Шестериков «Наверно, это просто...»)

Во времена С. Есенина зерно сеяли и пахали вручную, во времена В. Шестерикова – комбайнами и тракторами. Но в каком бы веке не был посеян хлеб, он всегда будет пропитан тяжелым трудом пахарей:

О, я верю – знать, за муки
Над пропащим мужиком
Кто-то ласковые руки
Проливает молоком.

(С. Есенин «Гляну в поле, гляну в небо...»)

Хлеб, о котором пишут поэты, как будто вырос из солнца. Солнечные скирды отражаются в воде. Когда набираешь воду в ладони, капли как будто стекают лучами солнца:

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.

(С. Есенин «Край любимый! Сердцу снятся...»)

Скирдами из солнечных лучей
Убегает к горизонту поле.

(В. Шестериков «Полдень подремать в степи прилег...»)

Разотрёшь шершавый колосок –
И блеснут в ладонях капли солнца.

(В. Шестериков «Полдень подремать в степи прилэг...»)

Снизу поля утопающие в копнах хлеба, сверху голубое небо – это всё для поэтов ассоциируется с миром и тишиной. О голубом небе пишут оба поэта, и оба они восхищены его красотой, бездонностью, бесконечностью:

Гляну в поле, гляну в небо –
И в полях и в небе рай.

(С. Есенин «Гляну в поле, гляну в небо...»)

У С. Есенина небо коромыслом над землей повисло:

Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле.

(«Край любимый! Сердцу снятся...»)

Небо В. Шестерикова куполом накрыло землю:

Купол неба ясен и высок,
Выдалось погожее «оконце»

Творчество В. Шестерикова близко по тематике к поэзии С. Есенина. Оба поэта любили свою родину всей душой, восхищались ей и воспевали в своём творчестве. Именно поэтому наполняемость концепта «природа»

у них во многом одинакова. Этот концепт выражен через отношение поэтов к родному краю, его красотам – полям, лугам, лесам, степям, к временам года. Восприятие времен года у С. Есенина и В. Шестерикова поистине русское: они видят красоту зимнего леса, русской зимы, бездонность небес. Ценность хлеба для поэтов сравнима с ценностью солнца.

Список литературы

- 1 Есенин С. А. Собрание сочинений. М. : Детская литература, 1970.
- 2 Калмыков А. А., Коханова Л. А. Интернет-журналистика. М., 2005.
- 3 Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М., 1997.
- 4 Табакова З. П., Овчинникова К. Н. Структура и топология концепта «музыка» в поэтическом тексте // Слово в языке и речи : сборник статей. Кокчетав, 2013. С. 28-31.
- 5 Шестериков В. Г. Благодарю за всё, что было. Петропавловск : Масс-Медиа, 2000.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ И КОГНИТИВНОМ АСПЕКТАХ

Е.В. СЕМЁНОВА

(Санкт-Петербург, Россия)

Изучение терминов вызывает интерес лингвистов уже на протяжении довольно длительного времени. Термин – слово или словосочетание, призванное точно обозначить понятие и его соотношение с другими понятиями в пределах специальной сферы [1: 273-274]. Стремление к наиболее полному соответствию форм языка содержанию высказывания приводит к использованию многочисленных терминов. Несколько преувеличивая значение термина для развития языка научного повествования, Ш. Балли считает, что термин в области лексики и формула в области синтаксиса являются теми идеальными типами языкового выражения, к которым неизбежно стремится научный язык.

Неоднократно предпринимались попытки познания терминов в разных ракурсах, но особенно интерес вызывает когнитивный аспект изучения терминов, в рамках многозначности. Так, В.Н. Шевчук показывает, что даже в пределах одного семантического поля технический термин обнаруживает многозначность. С.П. Афанасьева, анализируя семантическую

структуру полисемантических существительных, приходит к выводу, что «полисемия – характерное для терминологии явление» [3: 118]. И.В. Арнольд полагает, что многозначность терминов объявляется главным недостатком терминологии [2: 56]. Таким образом, можно говорить, что явление полисемии необходимо изучать в различных областях науки, а «однозначность» – не свойство термина, а требование, к нему предъявляемое [8: 7]. Разработкой данного вопроса также занимались Ю.Д. Апресян, Н.Н. Болдырев, С.В. Гринев, Е.С. Кубрякова, В.Ф. Новодранова, Дж. Лаккофф, М. Джонсон и др.

Развитие когнитивного подхода к явлениям языка способствовало рассмотрению языковых форм как производных концептуализации мира человеческим сознанием, а их значений – как определённых структур знания, концептов, схваченных языковыми знаками [5: 31]. Как отмечает один из ведущих отечественных терминоведов С.В. Гринёв, «когнитивные штудии» являются одним из наиболее перспективных направлений терминоведческих исследований наряду с типологическим, а также традиционными формальным и семантическим анализом [4: 31]. Однако следует отметить, что, несмотря на большое количество работ в этой сфере, вопросы семантического и когнитивного анализа конкретных наук остаются нерешёнными. Из этого следует, что изучение терминосистемы психологической сферы имеет не только теоретическое, но и практическое значение как в плане пояснения законов формирования и функционирования отдельной терминологии, так и в определении ономаσιологических и когнитивных особенностей данной сферы.

В качестве примеров можно рассмотреть термин *депрессия*. Можно увидеть, как путём метонимического переноса реализуется полисемия в этом термине. Термин *депрессия* имеет широкую семантику и в английском, и русском языках. От лат. *depressio* – это подавленность, угнетённое состояние; а в психологии – аффективное состояние, характеризующееся отрицательным эмоциональным фоном; в экономике: *economic depression* – экономический спад; в торговле: *depression of trade* – упадок в торговле; в истории: *the (Great) Depression* – Великая депрессия; в астрономии – угловое склонение (небесного тела), а в географии – понижение местности, низина, впадина, в метеорологии – центр низкого давления [7: 56]. Основным признаком данного понятия – «падение вниз» – является мотивирующим фактором для образования новых значений. Также можно отметить, что

семантика английского термина гораздо шире семантики русского соответствия. Поэтому здесь возникает необходимость уточнения семантики терминов для осуществления адекватного перевода.

Терминологические системы английского и русского языков не обладают абсолютным тождеством. При более детальном рассмотрении обнаруживаются отличия не только в форме терминов, но и в их содержании. Термины могут отличаться и в семантическом отношении. Не всегда термин и его соответствие обладают семантическим равенством. Например, у связки терминов «attraction – аттракция»: «attraction – 1. the act, power, or property of attracting. 2. attractive quality; magnetic charm; fascination; allurements; enticement: the subtle attraction of her strange personality. 3. a person or thing that draws, attracts, allures. 4. a characteristic or quality that provides pleasure; attractive feature: The chief attractions of the evening were the good drinks and witty conversation. 5. Physics. the electric or magnetic force that acts between oppositely charged bodies, tending to draw them together. 6. an entertainment offered to the public» [7: 9]. «Аттракция (от англ. attraction – притяжение, тяготение) – установка на другого человека, это обуславливает интерес людей друг к другу. В соответствии с ней индивид вовлекается в совместную деятельность» [5: 22]. Значение английского термина шире значения русского термина. Русское соответствие заимствовано в узком значении «3. a person or thing that draws, attracts, allures, or entices». В связи с некоторой изолированностью психологических школ возможны различные взгляды и на сходную проблематику. Поэтому одно и то же понятие может обладать широкой вариативностью номинаций в разных языках.

Были проанализированы наиболее распространённые психологические термины. Это позволило сделать несколько предварительных выводов, которые могут послужить базой для дальнейшего исследования терминов психологической сферы. Количество однокомпонентных терминов в английском и русском языках превышает число многокомпонентных терминов. Более 95% однокомпонентных терминов – это термины-существительные, причём в русском языке их больше, чем в английском. Однокомпонентные и многокомпонентные термины в английском языке не всегда передаются структурно однородными терминами в русском языке. Самым распространёнными типами словосочетания для английской и русской психологической терминологии являются словосочетания

типа «Adjective+Noun» и «Noun+Noun». Наиболее устоявшиеся терминологические единицы в большинстве случаев переводятся с помощью транслитерации – 23% (Behaviorism, Bifurcation, Cancerophobia, Catharsis) или используются эквиваленты – 20% (Effeminacy, Deconditioning, Geriopsychosis). Термины словосочетания часто переводятся преимущественно путём калькирования – 19% (Continuous variability, Escape from reality, Image thinking). Был выявлен достаточно большой процент наличия в терминах полисемии – 18% (Bias, Entrancement, Fixation) и омонимии – 13% (Abstract, Captation, Fit). Также можно судить и о том, что чем более узкая область знаний, тем меньшее количество многозначных терминов мы встречаем, и соответственно наоборот. Очевидно, все это связано с информативной функцией психологии и необходимостью предельно точно изложить материал.

Психологический термин может быть «однословным и состоять из ключевого слова, или представлять собой терминологическую группу, в состав которой входит ключевое слово или ядро группы, одно или несколько, левых определений, и одно или несколько правых или предложных определений, уточняющих или модифицирующих смысл термина» [3: 201]. Зависимость значения термина от контекста возникает лишь при наличии в нём полисемии, т.е. если в данной области знания за термином закреплено более одного значения [3: 102]. Однако этот вопрос нуждается в более тщательных исследованиях для полного понимания терминов психологической лексики, так как аспект многозначности может иметь свои особенности в терминах, принадлежавшим разным отраслям данной науки.

Список литературы

- 1 Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. / Ю. Д. Апресян [и др.]. М. : Русский язык, 2003.
- 2 Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М. : Литература на иностранных языках, 1990. 259 с.
- 3 Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М. : Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
- 4 Гринёв С. В. Исторический систематизированный словарь терминов. М. : Изд-во Московского пед. ун-та, 2000. 144 с.
- 5 Кондаков И. М. Психологический словарь. М. : Прогресс, 2000.
- 6 Кубрякова А. С. Язык пространства и пространства языка. М. : Искусство, 1997.
- 7 Овчаренко В. И. Англо-русский психоаналитический словарь. М. : Просвещение, 2003.

ТИПЫ ОППОЗИЦИЙ В РАМКАХ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ РЕПРЕЗЕНТАНТОВ КОНЦЕПТА «RELATIVES» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

А.В. СКВОРЦОВА
(Санкт-Петербург, Россия)

Анализ языковых явлений с точки зрения когнитивного подхода способствует пониманию «чужого» мировидения, что, в свою очередь, позволяет учитывать знание о выявленных расхождениях для построения конструктивного диалога. Исследование национальной языковой картины мира предполагает анализ ключевых лингвоспецифичных концептов, то есть тех составляющих национального коллективного сознания, которые являются индивидуальными для данной конкретной нации и характеризуют способ мировидения этого народа.

Рассматриваемый в статье концепт отношений, без сомнений, присутствует как составляющая во всех этнонациональных менталитетах, так как у членов любой этнической группы есть представление о родственных связях, члены любого человеческого сообщества, так или иначе, вступают во взаимодействие. Но при сопоставлении значений хотя бы таких широко употребительных слов, как русское *родство* и английское *relatives* становится понятно, что их семантическое наполнение неравнообъёмно, а добавление синонимических рядов выявляет расхождения в способе концептуализации представлений о сфере межличностных семейных отношений.

Изучение структуры и определение компонентов содержания концепта «relatives» в английской лексической системе является важным для моделирования базовых концептуальных признаков, аккумулирующих знания о характере отношений, заключённых в определённой лексической единице и присутствующих в сознании человека. Исследование специфики основных лексических репрезентантов указанных концептуальных признаков и выявление соотносимых с ними концептосфер будет способствовать раскрытию когнитивных особенностей лексических репрезентантов данных концептуальных признаков. Что, в свою очередь, позволит

выявить их основные типы, провести лексико-семантическую классификацию лексических единиц, актуализирующих концепт “relatives”, охарактеризовать связи значений слов и соотносимой с ними реальной действительности, а также выделить главные типы мотивировочных признаков и тем самым определить, какие сферы деятельности, связанные с «*отношениями*», представляются человеку наиболее существенными.

Языковой знак *relatives* используется в современном английском языке для кодирования единого концепта, включающего в себя объединенные представления о межличностных отношениях, связях, взаимной отнесенности предметов и/или людей, их объединенность или противопоставленность на основе определённых признаков. Самоопределение человека в процессе его социализации, определение своего места в человеческом сообществе, будь то иерархические структуры или отношения на паритетных началах, отождествление себя с той или иной группой, связанная с этим самооценка – все это оказывает качественное влияние на процесс коммуникации. От того, как себя определяет человек, во многом зависит концептуализация воспринимаемой им информации, так как человеку свойственно определять положение вещей относительно себя. С другой стороны, способы концептуализации, предлагаемые тем или иным языком, в определённой степени обуславливают возможности самоопределения. Таким образом, изучение концептуальной сферы отношений представляется важной для выявления бессознательных моделей мировосприятия.

Концептуальное содержание объектов действительности представляет набор признаков и свойств этих объектов. В дальнейшем концепты подводятся под ту или иную категорию, то есть осуществляется процесс категоризации. Г.В. Токарев определяет категоризацию как процесс образования категорий или соотнесения с ними тех или иных смыслов, репрезентирующих их языковых единиц, отражающих наиболее обобщённые знания человека об устройстве, упорядоченности мира [4: 23]. Можно сказать, что категоризация, представляющая собой процесс объединения смыслов на основе общности определённых признаков, отражает индивидуальные/национальные особенности восприятия окружающей действительности.

Концептуальное значение слова принято рассматривать в соотношении с концептуальными значениями других слов. На основе внутренних смысловых отношений выстраиваются иерархические связи, объединения концептуальных признаков, ассоциаций, обеспечивающие оперативность

восприятия информации. Помимо понятийного компонента концепт включает в себя ещё и образный, ассоциативный и оценочный компоненты. Таким образом, объем содержания концепта и понятия различаются так же и по уровню абстракции.

Особенностью актуализации оценочного компонента концепта *relatives* является представленность аффективной оценки, совмещающей эмоциональное начало и рациональное суждение, которая относится к сфере таких концептов, как «свой – чужой», характерных для универсальных концептов, выражающих социальные отношения. Такой тип оценки чаще сближается с общеоценочными лексемами, что отмечено и в словарных толкованиях. Данная группа представлена лексемами, которые, обозначая собственные свойства объекта, включают в свою семантику и оценочный компонент, выражающий субъективное отношение к объекту [1: 149]. Однако группе лексем, входящих в содержание концепта *relatives*, не свойственна выражение дихотомии «свой – чужой», спецификой данного концепта является актуализация только концептуального признака «СВОЙ», что определяет положительную оценку всех репрезентантов данной группы.

Концепт *relatives* особенно интересен тем, что объединяет представления о родственных и межличностных отношениях. Это является выражением национальных особенностей восприятия окружающей действительности, поскольку, например, в русской языковой картине мира подобное понятие отсутствует. Русское понятие отношения подразумевает межличностные отношения, отношения на социальном уровне, но не включает представления о семейных связях, которое обозначается словом *родство*.

Содержание концепта *relatives* не ограничено строго, несмотря на выделяемые в качестве основных концептуальные признаки: связь, объединение, сходство, оно оставляет возможность для противопоставления и сравнения внутри группы. Связь и объединение осуществляются не на основе общности происхождения, но благодаря сходству иных признаков. Содержание *relatives* даёт возможность для построения внутрисемейной иерархии – то, каким образом соотносятся, какое положение по отношению друг к другу занимают члены семьи.

Рассмотрение парадигматических отношений, характерных для тех или иных лексических единиц, позволяет более полно выявить компоненты их значения, более целостно определить их содержание. Поскольку культурно-национальные особенности концептуализации находят выра-

жение в содержательной стороне языковых единиц, сопоставление семантических характеристик синонимов и членов антонимических пар, анализ смысловой структуры многозначных слов помогает проверить гипотезу относительно основных признаков концепта.

Что касается антонимических пар, то среди единиц, объективирующих концепт *relatives* их мало. В пределах объединения лексических объективаторов «родственные отношения» прямые антонимы полностью отсутствуют. Однако существует возможность анализа лексических единиц, не являющихся прямыми антонимами, за счёт построения оппозиций. Изначально оппозиции представляли собой аппарат фонологии, но в дальнейшем стали применимы и в лексикологии.

В Лингвистическом энциклопедическом словаре языковые оппозиции определяются как «лингвистически существенное (выполняющее семиологическую функцию) различие между единицами плана выражения, которому соответствует различие между единицами плана содержания, и наоборот» [3: 348]. И.В. Арнольд трактует понятие оппозиций как «семантически релевантное отношение частичного различия между частично сходными элементами языка» [2: 8].

Оппозиции в рамках объединения лексических актуализаторов «родственные отношения» можно условно разделить на линейные и иерархические (семейная иерархия). Такое деление представляется актуальным, поскольку изучаемый концепт включает в себя представления о положении, занимаемом членами группы, по отношению друг к другу. Занимаемое положение может характеризоваться, как равнозначное (тогда оппозиции обозначаются как линейные) и подчинённое, или более высокое (в этом случае оппозиции – иерархические).

Линейные оппозиции:

- *kinsman* (a male relative) – *kinswoman* (a female relative);
- *wife* (a man's partner in marriage) – *husband* (a woman's partner in marriage);
- *son* (a male offspring; a boy or man in relation to his parents) – *daughter* (a female offspring; a girl or woman in relation to her parents);
- *brother* (a male person having the same parents as another person) – *sister* (a female person having the same parents as another person);
- *uncle* (1 a brother of one's father or mother, 2 the husband of one's aunt) – *aunt* (1 a sister of one's father or mother, 2 the wife of one's uncle);

- nephew (a son of one's sister or brother) – niece (a daughter of one's sister or brother);
- grandmother (1 the mother of one's father or mother, 2 a female ancestor) – grandfather (1 the father of one's father or mother, 2 a male ancestor);
- grandson (a son of one's son or daughter) – granddaughter (a daughter of one's son or daughter);
- stepmother (a woman who has married one's father after the death or divorce of one's mother) – stepfather (a man who has married one's mother after the death or divorce of one's father);
- father-in-law (the father of one's wife or husband) – mother-in-law (the mother of one's wife or husband).

В данном случае построение оппозиций основывается на противопоставлении по признаку пола. Согласно концептуальным значениям приведённых выше единиц, половая принадлежность – единственный семантический признак, разграничивающий наименования, включённые в данные оппозиции. Эта группа является самой многочисленной. Однако, рассматривая более общие понятия в обозначении родственников, можно построить оппозиции, исходя из других дифференциальных семантических признаков. Например:

1) blood relation / blood relative / cognate / sib (one related by blood or origin; especially on sharing an ancestor with another – связанный родством по крови или происхождению, тот, кто имеет общего предка) – relative-in-law (a relative by marriage – связанный родством через брак);

2) agnate / patrikin / patrilineal kin / patrisib (one related on the father's side – родственник по линии отца) – enate / matrikin / matrilineal kin / matrisib (one related on the mother's side – родственник по линии матери);

3) next of kin (the person who is / or persons who are most closely related to a given person – тот, кто является наиболее близким родственником данного человека);

4) kissing kin / cousin (a more or less distant relative; familiar enough to be greeted with a kiss – дальний родственник в большей или меньшей степени достаточно знакомый для того, чтобы приветствовать поцелуем).

Первая оппозиция (1) демонстрирует деление всех наименований родственников на основе семантического признака кровного/некровного родства. Этот признак является дифференциальным и при сопоставлении основных денотативных семем (Д1) таких лексических единиц как,

например:

a) mother – 1) a female who has given birth to offspring – женщина (женская особь), давшая жизнь потомству 2) a person's own mother – своя мама;
mother-in-law – the mother of one's wife or husband – мать жены или мужа;

b) daughter – 1) a female offspring; a girl or woman in relation to her parents – ребёнок женского пола; девочка или женщина по отношению к родителям;

daughter-in-law – the wife of one's son – жена сына.

Несмотря на совпадающие элементы в лексемах, семемы этих слов имеют минимальные соответствия. Интегрирующие признаки указанных пар – это принадлежность к одному полу, одному поколению и, конечно, ведущий концептуальный признак, характеризующий данную лексико-семантическую группу, connection. Основное различие (дифференциальный признак) – характер связи (connection) – по крови или через брак;

c) uncle – 1) a brother of one's father or mother – брат отца или матери;
2) the husband of one's aunt – муж тети;

d) aunt – 1) a sister of one's father or mother – сестра отца или матери;
2) the wife of one's uncle – жена дяди.

Лексемы uncle и aunt, связанные с отличными по содержанию семемами, могут выражать (отражать) как кровное, так и некровное родство.

Разделение по признаку кровного/некровного родства даёт основания для дальнейшего противопоставления. Так, во втором примере (2) противопоставляются родственники со стороны жены и со стороны мужа. Родство мужа и жены обусловлено юридически или социально, их родственники «по крови» становятся друг для друга родственниками «по браку»:

- father-in-law – the father of one's a) wife or b) husband;
- mother-in-law – the mother of one's a) wife or b) husband;
- sister-in-law – the sister of one's a) wife or b) husband;
- brother-in-law – the brother of one's a) wife or b) husband.

В данном случае лексема остаётся неизменной, оппозиция же основывается на семных вариантах, заключённых в одной семеме и отражающих признак родства по мужу/жене.

Наконец, (3) и (4) из показанных оппозиций базируются на признаке близости. При этом close (close relative), имеющее в данном случае значение «near in relationship» (Collin's Dictionary), может, очевидно, предпола-

гать как близость родства «по оси координат» – прямое родство, так и эмоциональную близость, основанную на частоте и интенсивности общения. В таком случае признак «прямое/непрямое родство» представляет собой денотативный семантический признак, эмоциональная близость – коннотативный. Основываясь на дифференциальном признаке прямого/непрямого родства, можно составить следующие оппозиции:

- father (a male parent) – uncle (1. a brother of one’s father or mother 2. the husband of one’s aunt);
- sister/brother (a female / male person having the same parents as another person) – cousin (the child of one’s aunt or uncle);
- grandfather (the father of one’s father or mother) – great-uncle (an uncle of one’s father or mother; brother of one’s grandfather or grandmother).

В представленных примерах помимо указанного дифференциального признака наблюдается и ряд интегрирующих. В первую очередь – постоянный для данной группы признак связи (connection), а также признаки пола, возраста (поколения), при уточнении актуальной семемы (например, в случае uncle) может также проявляться признак кровного/некровного родства. При сопоставлении таких лексических единиц как, например, grandfather – aunt, к основному противопоставляющему семантическому признаку прямого/непрямого родства добавятся признаки половой и возрастной принадлежности.

Иерархические отношения:

parent (father – a male parent / mother – a female who has given birth to offspring)	↔	child (son a male offspring / daughter a female offspring)
parent	↔	offspring the immediate descend- ant or descendants of a person
grandpar- ents(grandfather/grandmother)	↔	grandchildren (grandson/ granddaughter)
ancestor someone from whom you are descended (usually more remote than a grandparent)	↔	descendant a person considered as descended from some ancestor or race

Иерархические построения основываются на признаке предшествования, первичности. Этот признак на уровне языковой семантики иллюстрируется, в частности, предлогами, показывающими направление from-to. Несмотря на иерархический принцип построения оппозиций, здесь отсут-

ствуется прямое указание на зависимость, подчинённое состояние тех, кто занимает нижестоящее положение в оппозиции, но при этом подчёркивается важность «вышестоящих».

Так, в словозначениях лексической единицы *mother*:

1) a female who has given birth to offspring – женщина, давшая жизнь потомству;

2) a female or thing that creates, nurtures, protects, etc. something – женская особь или предмет, который производит (является источником возникновения), питает, защищает что-либо (кого-либо) – можно выделить сему «источник» (источник жизни / тепла, заботы).

Ряд семем лексемы *father*

1) a male parent – родитель мужского рода;

2) a person who founds a line or family; forefather – основатель рода или семьи; прародитель;

3) a male who originates something – мужчина, являющийся основателем чего-либо;

4) *Brit.* the eldest or most senior member in a society, profession, etc. – самый старший (по возрасту или положению) член общества или представитель профессии – прямо указывают на признак первичности.

Построение оппозиций в рамках отдельного объединения концептуальных актуализаторов «родственные отношения» позволяет выявить особенности концептуализации данного отрезка знаний и представлений об отношениях и сравнить их со способами концептуализации представлений, объективируемых другими объединениями. Линейные оппозиции в данном случае основываются на признаке пола, что является существенным отличием от групп «социальные отношения» и «профессиональные отношения», где половая принадлежность выразителей отношений практически не акцентируется, так как функциональные различия мужчин и женщин не играют здесь столь важной роли. Так же существенным дифференциальным признаком в линейных оппозициях данной группы является деление на кровных и некровных родственников. Что касается иерархических оппозиций, то в данной группе они основываются на признаке предшествования, первичности, а не на признаке власти.

Таким образом, процесс определения содержания концепта *relatives* чётко показывает, как с когнитивной точки зрения лексические единицы, входящие в данную группу отражают опыт и оценки человека в сфере от-

ношений. Такой анализ лексической системы языка выводит на качественно новый уровень осмысления связи между денотатом и называющим знаком, когда говорящий получает возможность формировать и индивидуальную, и социальную языковую картину мира на тех основаниях, которые позволяют наиболее адекватно включиться в понимание национальной специфики лексической системы конкретного языка.

Список литературы

- 1 Андромонова Н. А., Балабанова И. Я. Оценочность как неотъемлемый компонент семантической структуры рекламного текста (на материале французского и русского текстов) // ВЕСТНИК ТГГПУ. 2011. № 4 (26). С. 148-153.
- 2 Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1999.
- 3 Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Сов. энциклопедия, 1990.
- 4 Токарев Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «труд» в русском языке). Волгоград : Перемена, 2003.

Словари

- 1 Collin's English Dictionary. Gloucester : HarperCollins Publishers Ltd., 2005.
- 2 New Webster's Dictionary. Dehli : Surjeet Publications, 1988.
- 3 Oxford Concise Dictionary of English Etymology. Oxford : Oxford University Press, 1996
- 4 Cambridge Advanced Learner's Online-Dictionary. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 01.02.2014).
- 5 Merriam-Webster Online Dictionary. URL: <http://www.m-w.com> (дата обращения: 01.02.2014).

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В НЕМЕЦКОМ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

О.А. СТЕПАНЕНКО
(Курган, Россия)

*То хорошо у нас, немцев, что
никто ещё не безумен
настолько, чтобы не найти
ещё более безумного, который
поймёт его.
Генрих Гейне*

Для культурологической лингвистики вполне закономерен особый интерес к этнокультурному стереотипу – «обобщённому представлению о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ» [3: 108]. Этнический стереотип – важнейшая составляющая национального характера. Под национальным характером, вслед за Ю.П. Платоновым, понимаем «исторически сложившуюся совокупность устойчивых психологических черт представителей той или иной этнической группы», проявляющихся, в том числе, «**в их отношении к своей и другим этническим общностям**» [4: 199] (выделено здесь и далее нами – О.С.)

К феномену этнокультурных стереотипов обращаются в своих работах многие отечественные учёные, среди которых – Д.Б. Гудков (2003), В.И. Карасик (2000), Т.М. Николаева (2000), В.В. Красных (2003), Е.В. Баббаева (2004), Г.Д. Гачев (2008). Интересные наблюдения относительно разновидностей этнокультурных стереотипов и их языкового выражения в немецком контексте содержатся, на наш взгляд, в исследованиях таких немецких авторов, как Ута М. Квастхофф (1989), Р. Райер (1995), Х.Д. Шлоссер (1992), В. Вагнер (1996), Г. Баузингер (2000), Г.-Д. Гельферт (2005), М. Матуссек (2007).

Являясь одной из форм этнического сознания, этнокультурные стереотипы подразделяются по определённому параметру – «по принадлежности субъекта стереотипизации к объекту, т.е. определённой социальной группе» [6: 125]. Речь идёт об автостереотипах (суждениях о себе и «своих») и гетеростереотипах (суждениях о «чужих»). Архетипическая оппо-

зиция «свой – чужой» предполагала чёткое противопоставление «своих» и «чужих». Базовый архетип отличался завидным постоянством в плане оценки: «своё» всегда оценивалось положительно, «чужое» – отрицательно. Логично предположить, что автостереотипы «излучают» исключительно положительную коннотацию, гетеростереотипы – отрицательную коннотацию. Так, по результатам опроса, проведённого в Германии в 1998 г., наиболее частотными названными оказались следующие типично немецкие черты: *Zuverlässigkeit*, *Fleiss*, *Perfektion*, *Ordnung*, *Pünktlichkeit*, *Passivität*, *Umständlichkeit*, *Arbeitseifer*, *Disziplin* [1]. Перечисленные автостереотипы характеризуют немцев преимущественно с положительной стороны, за исключением «пассивности».

Этнокультурные стереотипы нерасторжимо связаны с немецким (в нашем случае) социумом, всеми происходящими в нём изменениями, продиктованными различными причинами, включая политические, экономические, демографические, экологические и даже техногенные. В этой связи следует отметить определённые динамические тенденции, которые проявляются в различного рода трансформациях авто- и гетеростереотипов. Особого внимания в немецком культурном пространстве заслуживают, прежде всего, автостереотипы в силу их гетерогенной природы в рамках одной лингвокультуры.

Анализируя немецкие этнические стереотипы – объект нашего исследования, мы обращаемся к ценностям, выступающим, по справедливому замечанию, «точкой отсчёта в процессах стереотипизирования» [4: 242]. Феномен ценности, недоступный для непосредственного наблюдения, репрезентируется такими релевантными, по мнению Е.В. Бабаевой, явлениями, как нормы, идеалы, убеждения, ориентиры, ожидания, представления и т.д. [1]. Непосредственное обращение к идеалам, убеждениям и представлениям немецкого этноса становится возможным, на наш взгляд, в контексте изучения его стереотипов.

Цель данной статьи – проанализировать автостереотипы в их динамике. Материал исследования – фразеологические единицы, поговорки, немецкие этнические анекдоты, художественные и публицистические произведения современных немецких авторов. Кроме того, важными источниками информации об автостереотипах немцев последних лет являются интернет-порталы немецких газет и журналов и блоги.

Позволим себе несколько замечаний относительно истории исследо-

вания стереотипов. С одной стороны, можно констатировать репрезентативный перечень работ, посвящённых данному явлению и выполненных в самых различных сферах научного знания, что отмечают, например, В.З. Демьянков, В.В. Красных. С другой стороны, до сих пор наблюдается отсутствие единого понимания термина «стереотип» и неоднозначное отношение к этому феномену.

Бытует мнение, согласно которому «не решены даже основные вопросы» относительно проблематики стереотипа [5: 7]. Подобная точка зрения не лишена оснований. Существует, например, негативное отношение к стереотипному мышлению в противовес мышлению творческому: понятие стереотипа в данном случае ассоциируется с понятием однообразности, подчеркнём – в сфере художественной литературы. Причину неприятия стереотипа можно усматривать и в особом внимании исследователей к гетеростереотипам с отрицательной коннотацией, что оказывает негативное влияние на адекватность понимания других этносов в процессе межкультурного общения.

Приведём в «защиту» стереотипов мнение авторитетного немецкого автора, профессора, специалиста по общему языкознанию и дидактике Уты Квастхофф. С её точки зрения, стереотипы, являясь «вербальным выражением» стандартного мнения о социальных группах или отдельных лицах – их представителях, обеспечивают «нормальное социальное существование», а их наличие обеспечивает «нормальную переработку информации». Каждая из функций стереотипов, «определяемая как когнитивная, аффективная или социальная, не только в определённой степени безобидна, но и необходима» [13: 38]. В данном случае, на наш взгляд, находит своё подтверждение мысль У. Липпманна, впервые употребившего понятие «стереотип» в научном обиходе.

Таким образом, едва ли можно обойтись без стереотипов, если учесть ещё и тот факт, что этнокультурные стереотипы, выражающие своеобразие и непохожесть на других, служат своеобразной защитой групповых ценностей. Данный тезис озвучен, например, в работе Клауса Рота [14: 23-25], по мнению которого, стереотипы не только вызывают эмоции и постоянно воспроизводятся, но и **содействуют созданию национальной идентичности**. Важность автостереотипов для немцев с этой точки зрения несомненна, т.к. ни один народ Европы не предстаёт настолько «зацикленным», если можно так выразиться, на постоянном поиске националь-

ной идентичности, как немцы. О непрерывном стремлении немецкого этноса найти «определение своей сущности» читаем в рецензии Х. Йеннеряна на книгу Х.-Д. Гельферта: «Kein anderes Volk Europas scheint so unablässig nach der Bestimmung des eigenen Wesens gesucht zu haben, was für sich schon als typisch deutsch gilt» [10]. Данное утверждение более чем обосновано: факт постоянного поиска своей идентичности широко признается немцами, что находит отражение в активных дискуссиях на блогах в интернете, в научных исследованиях, в публицистике и произведениях художественной литературы [7: 80-90]. В качестве квинтэссенции подобного поиска можно рассматривать вопрос, заданный немцем своему другу: «Was ist das deutscheste an mir?» и не менее однозначный остроумный ответ: «Die Frage, natürlich» [16: 417].

Обращаясь к стереотипам немецкого этноса, нельзя обойти вниманием наличие различных автостереотипов восточных и западных немцев, сосуществовавших и, в определённой мере, продолжающих сосуществовать в рамках одной лингвокультуры. «Раскол» Германии, ставший давно историей, нашёл соответствующую языковую репрезентацию и в автостереотипах. Так, по данным В. Вагнера, западные немцы считали себя «самостоятельными, независимыми, чувствительными, аутентичными, критичными» (selbständig, unabhängig, sensibel, authentisch, kritisch), восточные немцы – «сердечными, чувствительными, расположенными» (herzlich, gefühlvoll, zugewandt) [15: 162] – (перевод наш – О.С). Может показаться на первый взгляд, что их объединяет такое качество, как «чувствительность», однако, если обратиться к словарным дефинициям лексем «sensibel» и «gefühlsvoll», то это не совсем так: sensibel означает «чувствительный» в смысле «впечатлительный», gefühlsvoll – «чувствительный» – синоним лексеме «сердечный». Вполне логично, что данные автостереотипы не совпадают с мнениями немцев друг о друге: для восточных немцев, например, западные немцы предстают «холодными, расчётливыми, ненадёжными, заикленными, сложными» (kalt, berechnend, unzuverlässig, verspinnen, kompliziert). Западные немцы в долгу не остаются и считают восточных немцев «старомодными, неадекватными, наивными, сентиментальными (altmodisch, unreflektiert, naiv, gefühlsduselig). Наблюдается некоторая «монотонность» как автостереотипов – с преобладающей положительной коннотацией, так и гетеростереотипов – с преобладающей негативной коннотацией. К сожалению, восточные и западные немцы высту-

пают друг для друга в роли «чужих». В данном контексте вполне оправданно прозвучат слова Ю.П. Платонова, обращённые, правда, к различным этносам: «То, что применительно к собственному народу называется разумной экономией, применительно к другим может именоваться скупостью» [4: 240]. Таким образом, один и тот же психологический комплекс получает принципиально различное название, в смысловой структуре которого, в зависимости от отношения, преобладает положительная или отрицательная коннотация.

В процессе изучения автостереотипов немецкого этноса мы получаем представление о ценностях, воплощённых в идеалах и убеждениях немцев. Существуют ли «вечные истины» в контексте автостереотипов? Какие из них претерпели определённые трансформации в связи с изменениями, порой глобальными, в жизни немецкого этноса? Для ответа на эти вопросы были проанализированы различные материалы, среди которых и результаты социологических опросов, и мнения таких немецких публицистов и писателей, как М. Энде, Х. Кенигсдорф, М. Матуссек, Г.-Д. Гельферт и другие.

Следует отметить, что глобальные изменения в различных сферах жизни немецкого этноса сопровождаются, как правило, изменениями в самосознании немцев. Автостереотипы, на наш взгляд, можно рассматривать в качестве индикаторов подобных изменений.

В своей книге «Was ist deutsch? Wie die Deutschen wurden, wie sie sind» немецкий переводчик и писатель Г.-Д. Гельферт [9] размышляет над тем, как изменились немцы и как они сами к этому относятся. Такие суждения относительно немцев или гетеростереотипы, как «прилежание, воинственность, национализм, отсутствие чувства юмора» (Fleiss, Autoritätsgelöhrigkeit, Militarismus, Nationalismus, Humorlosigkeit), на взгляд автора книги, не выдерживают критики. При этом он не пытается дать неопровержимую и бесспорную характеристику тех особенностей, которые присущи немцам как этносу. Свою цель Г.-Д. Гельферт видит в том, чтобы показать особенности менталитета немцев, а не выявлять их национальную идентичность. Говоря о ценностях, актуальных в немецком культурном пространстве, автор отмечает 30 «исходных слов» или «слов истины» – «Urworte», среди которых: Heimat, Gemütlichkeit, Geborgenheit, Feierabend, Verein, Ordnung, Pünktlichkeit, Sauberkeit, Sparsamkeit, Tüchtigkeit, Fleiss, Ernsthaftigkeit, Gründlichkeit, Pflicht, Treu und Redlichkeit, Schutz und Trutz,

Innigkeit, Einfalt, Weltschmerz, Sehnsucht, Tiefe, Ursprung, Wesen, Ehrfurcht, Tragik, Totalität, das Absolute, Staat, Wald und Weihnacht. Таким образом, «слова истины» для него – от Родины (Heimat) и Уюта, Добродушия (Gemütlichkeit) через Усердие и Долг (Fleiss und Ordnung) – к Рождеству и Мировой скорби (Weihnachten und Weltschmerz). Понятия «Верность», «Честность» («Treue», «Redlichkeit») были буквально «усыновлены» немцами, как образно и с самоиронией замечает в своей рецензии Хартмут Йеннерян [10], причём «немецкая верность» воспринималось немцами как качественно иное понятие, отличающееся (без веских на то оснований) от понятия «верность» у других наций.

Другой рецензент, Клаус Хюбнер в статье «Sind die Deutschen noch deutsch?» – «Являются ли немцы ещё немцами?», посвящённой той же книге Г.-Д. Гельферта, не без оснований полагает, что нельзя однозначно сказать, что немцы воспринимают себя как народ, которому свойственны «сознание долга, пунктуальность, усердие» – «ein Volk von Pflichtbewussten, Pünktlichen und Fleissigen». Едва ли справедливым будет и другое утверждение, что немцы – «самые ленивые в мире, с многочисленными праздниками, долгосрочными отпусками, мощными незаслуженными дотациями и роскошными пенсиями чиновников» – «Oder die Faulsten der Welt, mit zahlreichen Feiertagen, wochenlangen Urlauben, kräftigen Gehaltszulagen für nichts und wieder nichts und üppigen Beamtenpensionen?» [11].

Вспомним в этой связи, что поскольку «важнейшими характеристиками стереотипов со времен У. Липпманна считаются их неточность, ложность и эмоционально-оценочный характер» [2: 230], то любое из этих суждений весьма субъективно, независимо от его положительной или отрицательной коннотации, и его можно оспорить.

Итак, все суждения относительно менталитета народа носят субъективный характер, субъективны и этнокультурные стереотипы. С одной стороны, есть определённое влияние давних традиций, которое выражается в «остатках» прежнего образа, характеризующих и сегодня в определённой степени особенности мышления и чувственного мировосприятия немцев. С другой стороны, не следует заниматься «спекулятивными домыслами». Едва ли сегодняшних немцев, которые ведут и воспринимают себя нормальными европейцами, привлекает тоталитаризм, милитаризм и национализм. Для них важна мирная жизнь, возможность заработать и потратить деньги. Они осознают целесообразность самого необходимого, в

то же время стремятся к устранению излишних условностей. Времена немецкого обывателя, имя которого – «der deutsche Michel», канули в лету.

Таким образом, автостереотипы немцев, несмотря на определённую устойчивость, меняются в силу динамической природы, присущей им, как и самому этносу. Справедливы, на наш взгляд, слова Г. Баузингера: «стереотип – некритическое обобщение, **относительно** устойчивое к изменениям» [8: 160]. Немцы давно не считают себя «аккуратными» или «пунктуальными», но и большого сожаления по этому поводу не испытывают.

Как и прежде, немцы, в отличие от других этносов, больше «привязаны» к государству. Несмотря на недоверие, в немецком контексте ощущается «скрытая немецкая тоска по справедливому отеческому государству», что проявляется, например, в более глубоком разочаровании, по сравнению с другими этносами, в случае неоправдавшихся надежд.

В силу глобальных изменений в современном мире многие стереотипы «рушатся» буквально на глазах. Сегодняшняя Германия ассоциируется с новым поколением немцев, для которых слово «патриотизм» не является синонимом слову «нацизм». Молодые немцы не опасаются, что их заподозрят в чём-то предосудительном, если они будут болеть за свою футбольную команду. По словам Ханни Хюш (Hanni Hüsч), немецкой журналистки, работающей для немецкого канала ARD в США, немцев «уважают, но не любят». Стремление немцев добиться понимания и расположения к себе со стороны других народов звучит лейтмотивом в немецкой культуре. Доказательством повышенной эмоциональности и относительной устойчивости, которые свойственны этнокультурным стереотипам, могут служить как слова великого Г. Гейне, приведённые в качестве эпиграфа к нашей статье, так и современные произведения немецких авторов, например, книга М. Матуссека: «Wir Deutschen. Warum uns die anderen gern haben können» [12].

Сочетая в себе, с одной стороны, застенчивость, устойчивость и глубину, с другой стороны, – гибкость, подвижность и поверхностность, этнокультурные стереотипы неизбежно трансформируются, уступая дорогу новым тенденциям, которые укрепляются в сознании немцев, формируя их современное национальное самосознание.

Список литературы

1 Бабаева Е. Н. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира. URL: <http://31f.ru/dissertation/page7->

- dissertatiya-lingvokulturologic (дата обращения: 15.12.2013).
- 2 Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : ИТДГК «Гнозис», 2003.
 - 3 Маслова В. А. Лингвокультурология. М. : Академия, 2001.
 - 4 Платонов Ю. П. Основы этнической психологии : учебное пособие. СПб. : Речь, 2003.
 - 5 Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. 5-е изд. М. : Издательство ЛКИ, 2008.
 - 6 Сорокина Н. В. Методическая типология стереотипов как компонент содержания обучения иностранным языкам в вузе. URL: [http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349304\(23\)image/23-120.pdf](http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349304(23)image/23-120.pdf) (дата обращения: 15.12.2013).
 - 7 Степаненко О. А. Поиск идентичности как константа немецкой культуры // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. Филология. 2003. Т.7, № 1. С. 80-90.
 - 8 Bausinger Hermann. Stereotypie und Wirklichkeit // Jahrbuch für Deutsch als Fremdsprache. 14, 1988. S. 160-165.
 - 9 Gelfert Hans-Dieter. Was ist deutsch? Wie die deutschen wurden, was sie sind. München : C. H. Beck, 2005.
 - 10 Jennerjahn H. Bestandsaufnahme über Deutschland. URL: <http://www.deutschlandradiokultur.de/bestandsaufnahme> (дата обращения: 16.12.2013).
 - 11 Hübner K. Sind die Deutschen noch deutsch? URL: www.literaturkritik.de (дата обращения: 15.12.2013).
 - 12 Matussek Matthias. Wir Deutschen. Warum uns die anderen gern haben können. Fr./M : Fischer Taschenbuch Verlag, 2007.
 - 13 Quasthoff U.M. Ethnozentrische Verarbeitung von Informationen: Zur Ambivalenz der Funktionen von Stereotypen in der interkulturellen Kommunikation // Wie verstehen wir Fremdes? Aspekte zur Klärung von Verstehensprozessen. München, 1989. S. 37-62.
 - 14 Roth Klaus. Bilder in den Köpfen. Stereotypen, Mythen, Identitäten aus ethnologischer Sicht // Valeria Heiberger: Das Bild von Anderen. Fr./M. u.a., 1999. S. 21-43.
 - 15 Wagner W. Kulturschock Deutschland. Hamburg : Rotbuch Verlag, 1996.
 - 16 Wells Chr. J. Schafft Sprache kulturelle Identität? // Sprachgeschichte als Kulturgeschichte. Berlin, New York, 1999. S. 418-423.

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В АНЕКДОТАХ О ЮРИСТАХ И ИХ КЛИЕНТАХ

Е.В. ТУЛИНА
(Магнитогорск, Россия)

Анекдот чаще всего, если не сказать всегда, представляет собой отражение того или иного стереотипа, сложившегося в обществе. Анекдот по-

стоянно «вбирает» в себя идеологические и социальные стереотипы, обыгрывает их [1: 79]. Так как стереотипные представления, например, в русском и английском обществах различны, то и русские и английские анекдоты будут отличаться теми представлениями о предмете высмеивания, которые выработались и закрепились за многие годы в той или иной лингвокультурной среде.

Социальный стереотип проявляется как в форме стереотипа мышления, так и стереотипа поведения личности. Он возникает на основе спонтанных чувств и эмоций, но определяется всё же естественными условиями развития людей, закреплёнными в коллективном сознании [2: 337].

В когнитивной лингвистике и в лингвокультурологии термин «стереотип» относится, прежде всего, к содержательной стороне языка и культуры, то есть понимается как ментальный стереотип, и коррелирует с «наивной картиной мира». Они выступают в роли хранителей определённых свойств реалий, существенных для определённой лингвокультурной общности или целостных ареалов, связанных единством культуры.

Социальный стереотип – устойчивое психическое образование, в котором схематизированно, упрощенно и эмоционально отражается некоторый достаточно сложный факт действительности, прежде всего образ какой-либо социальной группы или общности, с лёгкостью распространяемый на всех её представителей. Стереотипы являются чувственно окрашенными образами, аккумулирующими в себе социальный и психологический опыт общения и взаимоотношений индивидов [3: 131].

Стереотип рассматривается как суперфиксированное, суперустойчивое даже перед лицом реального опыта, опровергающего его, представление об объекте или категории объектов (явлений, процессов) действительности, содержащееся в сознании отдельных личностей или целых социальных групп [4: 124].

Рассмотрев различные точки зрения, можно дать ещё одно, расширенное и уточненное, определение понятия «*стереотип*», которое наилучшим образом соответствует предмету нашего исследования: стереотип – это такое явление языка и речи, такой стабилизирующий фактор, который позволяет с одной стороны, хранить и трансформировать некоторые доминантные составляющие данной культуры, а с другой – проявить себя среди «своих» и одновременно опознать «своего» [5: 102].

Социальных стереотипов много, большинство из них отражено в анек-

дотах, так как стереотип под влиянием культурной деятельности укоренился в сознании человека и выражается с помощью языковых средств. Анекдот является лаконичным способом текстового выражения стереотипов.

Профессиональная деятельность является одной из основных видов деятельности людей, поэтому профессиональным анекдотам принадлежит значительное место в корпусе анекдотов. Стереотипизация в них затрагивает основы профессиональной деятельности: компетентность – некомпетентность, соблюдение прав – выполнение обязанностей и т.д. Кроме того, можно говорить о том, что статус той или иной профессии и её популярность отражаются в количестве анекдотов, посвящённых той или иной профессии.

Стереотип напрямую зависит от характера взаимоотношений между членами общества и представителями той или иной профессии. Конечно, стереотипы, сложившиеся по отношению к той или иной профессиональной группе, не всегда отражают их истинную суть, ведь стереотип – это примитивное суждение, приняв его, мы как бы навешиваем популярный «ярлык» на многовариантный образ.

В анекдотах о профессиональной деятельности прослеживается общность тех проблем, с которыми сталкиваются герои анекдотов различных лингвокультурных социумов, похожесть ситуаций, в которых оказываются основные действующие лица, однако в силу существующих стереотипов анекдоты различных народов либо предлагают нам полярные решения сходных проблем, либо отличаются способами реализации комического.

В англоязычной лингвокультурной среде и, соответственно, в британских и американских анекдотах давно и достаточно часто героями анекдотов стали юристы. Стереотипизация профессиональной деятельности юристов традиционна в англоязычной лингвокультурной среде, в то время как в русском обществе этот процесс ещё не завершился.

В анекдотах юристы аморальные, безнравственные, беспринципные и алчные люди, готовые за деньги предать и продать своих близких родственников, пожертвовать их интересами ради своих. Юристов считают безбожными людьми: для них продать душу дьяволу – не такой большой грех, ради успеха можно пожертвовать и этим.

One evening a lawyer was sitting in his office going over a case that he was working on when the DEVIL appeared in front of his desk. The DEVIL said, "I want to make you an offer.....I'll give you an annual eight figure in-

come.....a corner office.....a mansion in the country....a townhouse.....maids.....limo service.....and a faithful wife. All I ask in return is your eternal soul when you die." Well.....the lawyer sat back thoughtfully.....puzzled over the offer and finally said, "OK, What's the catch?"

Похожий анекдот существует и в русском языке:

К молодому, подающему надежды юристу явился дьявол и говорит:

– Ты будешь самым знаменитым юристом в мире, не проиграешь ни одного дела, состояние твое будет увеличиваться с каждым днём, но за это ты мне отдашь свою душу и души твоих детей!

Адвокат задумался.

– Ну что ты так долго думаешь?

– Да я всё думаю, где же здесь подвох?

Смысл американского и русского анекдотов одинаков, оба они отражают один и тот же стереотип, но различны по структуре. В американском анекдоте чётко прослеживается градация тех жизненных ценностей, которыми дорожит адвокат и о чём он только может мечтать. Дьявол использует чисто деловую лексику: *to make you an offer, give you an annual eight figure income*, настраивая адвоката на деловой лад, предлагая сделку. Все его предложения понятны и достаточно чётко представлены в цифровом эквиваленте: *I'll give you an annual eight figure income* «доход, выраженный восьмизначным числом», *a mansion in the country* «особняк за городом» и *a townhouse* «дом в черте города», *maids* «прислуга», *limo service* «лимузин» и *a faithful wife* «верная жена» – вот к чему, по мнению американцев, всю жизнь стремится адвокат. Всё это у него уже есть, либо нетрудно получить.

У русского адвоката всё проще, предел его мечтаний – не проиграть ни одного дела и постоянно увеличивать свой доход. Русский анекдот менее конкретен, но заключительные фразы анекдотов совпадают.

В русских анекдотах адвокат стереотипно хитер, изворотлив, не побрезгует ничем, чтобы выиграть процесс, способен поступиться правдой, лгать под присягой, придумывать умопомрачительные аргументы в пользу своего клиента, красноречив, может любое дело представить в выгодном для своего подзащитного свете. Национальной спецификой русского анекдота об адвокатах является та лёгкость, с которой страж порядка нарушает закон.

– Подсудимый, почему вы отказались от своего признания?

– Адвокат убедил меня, что я невиновен.

Комический эффект анекдота основывается на использовании алогизма. В данном случае нелепой выглядит ситуация, когда от своего признания подсудимый отказывается не потому, что он не совершил преступление, а из-за того, что адвокат убедил его в этом.

– *Ваша честь, можно ли наказать человека, если он ничего не сделал?*

– *Конечно, нет.*

– *Вот мой подзащитный и не платил налоги.*

Неожиданность, использование полисемии, языковая игра становятся в анекдоте орудием адвоката, который способен манипулировать ими для достижения своей цели: убедить всех в невиновности подзащитного, даже если все и сам он в том числе, уверены, что он виновен: – *он ничего не сделал – не платил налоги.*

Адвокат выступает в суде:

– *Уважаемые господа! Прежде, чем вы вынесете вердикт моему подзащитному, я хотел бы обратить ваше внимание на то, что он глухой и, следовательно, не мог слышать голоса своей совести.*

Юмористический эффект анекдота основан на расхождении между прямым и переносным значением выражения «слышать голос совести».

Адвоката интересуют только деньги, клиент для представителя данной профессии – источник непрерывного и зачастую немалого дохода. Адвокаты умеют затягивать и запутывать любое дело, если очевидно, что из клиента ещё можно «тянуть» деньги.

Судья – подсудимому:

– *Почему вы не взяли себе защитника?*

– *Все адвокаты отказываются вести моё дело, как только узнают, что я действительно не брал пять миллионов.*

Анекдот базируются на алогизме – конец анекдота *Все адвокаты отказываются вести моё дело, как только узнают, что я действительно не брал пять миллионов* кажется абсурдным, так как первоочередной задачей адвоката является защита невиновного.

Во многих британских и американских анекдотах адвокаты – мошенники и авантюристы, они замешаны во всех смертных грехах и даже на небеса адвокаты попадают лишь раз в несколько сотен лет.

One day, two people died at the same time.....the Pope and a lawyer. Both being good men they were greeted at the pearly gates by St. Peter who showed

them around. The lawyer was given a fantastic place to live...gold apartments, plush everywhere, and the best champagne. Then St. Peter showed the Pope where he would live. It was nice, but it had none of the luxuries the lawyer got. "I don't mind this place," said the Pope. "But I don't understand why the lawyer is being treated so much better than me.....a Pope." "Well," said St. Peter, "we have hundreds of Popes up here, but this is the first lawyer we've had in hundreds of years!"

Умирают в один и тот же день Папа и адвокат. Будучи хорошими людьми, они попадают в Рай, где их встречает апостол Петр. Адвокату достались шикарные золотые апартаменты, всюду роскошь и лучшее шампанское. Апостол Петр показал Папе, где он будет жить. Той роскоши, которая была у адвоката, не было. «Я не возражаю», – сказал Папа. «Но я не могу понять, почему с адвокатом обращаются намного лучше, чем со мной». Апостол Петр ответил ему, что у них в Раю сотни Пап, но не было ни одного адвоката за сотни лет.

Комизм анекдота проявляется в неправдоподобной ситуации: адвокат в Раю.

В анекдоте, где адвокат попадает в Ад, реализуется стереотипное представление о судопроизводстве: в суде много проволочек, переносов дел, и в этом анекдоте отражается стереотип о том, что адвокаты работают по свободному графику, особенно не утруждают себя, они сами способны затягивать дела.

A lawyer dies and of course goes to hell. He was pleased to discover, however that he could continue to practice law. As a matter of fact, he was quite surprised to learn from the Devil that setting dates on the court calendar required only days rather than the weeks or months that he was used to in the Earthly courts.

"How can things move so swiftly down here?" He asked the devil.

"Well," answered the Devil, "you must remember that we have PLENTY of judges and lawyers to go around!"

Адвокат умирает и, конечно же, попадает в Ад. Он рад заниматься адвокатской деятельностью и там, но удивился, когда узнал от Дьявола, что даты судебных слушаний здесь назначаются быстрее и чаще, чем на земле. Если там требовались недели и даже месяцы, то в Аду – считанные дни. Дьявол ответил, что процедура упрощена, поскольку в Аду много судей и адвокатов.

Изворотливость адвокатов не знает границ, порой аргументы, которые он использует в суде в защиту обвиняемого, нелепы.

Адвокат возмущенно говорит судье:

– В прошлый раз вы осудили этого человека за то, что он совершил кражу среди белого дня. В этот раз за то, что коварно обманул людей, забравшись к ним ночью. Спрашивается: когда же моим подзащитным воровать?

В анекдоте используется алогизм, в котором последняя реплика построена на соблюдении правил логики, но не соблюдении закона.

Адвокат выступает в суде:

– Господин судья, если человек имеет восемнадцать судимостей, то это уже не преступник.

– А кто же он?

– Коллекционер.

Вместо ожидаемого ответа «рецидивист» адвокат говорит «коллекционер». Парадокс заключается в коллекционировании преступлений.

Анекдоты об адвокатах появились в России недавно как ответ на изменяющуюся лингвокультурную ситуацию. Стереотипы в анекдотах о профессиональной деятельности юристов универсальны. В анекдотах адвокаты алчны, корыстолюбивы, хитры и изворотливы, умеют запутать самое простое дело, способны на авантюры и защитить даже самого дьявола ради денег.

Русские анекдоты о юристах собирательны, в них нет подробностей, редко употребляется специальная терминология, отсутствует конкретизация наименований представителей юридических профессий, которая характерна для британских и американских анекдотов о профессиональной деятельности юристов. В англоязычных анекдотах встречается большое количество уточняющих названий юридических профессий: attorney, lawyer, legal representative, judge, coroner, notary, public prosecutor, другие. В русских анекдотах героями являются *юрист, судья* или *адвокат*.

Кроме того, в англоязычных анекдотах уточняется время происходящих событий, место действия, имена действующих лиц, что делает эти анекдоты, в отличие от русских, более реалистичными и конкретными, отражая основные черты национального характера и определённую систему ценностей – стремление к точности во всём, особенно в том, что касается благосостояния британских и американских юристов. Русским же

анекдотам этой серии присуща большая абстрактность, обобщённость и неопределённость. Кроме того, в русских анекдотах проявляется свойственное русским людям пренебрежительное отношение к закону.

Список литературы

- 1 Архипова А. С. Анекдот и его прототип: генезис текста и формирование жанра : дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 126 с.
- 2 Бралина С. Ж. Стереотип в концептосфере фольклора // Мир человека и мир языка. Кемерово, 2003. Вып. 2. С. 333-339. (Сер. «Концептуальные исследования»)
- 3 Платонов Ю. П. Этническая психология. СПб., 2001. 320 с.
- 4 Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М. : Изд-во ИКАР, 1997. 228 с.
- 5 Тулина Е. В. Способы реализации универсальных и национально-культурных особенностей анекдота : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 176 с.

КОНЦЕПТ „ANGST“ („ÄNGEST”) В ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ

В.Ф. УЛЬЯНИН, О. MARAL
(Курган; Wien, Österreich)

Данное исследование посвящено анализу средств объективации концепта “**Angst**” (“**ängest**”) в новелле Стефана Цвейга “**Angst**” и в повести Пера Лагерквиста “**Bödeln**”. Ограниченный объём статьи позволил рассмотреть только лексические средства реализации концепта “**Angst**” (“**ängest**”).

Важно отметить, что концепт “**Angst**” (“**ängest**”) – *эмоциональный концепт*. Основательно этим видом концептов занимается Н.А. Красавский. Он дефинирует понятие «эмоциональный концепт» как «*этнически, культурно обусловленное, сложное культурно-смысловое, ментальное, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо понятия образ, культурную ценность и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации предметы мира, вызывающие пристрастное к ним отношение человека*» [2: 52].

Н.А. Красавский вплотную занимается этимологией эмоциональных концептов, мы же исследуем лексическую актуализацию индивидуально-

авторского концепта в художественно-литературном дискурсе. Под концептом (вслед за С.Г. Воркачёвым) мы понимаем «...синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению и включившее их в себя в «снятом», редуцированном виде – своего рода «гипероним последних» [1: 31]. Наше рабочее определение вышеназванного дискурса: коммуникативное пространство, объединяющее и, в то же время, различающее тексты художественной литературы различных объёмов, родов, жанров, индивидуальных стилей, связанные с определённым литературным направлением, творческим методом автора.

В качестве *доминантных лексем* мы берем лексемы “**die Angst**” и “**ångest**”. Эти слова являются **ядром** концепта.

В качестве *синонимов* “**die Angst**” мы рассматриваем следующие ЛЕ, встречающиеся в новелле: *der Schreck* (*испуг*), *das Grauen* (*ужас*), *das Entsetzen* (*ужас*), *die Furcht* (*страх, опасение*). Эти лексемы составляют **приядерную зону** концепта, другие же находятся на **периферии**. В качестве *синонимов* “**ångest**” мы рассматриваем следующие ЛЕ, встречающиеся в повести: *rädsla* (*боязнь, страх*), *frikta* (*страх, боязнь, опасение*), *skräck* (*страх*).

В новелле Стефана Цвейга были обнаружены следующие синонимы концепта “Angst”: *die Angst, der Schreck, das Grauen, das Entsetzen, die Furcht*. Понятие “Furcht” обозначает что-то конкретное, определённое, а “Angst” носит иррациональный, неконкретный характер [3: 30]. Кроме вышеуказанных синонимов для исследования нами были взяты и *контекстуальные синонимы*, связанные с концептом “Angst”: *Schauer* (*в одном из четырёх значений*), *das Zittern, das Zögern, der Wahn*.

Изучив выявленные ЛЕ, мы пришли к выводу, что новелла “**Angst**”, несмотря на меньший объём, включает в себя *большее* количество ЛЕ, связанных с рассматриваемым нами концептом, и по ходу повествования образует 8 кульминационных моментов в новелле “**Angst**” [6: 3, 11, 28, 32, 38, 41, 52, 57]. На этих страницах количество ЛЕ, относящихся к концепту “**Angst**”, больше или равно **5**. Рассматривая соответственно *график ЛЕ концепта “ångest”*, мы пришли к выводу, что в повести Лагерквиста есть 3 кульминационных момента [5: 16, 20, 69]. На этих страницах количество ЛЕ, относящихся к концепту “**ångest**”, больше или равно **4**. Это ещё раз доказывает, что “**Angst**” – психологическая новелла, в структуре которой важна развязка. Повесть “**Bödeln**” не обладает таким ярким психологиз-

мом, но для своего жанра она располагает достаточно большим арсеналом лексических единиц, актуализирующих эмоциональное состояние героев.

Кроме вышеуказанных синонимов для исследования нами были взяты и *контекстуальные синонимы*, связанные с концептом “Angst”: *Schauer* (в одном из четырёх значений), *das Zittern*, *das Zögern*, *der Wahn*. Все вышеперечисленные слова встречаются в тексте в форме существительных, а также в форме глаголов и причастий (к примеру, *das Zittern* – *zitterte* – *zitternd*), и *контекстуальные синонимы*, связанные с концептом “ångest”: *skälva* (дрожать, трястись), *gruvlig* (ужасный), *skrämma* (пугать, страшить), *darra* (дрожать, трепетать), *skygga* (пугаться), *förfärlig* (ужасный), *gusa* (содрогаться, дрожать), *hemsk* (ужасно, страшно), *stygg* (страшный, злой, скверный). Все вышеперечисленные слова встречаются в тексте в форме существительных, а также в форме других частей речи (к примеру, *ångestängslig* (*испуганный, боязливый*)).

Сравним также графики «ЛЕ Angst» и «ЛЕ ångest». Сразу же выделяется первый график, в структуре которого прослеживаются 3 кульминации [6: 3, 38, 46] (рисунок 1).

Они соответствуют **кульминационным моментам** всей новеллы и неразрывно связаны с развитием сюжета, творческим методом и замыслом Цвейга. У Лагерквиста ядро концепта – ЛЕ *ångest* – встречается гораздо реже, и лишь в один момент употребляется 3 раза на одной и той же странице [5: 69] (рисунок 2).

Рисунок 1 – Лексическое выражение психического состояния героев на примере ЛЕ “Angst” («страх») в новелле “Angst” («Страх»)

Рисунок 2 – Концентрация ЛЕ ”ångest” («страх») в связи с развитием сюжета в повести “Bödeln” («Палач»)

Это отличает шведского писателя от австрийского новеллиста. Его стиль более сдержан, но глубина и значение написанного от этого не пострадали.

В качестве третьего этапа сравнения реализации концептов “**Angst**” и “**ångest**” мы рассмотрим употребление авторами ЛЕ, находящихся на *периферии* концептов. Контекстуальные синонимы концепта “**ångest**” употребляются 39 раз (сравним с ЛЕ, относящимися к *приядерной зоне* концепта – 31 случай употребления). Исследовав выявленные ЛЕ концепта “**Angst**”, мы пришли к выводу, что Ст. Цвейг чаще употреблял синонимический ряд, относящийся к *приядерной зоне* концепта “**Angst**” (120 случаев употребления), а количество *периферийных ЛЕ* составляет 45. Цвейг более открыто и чётко описывал внутреннее состояние героев, не боясь раскрыть всей правды чувств. У Лагерквиста повествование более сдержанно, часто только из контекста можно догадаться о чувствах и переживаниях героев. Цвейг для характеристики эмоционального состояния действующих лиц использует большее количество лексических единиц, связанных с эмоциями, чем Лагерквист.

Вышеизложенное подчёркивает своеобразие стиля Пера Лагерквиста, который пишет размеренно, чётко «высвечивая» идею своего произведения по ходу развития сюжета. Его идея глобальна, всенародна, и пишет он для широкого читателя – понятным языком, пытаясь с помощью контрастов обстановки и времени показать общее на двух временных уровнях – в суеверной Европе эпохи Средневековья и в современной ему Европе.

Следует отметить, что именно ядро концепта, а в нашем случае это лексема “**Angst**”, встречается в новелле Ст. Цвейга чаще всего.

Рассмотрим с помощью графика (рисунок 3) связь употребления Ст. Цвейгом ЛЕ, актуализирующих концепт “**Angst**”, с ключевыми моментами в новелле.

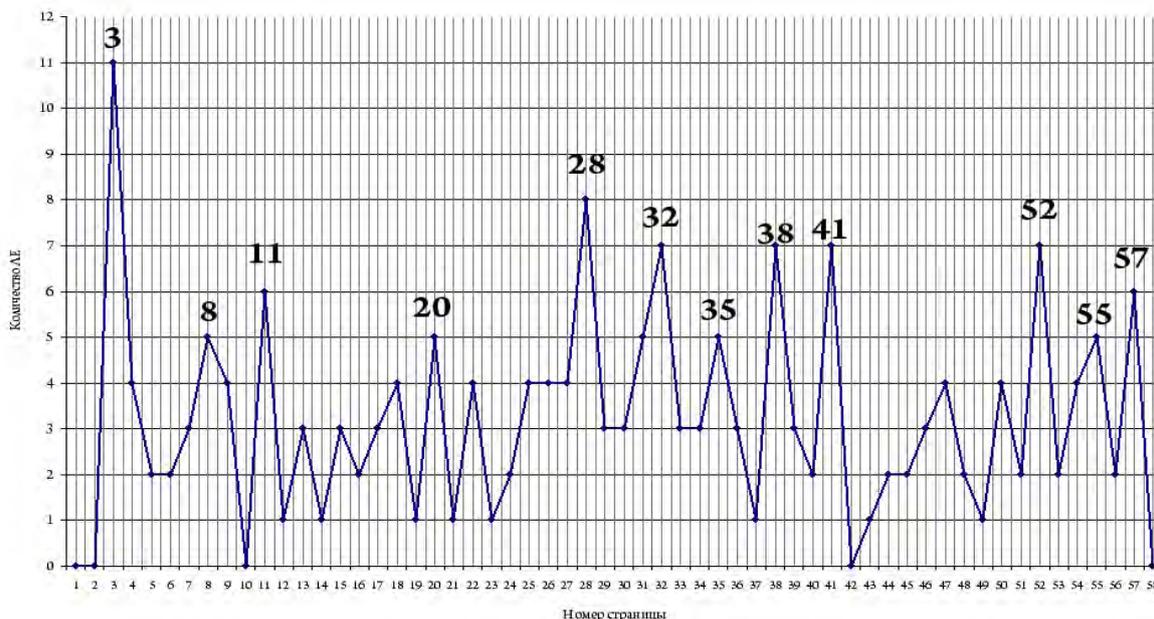

Рисунок 3 – Проявление состояния концепта “Angst”(«Страх») на определённых этапах развития сюжета новеллы “Angst”(«Страх»)

При исследовании приведённого выше графика мы выявили ситуации, в которых лексические единицы выражения концепта “**Angst**” употребляются в новелле особенно часто. Рассмотрим в качестве примера 2 из 14 исследованных ситуаций:

1) С. 3. *Начало повествования.* Ирена уходит от своего любовника. Этот момент является кульминационным, он содержит наибольшее количество ЛЕ, связанных с реализацией концепта “**Angst**”. В этот момент Ирена очень напряжена, она боится быть пойманной. Об этом свидетельствуют описание её внутреннего состояния (*Angst, erschreckt*) и внешние проявления страха (*zittern*);

2) С. 25-28. Это очень важный момент в новелле. *Ирена видит сон.* Он вызывает в ней двойкие чувства: и чувство блаженства (в момент танца), и в то же время чувство унижения и разоблачения. Это страшный сон, в котором муж бросается на Ирену с ножом. Этот сон ещё раз доказывает, в каком опасном положении находится главная героиня. Она осознает, что её ждёт кара за содеянное. Очнувшись ото сна, Ирена видит мужа, его искреннее беспокойство. Но из-за своего психически неуравновешенного состояния она считает, что за его заботой скрывается ненависть к ней и

жажда мести. Муж начинает подозревать жену, задаёт ей «неудобные» вопросы и приводит к обострению её психологических проблем, что выражается целым рядом слов, таких как *entsetzlich, schauern, erschrak*.

Перейдем к графику «ЛЕ Schauer» (рисунки 4, 5).

Рисунок 4 – Лексическое выражение психического состояния героев на примере ЛЕ “Angst” («страх») в новелле “Angst” («Страх»)

Рисунок 5 – Лексическое выражение психического состояния героев на примере ЛЕ “Schreck” («ужас») в новелле “Angst” («Страх»)

Важно отметить, что слово “Schauer” многозначно, в новелле автор употребляет его в значении “Schauer” как в виде существительного, так и в виде глагола и причастий 1 и 2.

Мы рассматриваем его как *контекстуальный синоним*, который выражает эмоциональное состояние главной героини и тесно связано со страхом, который она испытывает.

При рассмотрении графиков “Angst” и “Schreck” важно отметить, что эти синонимы наиболее часто употребляются в одних и тех же ситуациях в новелле.

При разборе ситуаций, в которых они употребляются, можно заметить, что эти лексемы принимают различные контекстуальные значения, в том числе *das plötzliche Erkennen einer Gefahr, als Ausdruck der Vorwarnung, unangenehmes Überraschtseins* [4: 1404].

При исследовании графика «ЛЕ Schauer» (рисунок 6) нами была выявлена взаимосвязь частоты употребления синонимов “Angst” и кульминационных, наиболее ярко эмоционально окрашенных моментов новеллы. Автор намеренно нагнетал обстановку, мастерски раскрывая психологизм образа Ирены.

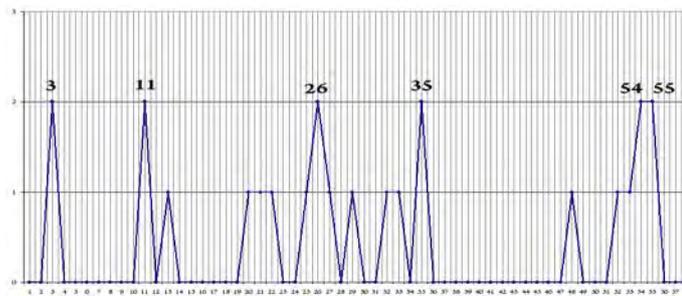

Рисунок 6 – Лексическое выражение психического состояния героев на примере ЛЕ “Schauer”(«дрожь») в новелле “Angst” («Страх»)

Вышеизложенное подчёркивает своеобразие стиля Стефана Цвейга, который изменил структуру и тематику новелл и создал свой неповторимый образ новеллы, который отличает его от традиционных новеллистов.

При исследовании концепта “*ångest*” в повести “*Bödeln*” в качестве *доминантной лексемы* мы рассматриваем лексему “*ångest*”. Эта лексема является **ядром** концепта. В качестве *синонимов* мы рассматриваем следующие ЛЕ, встречающиеся в повести: *rädsla*, *fruktan*, *skräck*. Эти ЛЕ составляют **приядерную зону** концепта, а другие находятся на **периферии**.

В повести Пера Лагерквиста были выявлены следующие синонимы концепта “*ångest*”: *rädsla*, *fruktan*, *skräck*, *fasa*. Кроме вышеуказанных синонимов, для исследования нами были взяты и *контекстуальные синонимы*, связанные с концептом “*ångest*”: *skälva* (дрожать), *gruvlig* (ужасный), *skrämna* (пугать), *darra* (дрожать), *skygga* (пугаться), *förfärlig* (ужасный), *gusa* (дрожать), *hemska* (ужасно), *stygga* (страшный). Все вышеперечисленные слова встречаются в тексте в форме существительных, а также в форме других частей речи (к примеру, *ångest-ängslig*).

Из анализа выявленных ЛЕ следует, что именно ядро концепта, а в нашем случае это лексема “*ångest*”, встречается в повести чаще всего.

Рассмотрим с помощью графика (рисунок 7) связь употребления П. Лагерквистом лексем, связанных с концептом “*ångest*”, а также имеющих непосредственное отношение к ключевым моментам в повести.

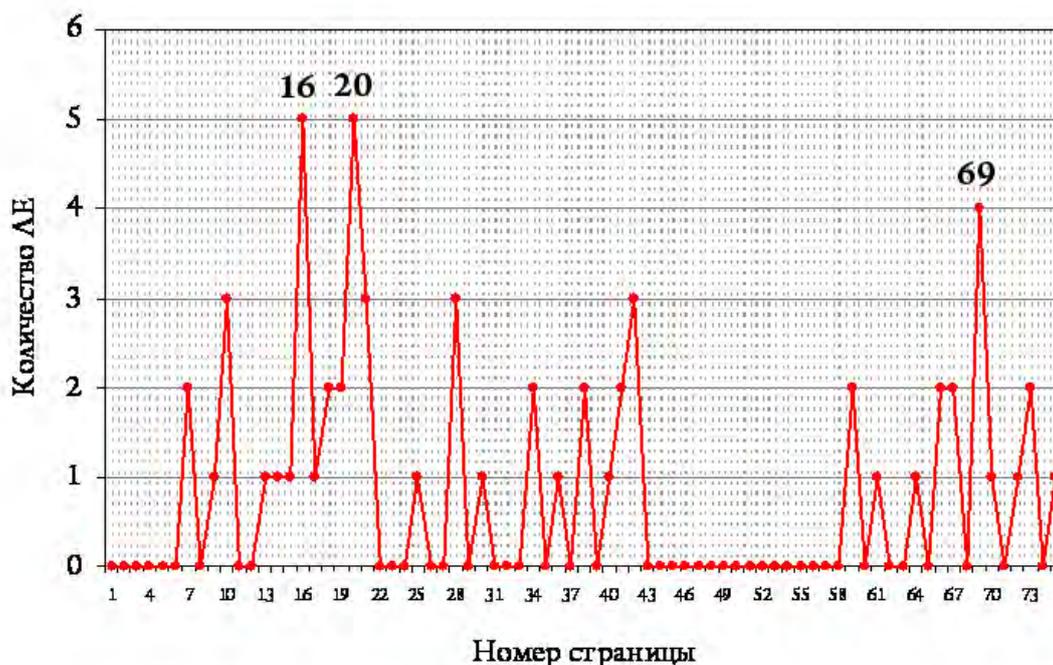

Рисунок 7 – Проявление состояния концепта “*ångest*” («страх») на определённых этапах развития сюжета повести “*Bödeln*” («Палач»)

При исследовании графика мы выявили ситуации, в которых лексические единицы, объективирующие концепт “*ångest*”, употребляются в повести особенно часто. Рассмотрим в качестве примера 2 из 8 ситуаций:

1) С. 16 (5 ЛЕ). Это один из двух **кульминационных моментов** повести. В нём рассказывается о встрече матери рассказчика со странной женщиной и её детьми. Этот эпизод пропитан духом того дикого времени, когда люди верили в преданья, в поверья. В этот момент мальчик сам испытывает страх (на что указывают нам такие ЛЕ, как *ängstlig*, *ängslan*), а мама при виде того, что эта женщина ведёт её родного сына, испытывает настоящий ужас (*skri* (крик), *skälva*, *darra*).

2) С. 20 (5 ЛЕ). Это **второй кульминационный момент** повести. Это первая в жизни мальчика встреча с палачом (он ещё не знает, что есть такая профессия и кто этот человек). Вместе они должны совершить ритуал, чтобы избавить мальчика от проклятия. Все чувства и мысли мальчика говорят о том, какой страх и ужас перед неизвестным (как человеком, так и нависшей бедой – он же видел, как рыдает его мать!) он испытывает. Для этого Лагерквист использует целый синонимический ряд концепта “*ångest*” - *hemsk*, *förskrämma*, *hemsk*, *rycka*, *darra* (рисунки 8-10).

Рисунок 8 – Концентрация ЛЕ ”ängest” («страх») в связи с развитием сюжета в повести “Bödeln” («Палач»)

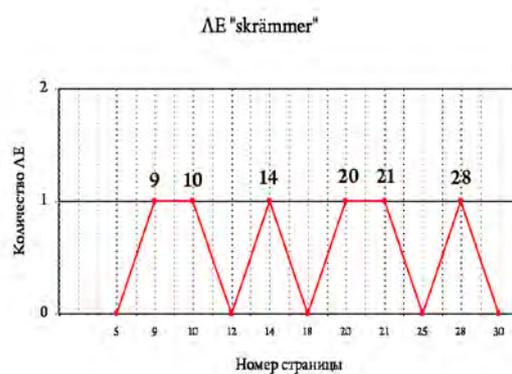

Рисунок 9 – Концентрация ЛЕ ”skrämmer” («страх») в связи с развитием сюжета в повести “Bödeln” («Палач»)

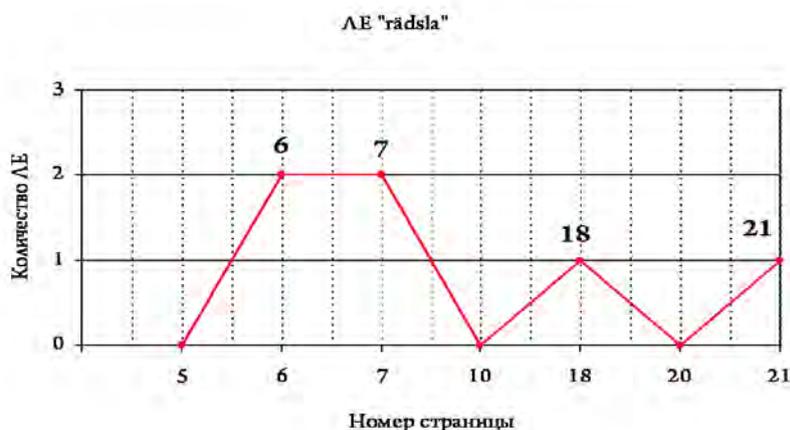

Рисунок 10 – Концентрация ЛЕ ”rädsla ” («страх») в связи с развитием сюжета в повести “Bödeln” («Палач»)

При рассмотрении предложенных трёх графиков важно отметить, что ЛЕ, относящиеся к концепту ”ängest” (в отличие от рассмотренного выше концепта “Angst”) рассредоточены по всей повести Лагерквиста, в ней нет таких кульминаций, как у Цвейга. Оба автора детально описывают переживания, внутреннее состояние героев, но делают это каждый в своей индивидуальной манере, подчёркивающей особенности стилей П. Лагерквиста и Ст. Цвейга.

Обобщая изложенное выше, можно сделать следующие выводы:

1) концепт является важнейшим объектом исследования в лингвокультурологии как компонент нашего сознания и культуры. В данной работе мы использовали вышеупомянутое определение С.Г. Воркачёва;

2) Ст. Цвейг – *критический реалист*, получивший признание в первую очередь благодаря своим *новеллам*. Новелла “Angst” – психологическая новелла, она чётко отражает особенности творческого метода и стиля писателя. Психологизм новеллы напрямую связан с объектом данного исследования – **эмоциональным концептом “Angst”**;

3) Пер Лагерквист – *писатель-гуманист*, предсказавший исход фашистского движения в Европе ещё до начала Второй Мировой войны. Повесть “Bödeln” пронизана его горестью о том, что общество глухо и слепо, что ведомые верят во внешний лоск, порой не замечая гнилую сущность ведущих;

4) используя составляющие **концептуального анализа** (а именно *литературоведческий, метод дефинирования, анализ синонимических единиц, контекстуальный анализ*), мы выявили, проанализировали, систематизировали и прокомментировали средства-актуализаторы концепта “Angst” (“*ångest*”) в вышеназванных произведениях, т.е. в художественно-литературном дискурсе;

5) **доминантой**, т.е. **ядром** концепта, является лексема “Angst” (частотность – 46 раз, самое большое количество употреблений); в качестве **синонимов** мы рассматривали следующие ЛЕ, встречающиеся в новелле: *der Schreck (испуг) (34 раза), das Grauen (ужас) (19 раз), das Entsetzen (ужас) (14 раз), die Furcht (страх, опасение) (8 раз)*. Эти лексемы составляют приядерную зону концепта, а ряд других (*zittern – дрожать, трепетать*), *Schauer (дрожь), zögern (трястись)* и т.п. находятся на его периферии;

6) **доминантой**, т.е. ядром концепта в повести „Bödeln“, является лексема “*ångest*” (частотность – 11 раз, самое большое количество употреблений); в качестве **синонимов** мы рассматривали следующие ЛЕ, встречающиеся в повести: *rädsla (боязнь, страх) (7 раз), skräck (страх) (6 раз), skrämna (пугать) (7 раз)*. Эти лексемы составляют приядерную зону концепта, а другие (*fruktan (боязнь), fasa (ужас), skälva (дрожать), gruvlig (ужасный), daga (дрожать)*) и т.п. находятся на периферии. В повести Пера Лагерквиста были выявлены следующие синонимы концепта “*ångest*”: *rädsla, fruktan, skräck, fasa*;

7) мы рассмотрели связь употребления *С. Цвейгом* лексем, актуализирующих концепт “Angst” (“*ångest*”), с ключевыми моментами в новелле, особенностями его творческого метода и стиля. Аналогичный анализ мы

провели и с повестью П. Лагерквиста „Bödeln“. Нами была выявлена непосредственная связь между кульминационными моментами в сюжете и скоплением ЛЕ исследуемого концепта. Лексемы – средства объективации концепта “**Angst**” („**ångest**”) – помогают авторам описать чувства героев, их внутреннее состояние и передать неповторимую атмосферу происходящего;

8) важно отметить, что вышеназванный концепт – это концепт **эмоциональный**, который выражается в новелле и повести как *эксплицитно*, так и *имплицитно*, что обусловлено особенностями творческого метода и стиля Ст. Цвейга и П. Лагерквиста.

Итак, концепт “**Angst**” (“**ångest**”) включает в себя *общее традиционное содержание*, которое связано с представлениями определённого народа. Он является частью *австрийской и шведской лингвокультур*. С другой стороны, исследование, проведённое с помощью приёма последовательного сопоставления, подтвердило наш тезис о том, что этот концепт является ярко выраженным индивидуально-авторским концептом, отражающим особенности творческого метода, стиля и личного опыта Цвейга и Лагерквиста.

Список литературы

- 1 Воркачёв С. Г. Концепт счастья в русскоязычном сознании: Опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар : Изд-во Кубанского госуниверситета, 2002. 142 с.
- 2 Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецком и русском лингвокультурах. Волгоград : Перемена, 2008. 495 с.
- 3 Риман Ф. Основные формы страха. М. : Алетейа, 1999. 336 с.
- 4 Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Dudenverlag Mannheim. Leipzig –Wien-Zürich, 2003. 1892 S.
- 5 Lagerkvist P. Bödeln. Stockholm : Delfinbok, 1964. 75 S.
- 6 Zweig, St. Angst. Leipzig : Philipp Reclam, 1954. 63 S.

К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСОНОЛОГИИ

Л.Н. ШИХАРДИНА

(Курган, Россия)

Понятие «языковая личность», введённое в научный оборот В.В. Виноградовым в книге «О русской прозе», обладая широким спектром функций от методологической до дидактической, постепенно становится центральным в лингвистике. В силу этого, выявление его содержания и объёма, совокупности фиксируемых устойчивых признаков, связей с другими смежными понятиями и категориями, наконец, его соотношения с близкими по смыслу концептами и теориями имеет важное эвристическое значение.

В теоретической и методической литературе последних десятилетий языковая личность определяется через комплекс способностей к созданию и восприятию речевых текстов. Тексты эти варьируются в зависимости от степени структурно-языковой сложности, глубины и точности отражения действительности и целевой направленности [4].

Подтверждением согласия научного сообщества с таким определением содержания понятия «языковая личность» может служить тот факт, что имеющие место различные подходы к построению модели языковой личности совпадают в выделении трёх её основных уровней (В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, И.И. Халеева).

Первый уровень содержит показатель степени овладения языком и характеризуется количеством усвоенных лексических единиц и умением их адекватно использовать. Второй содержит идеи, концепты, из которых складывается картина мира языковой личности, он коррелирует с уровнем развития интеллекта. Третий включает цели, мотивы, установки, свидетельствующие о коммуникативных потребностях личности [3: 56].

Следующим шагом в развитии языковой личности стало введение понятия «вторичная языковая личность», используемого, главным образом, при формировании целей обучения иностранному языку. Она определяется как совокупность способностей личности к общению на межъязыковом уровне, складываясь «из овладения вербально-семантическим кодом изучаемого языка, то есть, “языковой картиной мира” носителей языка и “глобальной” (концептуальной) картиной мира, позволяющей человеку

понять новую для него социальную действительность» [2: 46].

Очевидно, что модель вторичной языковой личности не есть некая пристройка или надстройка к модели первичной языковой личности. Отношения между ними носят значительно более сложный, взаимопроникающий и взаимодополняющий характер.

И.И. Халеева, принимая трёхуровневую модель языковой личности, подчёркивает, что фундаментальным условием становления вторичной языковой личности «является не столько стремление к овладению новым кодом формирования инокультурной картины мира, сколько структурирование нового когнитивного пространства, свойственного представителям другого лингвокультурного сообщества» [7: 165].

Концепция культурно-языковой личности, предложенная О.А. Леонтович, вписывает её в контекст межкультурной коммуникации. Языковая личность определяется как национально-специфический тип коммуниканта, обладающий культурно обусловленной ментальностью, картиной мира и системой ценностей, придерживающийся определённых когнитивных подходов, языковых, поведенческих и коммуникативных норм и потенциально способный к межкультурной трансформации [5: 122].

Поиск подходов к выявлению соотношения этих двух типов языковой личности, на наш взгляд, осложняется тем, что в лингвистике личность пока не стала равноправным с языком объектом изучения, оставаясь скрытым, иногда частичным предметом исследовательского интереса [4].

В рамках становления синкретического подхода появляются как работы, исследующие отдельные аспекты структуры личности в качестве участника языковой коммуникации, так и реализующие комплексный подход. Например, Н.А. Вострякова выделяет четыре компонента в речевом паспорте личности: биологический (пол, возраст); психологический (эмоциональное состояние в момент речи); социальный (национальный, этнический, социальный статус) и индивидуальный, обусловленный биологической, психологической и социальной уникальностью личности [1].

Тем не менее, лингвистика отстаёт от других наук общественно-гуманитарного цикла, которые опираются на философские, социологические, социально-психологические и антропологические характеристики личности. В связи с этим весьма продуктивным выглядит предложение В.П. Нерозняка о развитии лингвистической персонологии [6].

Стратегия современного подхода к преподаванию иностранного язы-

ка строится на признании того факта, что успешная языковая коммуникация является лишь предпосылкой, но не самодостаточным условием для взаимопонимания. Становление коммуникативной компетенции предполагает овладение иноязычным общением в единстве его основных функций: информационной, регулятивной, эмоционально-оценочной и этикетной. Необходимым условием реализации этих целей является переход от формулы «язык + культура» к формуле «язык через культуру и культура через язык». Речь в этом случае идёт не о вторичной языковой личности, а о интегрально-ориентированной личности, способной и желающей участвовать в межкультурной коммуникации на изучаемом языке. Если человек хочет прийти к себе, писал В. Франкл, то путь его лежит через мир, через те языки и культуры, которые живут в этом мире.

Список литературы

- 1 Вострякова Н. А. Коннотативная семантика и прагматика номинативных единиц русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998. 22 с.
- 2 Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М. : АРКТИ, 2003.
- 3 Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : монография. 2-е изд. М. : Гнозис, 2004.
- 4 Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Издательство ЛКИ, 2010.
- 5 Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. Волгоград : Перемена, 2002.
- 6 Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод : сборник научных трудов. М. : Изд-во Московского гос. лингв. ун-та, 1996. 426 с. С. 112-116.
- 7 Халеева И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков). М. : Высшая школа, 1989.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОГРАММЫ PRAAT В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

*О.А. КАЗЕНАС, Е.В. САПЕГИНА, Г.В. КАЗЕНАС
(Курган, Россия)*

В течение нескольких лет на кафедре французской филологии КГУ под руководством доцента, канд. пед. наук Р.А. Бутенко проводились исследования в области фоностилистики. Были выполнены ряд курсовых и дипломных работ по исследованию акустических характеристик сценической речи, разработаны методические рекомендации по фоностилистике французского языка. На занятиях по практической и теоретической фонетике проводился и проводится акустический анализ аудиотекстов.

Несмотря на солидную теоретическую базу и методическую обеспеченность, объективность и доказательность результатов проводимого аудитивного анализа ставились под сомнение, т.к. исследователи опирались, как правило, на свой слуховой аппарат. Основной причиной такого положения являлось то, что некоторое время тому назад подобные направления исследований были лишены соответствующего технического обеспечения. А если необходимое оборудование и имелось, то являлось дорогостоящим, громоздким и требовало специальной технической подготовки.

Современные технические средства и особенно компьютерные технологии, позволяющие не только производить различные операции с файлами разнообразных форматов, в том числе и аудио, открывают новые, более широкие перспективы для исследований в области фонетики, фонологии, фоностилистики, просодики. Тем более что имеющееся программное обеспечение (ПО) доступно для свободного скачивания и установки на ПК.

В данной статье хотелось бы остановиться на функциональных возможностях программы PRAAT (<http://www.praat.org>).

PRAAT – это программа, предназначенная для обработки звуковых отрезков различных по длительности звучания. Она была разработана в 1995 году в институте фонетических исследований университета Амстердама (Нидерланды), авторами которой являются Поль Берсма и Дэвид Вининк. До настоящего времени авторы продолжают совершенствовать своё ПО.

Программа была предназначена как для пользователей, не являющихся специалистами в области обработки звучащей речи, так и для серьезных исследователей, предлагая многочисленные возможности обработки звуковых файлов и их анализа.

Функциональные возможности делают программу особенно полезной при исследовании разговорной речи.

В области анализа речи к основным функциональным возможностям данного ПО относятся:

- спектральный анализ, в т.ч. построение спектрограмм, отражающих такие характеристики звукового отрезка, как время звучания, интенсивность, частоты и др.;
- анализ контура основного тона в зависимости от времени;
- формантный анализ звукового отрезка;
- анализ интенсивности;
- голосовой анализ и др.

Кроме анализа аудиоматериалов, ПО позволяет проводить различные манипуляции с анализируемым аудиоматериалом. Так, например, возможно изменять частоту и длительность контура, устанавливать фильтры, проводить сегментацию отрывков и их маркировку.

Наряду с анализом речевых образцов PRAAT предоставляет возможности синтеза речевых отрезков с заданными параметрами.

Программа содержит интегрированные математические и фонетические символы, что позволяет представлять результаты проведенных анализов с использованием графических редакторов, делать соответствующие надписи.

PRAAT позволяет работать с аудиофайлами, размер которых может достигать до 2 гигабайт, что составляет примерно 3 часа звучания.

Блок статистики включает многомерное шкалирование, дискриминантный анализ и анализ главных компонент.

Проиллюстрируем некоторые функциональные возможности конкретными примерами.

Программа содержит два окна: *Praat objects* и *Praat Picture*. Первое из них (рисунок 1) является основным и содержит список объектов (слева), меню (сверху), постоянные кнопки (снизу) и набор дополнительных кнопок (справа). Последние активируются после загрузки звукового файла в качестве объекта.

Эти кнопки позволяют прослушивать звуковые файлы (Play), представлять графически звучащий отрезок (Draw), производить различные манипуляции с файлом, в том числе его различные трансформации, а также разного рода измерения и их последующий анализ.

Рисунок 1 – Основное окно программы Praat objects

После загрузки звукового файла исследователь может получить полную информацию о самом файле, которая становится доступной при использовании опции *Info*, расположенной в нижней части окна (рисунок 2). Здесь указываются не только название файла, время его загрузки, но и время начала, окончания и общего звучания файла, а также физические

характеристики, в частности, средняя частота анализируемого звукового отрезка, максимальная и минимальная высота импульса, средняя интенсивность и др.

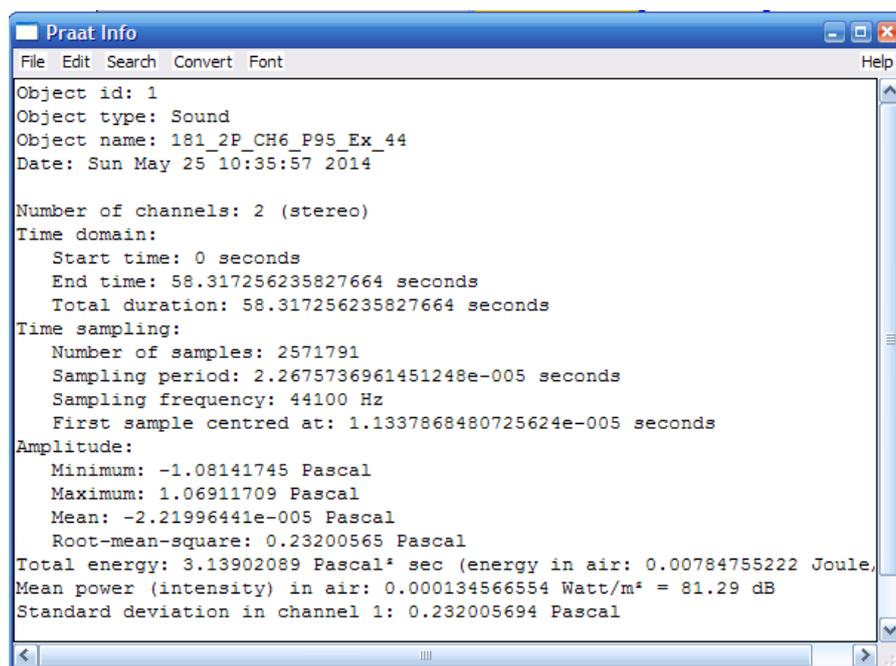

Рисунок 2 – Основная информация об исследуемом звуковом файле, доступная из опции *Info*

Когда звуковой файл выбран, активной становится кнопка *Edit*, которая открывает новое окно, представляющее звуковой сигнал и его различные акустические характеристики: синие вертикальные линии показывают уровень открытости голосовой щели, в нижней части представлены различные акустические характеристики (изменение тона (интонации) изображается голубым цветом, интенсивность – желтым или зеленым, форманты – красным, спектрограмма – черным и белым цветами) (рисунок 3).

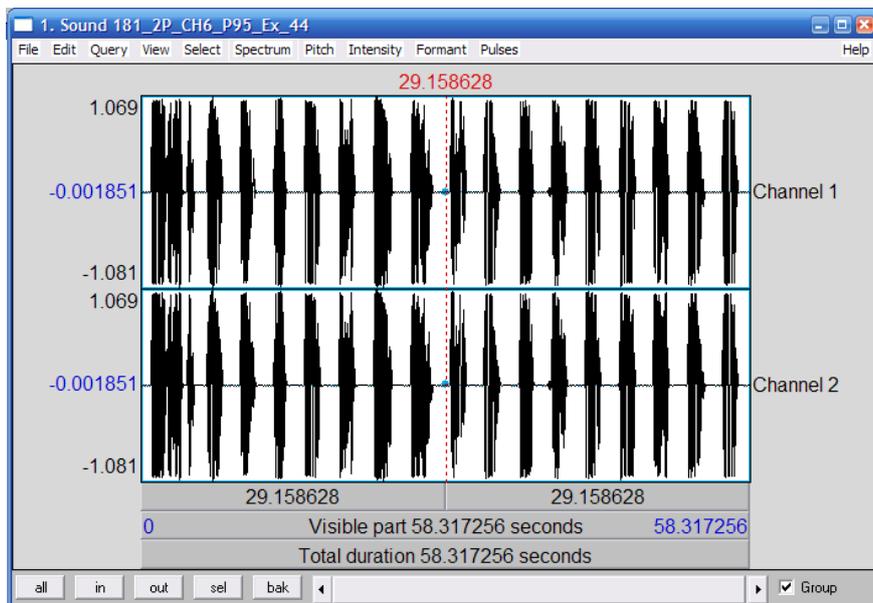

Рисунок 3 – Результаты спектрального анализа

На следующем рисунке (рисунок 4) в нижней части зелёным цветом представлена спектрограмма интенсивности звука. Перемещение курсора (вертикальная прерывистая линия) позволяет узнать силу звукового сигнала на всём его протяжении.

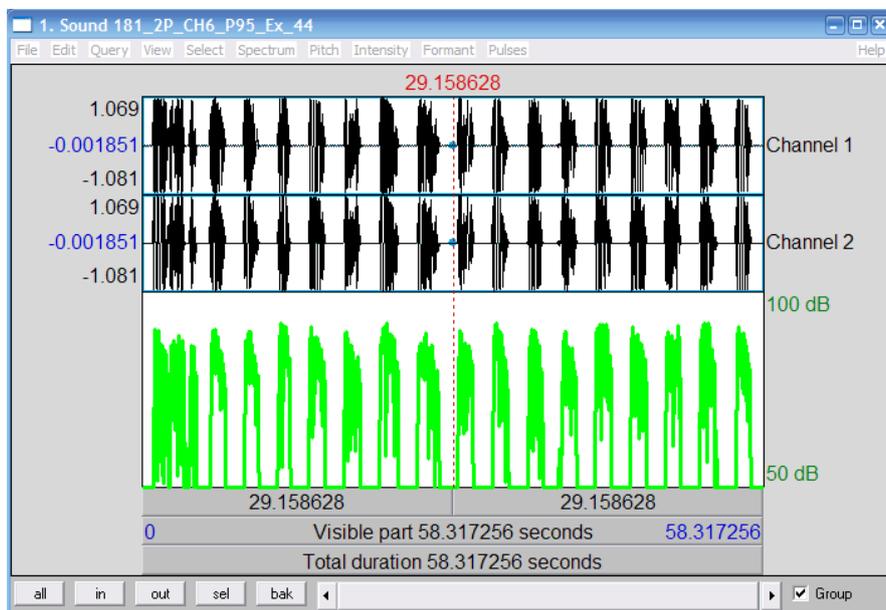

Рисунок 4 – Спектрограмма интенсивности звука

Синим цветом представлены изменения интонации (рисунок 5), отражающие наиболее высокие частоты звукового сигнала.

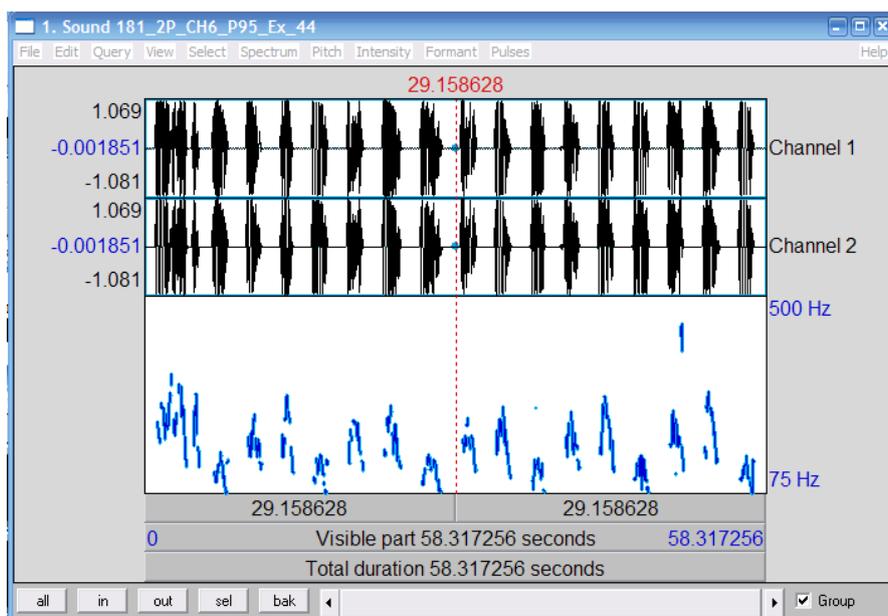

Рисунок 5 – Спектрограмма частоты звукового сигнала

Спектрограммы могут иметь и более привычный и понятный вид, который позволяет исследователю чётко определять интонационные пики, повышение и понижение интонации и др. (рисунок 6).

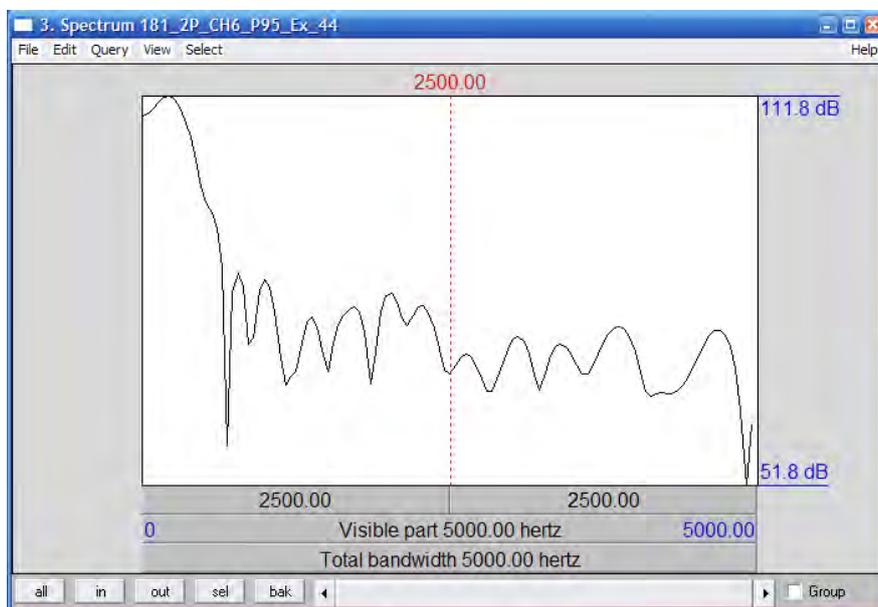

Рисунок 6 – Стандартная спектрограмма звукового сигнала

Программа позволяет анализировать не только имеющиеся звуковые файлы, но и делать самостоятельно записи тех текстов, которые в даль-

нейшем могут быть подвергнуты сравнительному анализу, что является достаточно важным и интересным при изучении иностранных языков: сравнить свою речь с речью носителя языка. Эта функция доступна из опции *New*, а для её реализации необходимо только наличие микрофона.

Важной для исследователя является опция *Annotate*, которая позволяет описать звук с точки зрения одного или нескольких параметров.

В статье представлена лишь малая часть функциональных возможностей. Но знакомство с программой открывает возможности для новых направлений лингвистических исследований, а также для использования современных информационных технологий в преподавании лингвистических дисциплин в высшей школе, в частности такой дисциплины как теоретическая фонетика.

ОБУЧЕНИЕ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ. К ВОПРОСУ О ЖАНРАХ

М.А. ПОМАНИСОЧКА

(Курган, Россия)

Неклассические науки постмодерна отличаются любопытной склонностью к заимствованию отдельных понятий, системообразующих положений и всеобъемлющих парадигм из других научных направлений. Это даёт в распоряжение многих исследователей уникальную возможность сказать своё веское слово в науке. Особую популярность в последние годы приобрела идея адаптировать применительно к своим нуждам наделённые принципами самоорганизации и стремящиеся достичь точки бифуркации неравновесные системы Ильи Пригожина. Поэтому не стоит удивляться тому, что в теории перевода на смену моделям В.Н. Комиссарова, А.Д. Швейцера пришло синергетическое моделирование переводческого пространства О.А. Ивановой и Л.В. Кушниковой. Это заставляет нас критически отнестись к попыткам мерить одним аршином внешне схожие объекты исследования.

По утверждению К. Криббла теория жанров в обучении письменной речи восходит к социальной антропологии и конструктивизму, получивших развитие в работах Томаса С. Куна, Стэнли Фиша, Клифорда Гирца. Социальная антропология, которую А. Р. Радклифф-Браун возвёл в ранг

науки о человеке и человеческой жизни во всех её аспектах, оперирует такими конструктами, как социальная структура и социальная организация, корпорация и консолидация, ритуальный статус. Возникает уместный вопрос, как много полезного может методология обучения письменной речи на иностранном языке извлечь из этой теории [6: 3].

Одним из основных понятий социальной антропологии, если верить Джону Свейлзу, является «discourse community». Переводят это сочетание как дискурсивное сообщество, хотя, как мы полагаем, возможны и другие варианты перевода, например, речевое сообщество [6: 2].

Согласно Дж. Свейлзу, весьма популярно наделять этот вид социума следующими качествами:

- речевое сообщество объединяет ряд заранее оговорённых и общепринятых целей;
- речевое сообщество располагает определёнными объединяющими механизмами взаимодействия между его членами;
- для обмена информацией речевое сообщество применяет особые механизмы предоставления информации и получения отклика на эту информацию;
- для пропаганды своих целей оно имеет в своём распоряжении более одного жанра;
- помимо собственных жанров этот социум располагает корпусом текстов;
- для участников этого сообщества оно определяет особый пороговый уровень знаний и речевого опыта [6].

Очевидно, что в нашем случае, исходя из задач обучения, реальной готовности студенческой аудитории их выполнять и сложившейся практики, мы не можем принять эти характеристики однозначно. Для иллюстрации этого утверждения постараемся определить, в какой мере они присущи дискурсивному сообществу, состоящему из преподавателя и студентов, в условиях освоения различных видов речевой деятельности на иностранном языке.

Не секрет, что значительное число наших студентов не видит в языковом образовании окончательного для себя профессионального выбора, многие пришли к нам исходя из доступности обучения в этом вузе, рассчитывая, что учиться здесь им будет несложно. Их выбор в лаконичной и экспрессивной форме выразила однажды одна из студенток на семинаре

по методике преподавания иностранных языков: «А что, если некоторые сюда пришли за дипломом?» То есть, многие из них свои цели формулируют иным образом – приложить ровно столько усилий, сколько потребуется для более или менее успешного завершения курса обучения. Поэтому не совсем верно в данном случае вести речь о безоговорочном принятии всеми членами данного сообщества целей, декларируемых в учебных программах. Попутно следует отметить, что работа над письменной речью отличается большими временными затратами, и студенты далеко не всегда оказываются готовыми к этому.

Не в полной мере выполняются и другие условия сотрудничества в данном речевом сообществе. Механизмы взаимодействия между преподавателем и его аудиторией по-прежнему сохраняют элемент принуждения, что не лучшим образом сказывается в тех случаях, когда работе необходимо придать больше сходств с творчеством. Преподаватель по-прежнему воспринимается как источник обременительных заданий в то самое время, когда мы в соответствии с личностно-ориентированным подходом хотим наделить его не столько ролью руководителя, управляющего обучением, но в значительной степени ролью соратника, коллеги в совместной деятельности на пути к успешному овладению профессиональных качеств. Студенты и преподаватели остаются по-прежнему двумя не в полной мере дружественными по отношению друг к другу сторонами.

Что касается информации, предоставляемой студентам в виде устных и письменных рекомендаций и нацеленных на повышение качества создаваемых ими текстов, наблюдения показывают, что к ним они часто относятся как к инструкции к только что приобретённому гаджету, когда процедура определения функций путём нажатия на кнопки привлекает больше, чем внимательное прочтение руководства. Говорить о полноценном сотрудничестве не приходится ещё и потому, что, к сожалению, к настоящему времени не сложился хорошо отлаженный регуляторный механизм обратной связи, когда бы преподаватель получал в достаточном объёме встречную информацию от студентов о выполняемых заданиях и предпринимал необходимые ответные действия.

Строго говоря, жанровые характеристики общения преподавателя и студентов, другими словами, дискурс аудиторного общения, язык используемых учебных материалов и создаваемых студентами письменных текстов дают нам веские основания говорить о наличии в обиходе более од-

ного жанра. Но говорить о публичной пропаганде своих целей данным речевым сообществом не приходится. Распространение сведений о деятельности факультета и университета за стенами *alma mater* ограничено текстами рекламного и публицистического характера, происходит почти всегда на русском языке и почти всегда преследует единственную цель создания достойной репутации факультету и университету.

Мы видим, что рассматриваемый нами социум не в полной мере соответствует критериям предложенного в описании дискурсивного сообщества. Напротив, мы наблюдаем существенные отклонения от гипотетической модели речевого сообщества в интерпретации социальной антропологии. Хотя следует признать, что развитие сотрудничества между членами этого сообщества, придание отдельным видам совместной работы статуса академической традиции могло бы важным подспорьем в эволюции обучения письменной речи.

Действительно, в дальнейшей социализации работы на письменными текстами ощущается настоятельная потребность. Средства обобществления этого процесса пропагандируются в теоретических работах и учебных пособиях и, надо полагать, применяются во многих аудиториях.

В самом начале работы над крупным письменным текстом творческого плана преподавателю нелишне поставить студенческую аудиторию в известность о том, что у них есть конкретный, внимательный и придирчивый читатель, это и преподаватель, и сами студенты. В ряде случаев полезным следует считать обсуждение вопроса о том, для какого читателя писали наиболее известные нам авторы литературных произведений, каков был этот читатель, какими гендерными, сословными и другими характеристиками он обладал, какие эмоциональные состояния он хотел бы пережить, и как автор сумел воплотить ожидания своего читателя. Уместным кажется и вопрос к аудитории, какие впечатления студенты ждут от своих коллег после прочтения окончательной версии их композиций и какими средствами они этих впечатлений намерены добиться.

Соавторство и взаимное редактирование черновых вариантов текстов становятся вторым шагом социализации письменного текста. Включение элементов филологического анализа, заимствование процедур интерпретации текста, применение знаний из курса теории литературы, исключение интерференции как следствие конфликта двух культур вполне годятся для формирования содержательной части взаимного редактирования.

Польза этой части работы несомненна, поскольку в выигрыше оказываются оба участника этой процедуры, будь то автор, или соавтор, или тот студент, чья работа становится объектом редактирования.

Другой, не менее важной темой для обсуждения должно стать продолжение разговора о том, как достичь желаемого коммуникативного эффекта и насколько полезными будут для аудитории обретаемые в процессе этой работы знания и умения. Обучение письменной речи в отличие от многих дисциплин, изучаемых в учебных заведениях, имеет самую непосредственную связь с предстоящей профессиональной деятельностью обучаемого, и игнорировать этого не стоит. Построение сложных многоплановых высказываний с акцентом на их убеждающую силу, безусловно, окажется полезным, а иногда и жизненно важным в самом обозримом будущем.

«Письмо – продукт речевой деятельности», утверждает Р.К. Миньяр-Белоручев. В отличие от устной речи, когда решение о том, что сказать и как сказать, принимается в считанные секунды, синтез письменной авторской речи протекает в гораздо более благоприятной обстановке, когда есть время на обдумывание и плана выражения, и плана содержания. Есть возможность привлечь ресурсы, не доступные при создании устного высказывания [1].

Умение владеть инструментами письменной речи сродни искусству мастера создавать осязаемую вещь. Покажется странным, но данное обстоятельство приходится доказывать учащимся, для которых увлечь себя этой процедурой с большими временными и физическими затратами в наших условиях сопряжено с понятием подвига.

И если подвиг предстоит совершить, то автору нужно точно знать, во имя чего он совершается. Не помешает ему и знать, как это сделать, другими словами, полезным будет знакомство с технологией совершения этого подвига. Помимо освоения риторических моделей, известных со времен расцвета эллинской культуры, и, безусловно, полезных даже в ежедневном общении, мы располагаем достаточными ресурсами для обретения желаемых качеств. Есть многое, что можно было бы позаимствовать из доступных учебных материалов. Кроме знания, что и когда пишущему необходимо делать для выполнения поставленной преподавателем задачи, первостепенной важностью для автора текста следует наделить осознание автором приобретаемого в конечном счете мастерства создавать разнообразные композиции, способные донести до аудитории нужные сведения, и

придавать создаваемым текстам желаемую убедительную силу.

Процедурная часть работы в учебной аудитории и вне её отличается многообразием и многоплановостью. Полезным, как нам кажется, будет выполнение отдельных операций вместе с преподавателем на практическом занятии. Скажем, анализ публицистических статей большого объёма позволяет обнаружить ряд основных концептов, представленных в тексте статьи и репрезентированных в нём синонимами. Ответ на вопрос, на каком этапе написания собственного текста следует составить синонимические ряды с тем, чтобы затем некоторые из них стали частью этого текста, создаст прецедент для использования этой операции в будущем. Обсуждение пользы этого приёма показывает студентам, что перед ними открывается перспектива дальнейшего исследования периферии данного концепта, это, в свою очередь, приведёт к появлению новых идей, которые могут быть включены в содержание письменной работы.

Другим и далеко не единственным примером процедурной деятельности может послужить изучение традиции ссылок, принятых в англоязычной публицистике и научной литературе. Обращение к теории эвиденциальности, получившей развитие в работах О.А. Кобриной, станет ещё одним подспорьем в придании студенческим композициям большей приближенности к аутентичным текстам с одной стороны, с другой стороны, студенты приобретают практические умения создавать более сложную организацию текстового материала [4].

Это лишь два из довольно большого числа описанных и применяемых при обучении письменной речи методических приёмов и процедур. Отчасти они отражены в большом количестве учебных пособий и теоретических работ, изданных за рубежом и продаваемых в нашей стране.

Жанровый подход, независимо от того, принимаем ли мы в большей или меньшей степени постулаты социальной антропологии и конструктивизма, сложился уже потому, что в аудиториях различных образовательных учреждениях, в профессиональных сферах деятельности идёт работа над различными видами создаваемых в письменной форме текстов. Традиционно мы объединяем их в довольно крупные классы, для каждого из которых сложилось ряд общепринятых норм в плане композиционного построения и содержания. Это описание, нарратив или рассказ, эссе, личные и официальные письма, новостной репортаж, статья, исследование, обзор, резюме и конспект.

Каждый из жанров охватывает несколько видов письменных работ, и каждый исследователь и каждый автор учебного материала предлагают свою подробную таксономию. Так, составитель учебных пособий по развитию письменной речи в издательстве «Express Publishing» Верджиния Эванс в жанр эссе включает очерк аргументирующего плана, очерк, содержащий развёрнутую точку зрения, очерк, содержащий изложение предлагаемых вариантов решения проблемы, и очерк-рассуждение. Лори Бласс, Ханна Фризен и Кэти Блок в пособии «Creating Meaning» считают полезными работу над краткими изложениями, эссе-сопоставлениями, эссе, нацеленными на доказательство определённых доводов, критическими отзывами и научными исследованиями. Ниже в таблице 1 представлена оригинальная номинация и приведены русские эквиваленты, чаще представленные в виде толкований [7: 8].

Таблица 1

Пособие «Successful Writing», Верджиния Эванс, издательство «Express Publishing»	
argumentative essay	очерк аргументирующего плана
opinion essay	очерк, содержащий развёрнутую точку зрения
solution-to-the-problem essay	очерк, содержащий изложение предлагаемых вариантов решения проблемы
discursive essay	очерк-рассуждение.
Пособие «Creating Meaning», Лори Бласс, Ханна Фризен и Кэти Блок, издательство «Oxford University Press»	
summary	краткое изложение
comparison essay	эссе-сопоставление
argumentative essay	эссе, нацеленное на доказательство определённых доводов
critique	критический отзыв
research paper	научное исследование

Недостатка в идеях, как мы видим, нет. Одним из препятствий на пути к успешности в обучении письменной речи в вузе остаётся отсутствие готовности наших студентов выполнять объёмные письменные работы с большой долей самостоятельного творческого труда. Не готова к этому и вторая часть исследуемого нами социума. Для преподавателей этот вид учебной деятельности сопряжён с большой трудоёмкостью, с изменением привычного алгоритма работы. Поэтому, чем раньше мы отойдём от эпи-

зодичных письменных работ и сделаем их привычной практикой, тем скорее это станет частью нашей академической культуры.

Список литературы

- 1 Миньяр-Белоручев Р. К. Методика обучения французскому языку. М. : Просвещение, 1990.
- 2 Мордовина Т. В. Обучение аспирантов иноязычному научному дискурсу с учётом его жанровой и риторической организации: автореферат дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2013.
- 3 Журнал «Вопросы современной науки и практики», университет имени В.И. Вернадского. URL: <http://vernadsky.tstu.ru> (дата обращения: 13.01.2014).
- 4 Плахов В. Д. Западная социология. URL: <http://www.gumer.info> (дата обращения: 13.01.2014).
- 5 Смакотина Т. М. Эвиденциальность в английских научных текстах // Вестник КГУ. 2008. № 4 (14).
- 6 Шалютин Б. С. Тезисы о природе закона и об эмерджентной эволюции // Вестник КГУ. 2008. № 4 (14).
- 7 К. Триббл. Teaching Writing. URL: <http://www.e-bookspdf.org> (дата обращения: 12.01.2014).
- 8 Evans V. Successful Writing. Newbury : Express Publishing, 1999. 138 p.
- 9 Blass L., Block K.C. Creating Meaning. Oxford : Oxford University Press, 2011.

К ПРОБЛЕМЕ ОБУЧЕНИЯ ВТОРОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

О.В. СМОЛИНА
(Санкт-Петербург, Россия)

Целью обучения второму иностранному языку является формирование у студентов коммуникативной компетенции, уровень владения которой позволит применять им накопленные знания в условиях реального общения.

УМК для студентов-бакалавров, изучающих второй иностранный язык в Государственном университете морского и речного флота по специальности «Туризм» в течение двух лет, включает в себя: 1) учебную документацию (учебную и рабочую программы); 2) средства обучения (учебно-методические пособия, раздаточный материал); 3) средства контроля (вопросы к экзамену, зачётам, тесты). Задача преподавателя состоит в том, чтобы методически правильно использовать материалы УМК, свя-

зять их с реальными практическими ситуациями в процессе обучения. УМК направлен на «формирование коммуникативных умений, релевантных для понимания инокультурного дискурса (при слушании/чтении) и самостоятельного порождения иноязычного дискурса (в ходе устного и письменного общения)» [1: 5].

Изучение второго иностранного языка предполагает расширение страноведческих знаний о стране изучаемого языка. Уже на первом занятии преподаватель знакомит студентов с обычаями, традициями, достижениями страны изучаемого языка, а также спрашивает аудиторию, что они знают об истории и традициях этой страны. Тем самым закладывается интерес к реалиям другой культуры и повышается внутренняя мотивация студентов к изучению второго иностранного языка, приходит осознание картины мира другого народа в соотнесении со своей культурой.

При изучении первого иностранного языка овладение лексическими и грамматическими закономерностями предполагает большую трудность в освоении, чем при изучении второго иностранного языка. Знание уже одного иностранного языка способствует более доступному пониманию своеобразия второго.

Преподавателю отведена роль организатора и наставника в процессе обучения. Важно активизировать студентов, обеспечить их высокую внутреннюю мотивацию к изучению, повысить их интеллектуальный и творческий потенциал, своевременно и объективно оценивать их знания.

Тематика и характер учебного материала отвечает задачам «последовательного овладения студентами совокупностью компетенций» [1: 9]. «Коммуникативная компетенция» включает «лингвистическую компетенцию, т.е. способность адекватно воспринимать и корректно использовать единицы речи на основе знаний о фонологических, грамматических, лексических, стилистических особенностях изучаемого языка» [1: 9]. В результате обучения данной компетенции студенты должны владеть грамматическими и лексическими навыками, обеспечивающими коммуникативные умения без искажения смысла при письменном и устном общении общего характера.

В техническом вузе студенты, изучающие второй иностранный язык, проходят вводно-адаптивный курс, базовый и основной курсы по освоению дисциплины. В образовательном процессе фонетический аспект освоения второго иностранного языка предполагает совершенствование

произносительных и интонационных навыков в вводно-адаптивном курсе. Фонетический навык формируется в процессе установления сходства и различий артикуляционной базы родного и иностранного языка, в процессе «формирования фонематического слуха, а также овладения техникой произнесения иноязычных звуков в слове, словосочетании, предложении и в речевом потоке в процессе как говорения, так и чтения» [2: 7].

Лексические и грамматические аспекты предполагают совершенствование навыков, необходимых для понимания текстов сначала при чтении, аудировании, а затем и при построении связного высказывания на заданную тему. Лексический навык в вводно-адаптивном, базовом, основном курсах предполагает распознавание словообразовательных элементов лексических единиц, грамматический – узнавание и употребление в речи и на письме наиболее распространённых грамматических структур. При работе над лексико-грамматическими средствами в вводно-адаптивном курсе, например, немецкого языка, следует обратить особое внимание на род существительных (знать артикли), на основные формы глагола и порядок слов в предложении, так как это есть та основа, на которой держится знание почти всей грамматики [3].

Формирование грамматического навыка проходит три этапа: 1) ознакомление и первичное закрепление, 2) тренировка, 3) применение. Совершенствование речевого грамматического навыка предполагает использование новой грамматики в диалоге или монологе в ситуациях общения и в подготовленной речи. Упражнения должны быть построены на уже пройденной лексике и без наличия новых грамматических явлений. Грамматический навык можно считать сформированным, если студент быстро и безошибочно употребляет изученную грамматику в коммуникативно-ориентированных упражнениях.

Типовой урок основного курса состоит из грамматических пояснений, предтестовых упражнений (словообразовательных, грамматических, лексических), включающих поурочный словарь, текста, пояснений к тексту, лексико-грамматических упражнений и упражнений на развитие навыков устной речи. Тренировочные лексико-грамматические упражнения сопровождаются моделями. Послетекстовые упражнения включают лексико-грамматические упражнения и упражнения для развития навыков подготовленной и неподготовленной монологической и диалогической речи [3].

К лингвистической компетенции в процессе обучения добавляется

«социолингвистическая компетенция, т.е. способность адекватно использовать реалии, фоновые знания, ситуативно обусловленные формы общения» [1: 9]. Данная компетенция является частью «социокультурной компетенции, т.е. способности учитывать в общении речевые и поведенческие модели, принятые в соответствующей культуре» [1: 9]. В обучении говорению, диалогической, монологической речи следует начинать с наиболее употребительных и относительно простых лексико-грамматических средств. Формирование диалогической речи начинается с использования диалога-образца, далее – поэтапное составление диалога и создание реальной коммуникации, повторяющейся затем несколько раз до полного запоминания. В области говорения к концу изучаемого курса студенты должны научиться сообщать/узнавать личные данные о себе/партнёре по учёбе, рассказать о родном городе и стране, о стране изучаемого языка, изложить своё отношение о каком-либо событии в рамках знакомых тем и видов деятельности, знать правила речевого этикета.

При обучении чтению студенты учатся на первом этапе работать с текстом перевода, видеть разного рода грамматические и лексические явления, учатся читать, адекватно переводить, понимать и кратко излагать основное содержание текстов по предложенным темам.

При обучении аудированию акцент делается на понимании диалогической и монологической речи в «пределах тем, касающихся повседневного общения и учебной деятельности» [1: 20]. Длительность аудирования не должна превышать 10 минут. Следует обращать внимание на длину предложений, их лексическая и грамматическая составляющие не должны существенно отличаться от пройденного материала.

При обучении письму студенты учатся составлять простые письма личного характера и биографии, заполнять анкеты и составлять небольшие деловые письма с принятыми в деловой переписке клише.

При обучении студентов необходимо учитывать «когнитивную компетенцию», овладение которой зависит от способности студентов «планировать цели и результаты», «пользоваться поисково-аналитическими умениями» [1: 9]. В данном аспекте можно использовать ресурсы Интернета для включения аутентичных материалов (текстовых, звуковых) как для аудиторных занятий, так и для самостоятельного поиска студентами информации при подготовке заданий.

Студенты должны научиться «стратегической компетенции, т.е. спо-

способности применять разные стратегии как для понимания устных/письменных текстов, так и для поддержания успешного взаимодействия при устном/ письменном общении» [1: 9], а также «компенсаторной компетенции, т.е. способности избежать недопонимания, преодолеть коммуникативный барьер/сбой за счёт использования известных речевых и метаязыковых средств» [1: 9]. Обучению данным компетенциям служит весь учебный материал курса. Тексты наряду с многочисленными предтекстовыми и послетекстовыми упражнениями стимулируют у студентов мотивацию к речевому общению и высказываниям на данную тему на иностранном языке. Контроль степени освоения материала предполагает фронтальный и индивидуальный опрос студентов по обязательному словарному минимуму, пересказ текстов, составление диалогов, сообщений на заданную тему. Результативность в овладении данными компетенциями показательна в способности студентов использовать пройденный материал в новых коммуникативных ситуациях.

Овладев данными компетенциями, студенты смогут научиться «дискурсивной компетенции, т.е. способности осуществлять коммуникацию с учётом инокультурного контекста» [1: 9], смогут пользоваться изучаемым иностранным языком как средством общения с носителями языка. Тем самым возможно достижение следующей цели курса обучения иностранному языку – формированию «межкультурной коммуникативной профессионально ориентированной компетенции» [1: 9]. Необходимым условием для данного аспекта является достаточное количество аудиторных часов для работы со студентами (сейчас данная ситуация в техническом вузе далека от желаемой и преподавателями, и студентами) и качественное учебно-методическое обеспечение всего курса, к разработке которого стремится наша кафедра, учитывая новые инновационные образовательные технологии.

Список литературы

- 1 Примерная программа по дисциплине «Иностранный язык» для подготовки бакалавров неязыковых вузов. М. : Изд-во Московского гос. лингв. ун-та, 2011. 30 с.
- 2 Настольная книга преподавателя иностранного языка. Минск : Вышэйшая школа, 2000. 442 с.
- 3 Агаркова Е. В. Немецкий язык. Основной курс. СПб. : ЛИТОН, 2002. 384 с.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ КЕЙС-СТАДИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЁ ПРИМЕНЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

М.В. ТКАЧЕНКО
(Курган, Россия)

Вопрос применения метода кейс-стади в отечественном высшем профессиональном образовании в настоящее время является весьма актуальным, что объясняется двумя причинами. Первая причина заключается в общей тенденции развития высшего образования, его ориентации на формирование профессиональной компетентности будущих специалистов, и знания хотя бы одного иностранного языка. Вторая заключается в повышении требований к качеству подготовки специалиста, который должен обладать также способностью получения информации из различных источников, в том числе и на иностранном языке, уметь вести дискуссию, как на родном, так и на иностранном языке, которая, возможно, приведёт к принятию решений по профессиональной проблеме.

В российских источниках, посвящённых образованию существует ряд определений технологии кейс-стади. В переводе с английского case – «случай, ситуация, прецедент»; study – «изучать». Таким образом, определение звучит как «обучение на конкретных примерах, ситуациях».

Исторически метод case studies конкретных ситуаций возник в начале XX в. в Школе бизнеса Гарвардского университета (США). Главной особенностью метода кейс-стади было изучение студентами прецедентов, т.е. имевшихся в прошлом ситуаций из юридической или деловой практики. Особый упор делался на самостоятельную работу студентов, в процессе которой просматривалось и анализировалось огромное количество практического материала.

Одно из наиболее широких определений метода кейс-стади было сформулировано в 1954 г. в классическом издании, посвящённом описанию истории и применения метода конкретных ситуаций в Гарвардской школе бизнеса: «Это метод обучения, когда студенты и преподаватели (instructors) участвуют в непосредственных дискуссиях по проблемам или случаям (cases) бизнеса. Примеры случаев обычно готовятся в письменном виде как отражение актуальных проблем бизнеса, изучаются студен-

тами, затем обсуждаются ими самостоятельно, что даёт основу для совместных дискуссий и обсуждений в аудитории под руководством преподавателя. Данный метод включает специально подготовленные обучающие материалы и специальную технологию использования этих материалов в учебном процессе».

В рамках российского образования решение данного вопроса стало серьёзным этапом реализации проекта НФПК, осуществленного Государственным университетом управления в 1996-1998 гг. совместно с Академией менеджмента и рынка, Школой бизнеса МГУ им. М.В. Ломоносова и Калининградской школой международного бизнеса. Для издания первого, достаточно полного сборника российских кейсов, пришлось приводить к единому формату более 100 ситуаций, представленных 30 учебными заведениями и консалтинговыми компаниями. Для этого за основу был взят утвердившийся к тому времени формат ситуаций, распространяемых Гарвардской школой.

Метод кейс-стади – качественный метод изучения иностранного языка на основе конкретных ситуаций. Суть его в том, что студенты должны на когнитивном и коммуникативном уровнях знания представить реальную ситуацию, осмыслить её содержание и предложить комплекс мер по её решению. Отметим, что предлагаемая проблема не подразумевает однозначно принятых решений. Студент имеет возможность многовариантного отражения ситуативных выходов. Роль преподавателя в реализации метода кейс-стади в образовательном процессе – это соорганизатор, координатор, соведущий, то есть главная функция педагога – способствовать развитию компетенций студентов (используя наводящие вопросы, концентрируя полученную информацию, поддерживая дискуссию, направляя размышления обучаемых в сторону конкретных решений, а не абстрактных измышлений).

Применение метода кейс-стади в процессе изучения иностранного языка приводит к:

- совершенствованию навыков всех видов чтения и всесторонней обработки информации на иностранном языке;
- овладению экономической, финансовой, технической терминологией на уровне умения их активного использования, а не простого распознавания в тексте;
- развитию навыков проведения презентации на иностранном языке;

- развитию умения вести аргументированную дискуссию, что помогает развитию речи сначала с опорой, а затем и без опоры на исходный текст кейса;

- повышению уровня знаний профессионально-ориентированного иностранного языка, т.к. развивает творческое мышление, заставляя думать на языке.

Так как данный метод комплексный и содержит все виды речевой деятельности: чтение, говорение, письмо, аудирование – его применение стимулирует самостоятельное изучение как основного предмета по специальности, так и всех аспектов профессионально ориентированного иностранного языка. Он вырабатывает умение дискутировать и обсуждать ситуацию на неродном языке, т. е. коммуникативные навыки и умения, что приводит к достижению достаточно высокого уровня знаний иностранного языка.

Комплект материалов для работы с кейсом может выглядеть следующим образом:

- 1) описание ситуации в виде текста с обязательными вопросами для обсуждения до и после текста (собственно сам кейс);
- 2) репродуктивные и продуктивные упражнения на отработку лексико-грамматического материала, содержащегося в кейсе;
- 3) приложения с различной информацией (например, картинки, фото, таблицы, графики, справочный грамматический материал, краткая теория по экономической проблеме, изложенной в кейсе и др.);
- 4) заключение по кейсу (возможное решение проблемы);
- 5) записка для преподавателя с изложением авторского подхода к разбору кейса.

Обсуждение кейса выстраивается в соответствии с целями и задачами конкретной темы и курса в целом. Для того чтобы подготовиться к занятию качественный кейс, текст кейса предлагается студентам за несколько дней до дискуссии с обязательным анализом и разработкой решений, вопросов к оппонентам. Вопросы могут быть разного характера и сложности постановки.

В случае изучения иностранного языка с помощью метода кейс-стади желательно, чтобы изложению ситуации предшествовали упражнения, нацеленные на развитие навыков говорения, необходимы упражнения на развитие навыков аналитического чтения. Кейс может быть представлен в мультимедийном или печатном виде, включение в текст фотографий, таб-

лиц, диаграмм делает его более наглядным. Более сильным студентам можно представить изложенную в кейсе информацию в виде аудиофайла, что способствует, в том числе, развитию навыков аудирования. Объём кейса для работы с ним в процессе изучения иностранного языка должен быть 8-10 страниц. Меньшие по объёму кейсы могут не дать достаточно информации, большие кейсы вызывают у студентов некоторые затруднения, особенно при работе с ними впервые, или если уровень знаний иностранного языка недостаточно высок для использования его в рамках выбранной специальности.

Наконец, организация работы с кейсом состоит из следующих этапов:

1) обсуждение вопросов, представленных перед текстом. Они, как правило, затрагивают общие вопросы функционирования фирмы, предприятия и требует от студента знаний экономической теории, полученные в ходе обучения по основной специальности;

2) индивидуальная самостоятельная работа студента с материалами кейса, представленными в виде текста или аудиофайла (в зависимости от уровня подготовленности);

3) обсуждение послетекстовых вопросов, которые, как правило, касаются анализа информации, представленной в кейсе. На данном этапе также проверяется уровень понимания прочитанного или услышанного текста;

4) работа в малых группах по обсуждению ключевой проблемы. Представление результатов обсуждения в малых группах на общей дискуссии (в рамках учебной группы);

5) выполнение упражнений, направленных на отработку лексических (терминологии) и грамматических трудностей, с которыми могут столкнуться обучающиеся при работе над кейсом;

6) написание заключительного обобщения (conclusion), краткое изложение материала (summary);

7) подготовка и выступление с презентацией по материалам кейса на иностранном языке.

Метод кейс-стади можно отнести к активным методам обучения. В качестве его преимуществ можно отметить применение принципов проблемного подхода к обучению иностранному языку для достижения цели получения навыков иноязычного общения на профессиональные темы. При этом процесс обучения основывается на учете практически всех аспектов реальной жизненной ситуации, необходимо предложить решение

проблемы, описанной в кейсе, или хотя бы её понять, проанализировать и обсудить на иностранном языке.

В процессе работы над материалом студенту не ставится задача заучивания экономического или технического текста на иностранном языке, в котором значительное множество терминов. Ведь, в конечном счете, от студента требуется не только знание и понимание определённой терминологии, но и умение использовать её в повседневном профессиональном общении (как письменном, так и устном). Метод помогает развить умения и навыки не только монологичной речи, но и диалога, студенты учатся делать презентации, вести дискуссии: формулировать вопросы, аргументировать ответы и всё это на иностранном языке.

Данный метод относится и к методам развивающего обучения. Он включает различные способы организации индивидуального, группового и коллективного развития, формирует разнообразные личностные качества обучающихся, студенты приобретают навыки работы в команде.

Таким образом, кейс-стади – глубинное, детальное исследование одного объекта, имеющего чёткие временные и пространственные границы. Цель данной технологии – изучить его уникальную структуру, скрытые пружины его функционирования, совокупность его взаимосвязей как системы или динамику его развития.

Список литературы

- 1 Архипова Н. В., Кобызев В. С., Медведев В. Е. Современные образовательные технологии в высшей школе. М. : Спутник +, 2013. 146 с.
- 2 Архипова Н. В. Психолого-педагогические аспекты образовательной технологии кейс-стади. М. : Изд-во Спутник +, 2013. С. 219-227.

ВТОРИЧНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ

О.В. ШАБУРОВА
(Курган, Россия)

Обучение иностранному языку в современном мире становится неотъемлемой частью образования уже в начальной школе. Существуют разногласия среди педагогов о необходимости и целесообразности ранне-

го изучения языка, в связи с увеличением нагрузки на младшего школьника. Однако имеющийся опыт отечественных и зарубежных исследований в сфере языкового образования доказывает, что изучение иностранного языка, в случае правильной организации занятий, развивает детей, поднимает их образовательный и культурный уровень.

Одной из важнейших тенденций современного языкового образования в начальной школе является направленность образовательно-воспитательного процесса на формирование основных черт вторичной языковой личности ребенка в процессе изучения языка и культур для достижения межкультурного взаимопонимания. В этой связи понятие «обучение языкам» постепенно вытесняется понятием «обучение языку и культуре», которое предполагает развитие у ребенка способности эффективно участвовать в реальной межкультурной коммуникации. Уже на начальном этапе обучение ИЯ должно происходить через сопоставление языков, с применением элементов лингвокультуроведческого анализа.

Педагогической основой формирования элементарных черт вторичной языковой личности у младших школьников являются принципы природосообразности, культуросообразности и самодеятельности. Педагогическая деятельность направлена на поддержание ребёнка, передачу и развитие культуры, создание творческой среды развития ребёнка, обеспечивающей реализацию его потенциала.

Педагогический аспект формирования вторичной языковой личности рассматривается в контексте межкультурного обучения и воспитания как приобщение к культурным ценностям страны изучаемого языка через призму реалий своей страны, своего языка на основе личностно-деятельностного подхода. Важным условием при этом является осуществление взаимосвязи языка – культуры – общечеловеческих ценностей – личности младшего школьника в процессе усвоения иностранного языка.

Усвоение учащимися культуроведческого содержания обучения иностранному языку, несущему в себе, с одной стороны, типичные черты национальной культуры, с другой стороны, материал, отражающий общечеловеческие ценности, происходит на основе лингвоконтрастивного и культуроведческого видов анализа, рассматриваемых в качестве конкретного механизма осуществления диалога культур.

Языковая личность имеет уровневую организацию. По Ю.Н. Караулову, языковая личность складывается из трёх уровней, которые пред-

ставлены следующим образом.

1 Нулевой уровень – вербально-семантический, или лексикон личности, понимаемый в широком смысле, и включающий фонетические и грамматические знания личности. Нулевой уровень соответствует степени владения языком в повседневной жизни и быту. Единицами, из которых складывается личность, являются стандартные словосочетания, формульные предложения, различные фразовые единства.

2 Первый уровень – логико-когнитивный, представленный тезаурусом личности, в котором запечатлена «система знаний о мире». Единицами данного уровня являются обобщённые понятия, концепты, идеи, выраженные единицами нулевого уровня, а также различного рода дефинициями, афоризмами, пословицами, поговорками и т.п.

3 Второй уровень – деятельностно-коммуникативные потребности, отражающие систему целей, мотивов, установок и интенциональностей личности. В качестве единицы второго уровня выделяют не слова и тезауруса, а коммуникативно-деятельностные потребности.

Языковая личность складывается из овладения языковой и концептуальной картин мира изучаемого второго языка. Такую языковую личность называют вторичной языковой личностью. Вторичная языковая личность должна обладать способностями реализовывать лексико-грамматические конструкции, соответствующие нормам коммуникативной деятельности, то есть способностями самореализации в рамках диалога культур. Вторичная языковая личность есть совокупность способностей человека к общению на втором языке на межкультурном уровне.

Формировать вторичную языковую личность в условиях мооязыковой среды довольно сложно, но необходимо. Развитие личности учащегося, находящегося в соизмерении разных лингвокультур, осуществляется на основе видения им мира и его миропонимания и предполагает восприятие и осознание как собственных, так и общественных ценностей. Очевидно, что создать базу для толерантного, терпимого и в то же время немного критичного отношения к иному миру необходимо уже в начальной школе. При этом следует иметь в виду, что для того, чтобы дети поняли чужую культуру, их нужно научить воспринимать её как равноценную (при всей её непохожести) и достойную рассмотрения, благодаря её уникальности.

В связи с этим представляется важным, чтобы отобранное содержание обучения для начальной школы (его социокультурный компонент)

представляло основные характеристики иной культуры, соответствовало опыту и интересам учащихся и было сопоставимо с аналогичным опытом их ровесников – представителей иной культуры. При этом главным является не заучивание культурологических фактов наизусть, а умение сравнивать социокультурный опыт народа, говорящего на изучаемом языке, с собственным опытом. «Культурологические образцы», предлагаемые учащимся, должны подвергаться тщательному отбору по принципу: что-то хорошо знать, о чём-то иметь представление, а на что-то уметь адекватно реагировать.

Необходимо помнить о том, что вторичная языковая личность есть идеальная модель, достижение которой в условиях общеобразовательной школы, и тем более её начального этапа, невозможна в полном объеме, так же как и постановка вопроса о достижении «полного владения» языком, в том числе и родным. Но в начальной школе в принципиальном плане важно формировать у учащихся основные черты вторичной языковой личности на нулевом уровне. Это значит, что он должен владеть основами коммуникативной компетенции и распознавать иноязычную речь. При этом важным является формирование у учащегося умения осознавать свою принадлежность к родному лингвоэтносоциуму, понимать и видеть определённые различия между отдельными явлениями родной культуры и культуры страны изучаемого языка. Формы обучения при формировании нулевого уровня вторичной языковой личности должны быть направлены не на усвоение как можно большего количества лексических единиц, а на воспитание интереса к предмету, развитие коммуникативных навыков ребенка, умение выразить себя.

Таким образом, формирование элементарных черт вторичной языковой личности является непосредственной задачей обучения иностранным языкам, и чем раньше начинается этот процесс, тем более высоких результатов можно достичь.

Список литературы

- 1 Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика : учебное пособие для студентов линг. ун-тов и фак. ин.яз. высш. пед. учеб. заведений. 2 изд., испр. М. : Издательский центр «Академия», 2005. 336 с.
- 2 Гальскова Н. Д., Никитенко З. Н. Теория и практика обучения иностранным языкам. Начальная школа : методическое пособие. М. : Айрис-пресс, 2004. 240 с.
- 3 Караулов Ю. И. Русский язык и языковая личность. М. : АРТ, 2007. 98 с.

ПРЕОДОЛЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОСТИ ПОНИМАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ СТУДЕНТАМИ УНИВЕРСИТЕТА

Л.Н. ЮРКЕВИЧ
(Курган, Россия)

Важной составляющей процесса обучения ИЯ является формирование у студентов умений оперировать иноязычными медиатекстами, которые рассматриваются нами как продукты речевого высказывания на иностранном языке, содержащие определённым образом структурированную информацию, изложенные в любом виде и жанре медиа (газетная статья, телевизионные новости, подкаст, интернет-реклама и др.).

Иноязычные медиатексты представляют интерес с дидактической точки зрения, так как в них оперативно фиксируется движение языковой нормы, характерной для современного речепотребления, а обращение к ним способствует формированию иноязычной коммуникативной компетентности и иноязычной медиакомпетентности субъектов образовательного процесса.

Медиатексты фиксируют реальные информационные события, нагружая их дополнительными социокультурными и идеологическими смыслами, что требует от реципиента способности *понимать* заключённую в медиатексты информацию. Для рассмотрения проблемы понимания уместно обратиться к герменевтике – философскому учению об искусстве понимания «другого», которое в настоящее время является общенаучной методологией истолкования различных текстов.

Существуют различные подходы к проблеме понимания. Ф. Шлейермахер, стоявший у истоков философской герменевтики, полагал, что понимание включает в себя процедуры обнаружения смысла текста в процессе его интерпретации, восстанавливающей изначальный замысел автора. Иначе говоря, понимание есть процесс экспликации того, что уже имплицитно заложено автором текста [1: 767]. Дильтей, один из создателей герменевтической методологии, трактует понимание как интуитивное проникновение одной жизни в другую. Для Дильтея понять означает сопережить, постичь личностный смысл [1: 768]. В данной трактовке речь идёт уже не просто о реконструкции адресатом замысла автора, но о про-

дуцировании в процессе понимания нового смысла. Хабермас, сторонник критической герменевтики, пытается показать существование особого типа рациональности, сущность которого состоит во взаимном понимании. Для Рикера, который также сосредоточился на критическом понимании герменевтики, понимание есть процесс критического анализа и мира, и «Я» [3]. М.М. Бахтин, опираясь на теорию герменевтики, подлинно творческим прочтением произведения называл диалог-встречу читателя и автора. Своё видение взаимодействия между ними М.М. Бахтин выражает следующим образом: «Первая задача – понять произведение так, как понимал его сам автор, не выходя за пределы его понимания. Решение этой задачи очень трудно и требует обычно привлечения огромного материала. Вторая задача – использовать свою временную культурную вневходимость. Включение в наш (чужой для автора) контекст» [2: 349]. Согласно концепции Бахтина, понимание текста включает в себя отдельные акты или уровни, каждый из которых выполняет свою функцию: восприятие текста; узнавание текста и понимание его общего значения в данном языке; понимание его значения в контексте данной культуры; активное диалогическое понимание его смысла, совпадающее с его формированием [2: 361].

Обращаясь к проблеме понимания, нельзя не задаться вопросом о достижимости объективности понимания. Объективность означает способность непредвзято и без предрассудков вникать в содержание дела, представлять объект (в нашем случае медиатекст) так, как он существует сам по себе, независимо от субъекта (индивида /общества /культуры). Философский словарь трактует абсолютную объективность как недостижимую ни в одной области, включая научное познание. Тем не менее, можно говорить об интерсубъективности – промежуточной ступени на пути к объективности [6]. Таким образом, говоря о преодолении субъективности понимания иноязычных медиатекстов студентами университета, мы будем вести разговор о стремлении к идеалу объективного знания, приближении к истине, интерсубъективности.

Для достижения понимания предметов и явлений действительности, герменевты предлагают использовать «герменевтический круг» (метафора, описывающая продуктивное движение мысли интерпретатора в рамках техник герменевтической реконструкции). В разных школах герменевтики сложились разные концепции «герменевтического круга». По Шлейермахеру, этот круг состоит в том, что целое понимается через части, а часть

постигается только через целое. Герменевтический круг, по Дильтею, – это когда познающий субъект познает себя через других, но других он понимает через себя. По Гадамеру: постигая традицию, интерпретатор сам находится внутри нее. Самое распространённое представление о герменевтическом круге: целое нельзя понять, не понимая его частей, понимание части предполагает, что целое уже понято. Целью работы интерпретатора является вчувствование, постижение внутреннего мира, субъективности автора и реконструкция смысла-замысла сообщения. Казалось бы, этот круг неразрешим, однако сама природа понимания преодолевает этот круг. Герменевтический круг размыкается, во-первых, тем, что понимание начинается с предпонимания; во-вторых, тем, что части рассматриваются во взаимодействии с целым.

Обращение к герменевтической методологии необходимо не всегда. В простых медиатекстах информация подается эксплицитно и можно, ограничившись лингвистическим анализом, достичь понимания. Осуществление относительно объективной интерпретации возможно там, где нет имплицитности. К простым медиатекстам относятся готовые информационные продукты – результат деятельности информагентств. Ими заполняются новостные полосы газет, из них составляются выпуски новостей на радио и информационные программы на ТВ. К сложным медиатекстам относятся информационно-аналитические тексты (публицистика, комментарий, реклама), лингвистические особенности которых, как в эксплицитной, так и в имплицитной форме, передают идеологические различия в оформлении смыслов. В данном случае следует прибегнуть к герменевтическому анализу.

Сложные медиатексты открыты для множества интерпретаций. По мнению А.В. Федорова, интерпретация медиатекста предполагает умение анализировать его, опираясь на обширные знания; интерпретацию авторской позиции с позиции согласия или несогласия с ней; оценке социальной значимости произведения; умение соотнести эмоциональное восприятие с понятийным суждением, перенося это суждение на другие виды и жанры медиапроизведений; трактовать название медиатекста как образное обобщение [4: 15]. Интерпретация содержания медийных сообщений с использованием критического герменевтического подхода восходит к сократическому диалогу, – методу вопросов и ответов с целью стимулировать критическое мышление и обнаружить истину. Специфика вопросов тако-

ва, что, во-первых, они не содержат в себе скрытого ответа, о котором собеседник может догадаться, во-вторых – они требуют предельной ясности и определённости ответов. В процессе поиска обоснования идей и образов медиатекста, происходит диалог с создателями медиатекста, проясняется содержание сообщения.

Обобщая медиаобразовательный опыт ведущих стран Запада, А.В. Фёдоров и А.А. Новикова приводят в своей монографии [5: 154-155] ряд вопросов, разработанных американским медиапедагогом А. Силверблэтом для развития навыков интерпретации медиатекстов:

А Функции медиатекстов

- 1 Какова цель создания медиатекстов?
- 2 Хочет ли медиакоммуникатор, чтобы вы думали или вели себя специфическим образом в результате получения информации?
- 3 Содержит ли создание медиатекстов:
 - а) скрытую функцию
 - б) многократную функцию
 - в) неопределённую функцию
 - г) ложные функции
 - е) функции конкуренции

В Сравнение медиа

- 1 Каковы отличительные характеристики медиа?
- 2 В какой степени выбор медиа затрагивает:
 - а) стратегию коммуникации
 - б) стиль коммуникации
 - в) содержание коммуникации

С Медиакоммуникатор

- 1 Кто отвечает за создание медиатекстов?
- 2 Каковы демографические характеристики медиакоммуникаторов?
- 3 Как эти характеристики затрагивают содержание и перспективу производства медиатекстов?

Д Аудитория

- 1 Для кого предназначен медиатекст?
- 2 Для одного или большего числа типов аудитории?
- 3 Какая аудитория может считаться целевой?
 - а) С какими персонажами медиакоммуникатор хочет вас отождествить?

б) Какую идеологию эти персонажи выражают?

4 Какие ценности, опыт и перспективы принимаются аудиторией? Влияют ли эти общедоступные ценности, опыт, или перспективы на её понимание или интерпретацию медиатекстов?

5 Как опыты и перспективы индивидуального члена аудитории затрагивают его/ее интерпретацию медиатекста?

6 Как выбор аудитории влияет на стратегию, стиль, и содержание медиатекстов?

7 Влияют ли стратегия, стиль, и содержание медиатекста на понимание их аудиторией?

По нашему мнению, заслуживает внимания пособие по медиаграмотности Literacy for the 21st Century [7], в котором авторы Э. Томан (Elizabeth Thoman) и Т. Джолз (Tessa Jolls) представили обширный наглядный материал для проведения анализа медиа, предлагается серия ключевых и наводящих вопросов для декодирования и кодирования сообщений.

В заключение хотелось бы отметить, что в нашем представлении, герменевтический подход является продуктивной парадигмой исследования проблем понимания иноязычных медиатекстов. Критическая герменевтика помогает осваивать иноязычную культуру и осуществлять перевод как герменевтическую операцию, ориентирует на системный характер понимания текстов культуры стран изучаемого языка, систематизирует приёмы и принципы понимания. Несмотря на то, что субъективность не устранима, её можно минимизировать, обращаясь к герменевтической методологии.

Список литературы

- 1 Абушенко В. Л. Понимание // Новейший философский словарь. Минск, 2003.
- 2 Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979.
- 3 Дэвид Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. 2001. URL: <http://voluntary.ru/dictionary/567> (дата обращения: 16.01.2014)
- 4 Фёдоров А. В. Медиаобразование: история, теория и методика. – Ростов н/Д. : Изд-во Центров валеологии вузов России, 2001.
- 5 Фёдоров А. В., Новикова А. А. Медиаобразование в ведущих странах Запада. Таганрог : Кучма, 2005.
- 6 Философский словарь. URL: [http:// www.philosophydic.ru/obektivnost](http://www.philosophydic.ru/obektivnost) (дата обращения: 16.01.2014).

7 Thoman E., Jolls T. Literacy for the 21st Century. An Overview & Orientation Guide To Media Literacy Education, 2003. URL: http://www.medialit.org/sites/default/files/mlk/01_MLKOrientaion.pdf (date of access: 16.01.2014).

RUSSIAN SCHOLARS NEGOTIATE LIFE EXPERIENCE TO EMBRACE FULBRIGHT IDENTITIES IN L2 NARRATIVES

M. PRIKHODKO

*(Indiana University of Pennsylvania,
Indiana, PA, USA)*

This study intends to examine how Russian scholars understand and project their possibilities of embracing imagined Fulbright identities. For this purpose, the research aims at scrutinizing the second-language (L2) narratives written by the Russian scholars as a part of the application process for Fulbright Scholarship. Importantly, the L2 narratives will be considered as socially mediated literacy endeavors to broaden understanding of their desires, histories, and relations with the world by virtue of renegotiating identities via “the work of imagination” (Wenger, 1999, p. 185). Presumably, this empirical study will delineate the relationship between their identities and the learning process they engage in to move toward the new educational goal.

My interest in how Russian scholars mediate their L2 written narratives as socially mediated endeavors to project their potential as Fulbright scholars has been growing since my personal Fulbright experience in 2011 – 2012. Prior to that, I went through the same application process, when I attempted to construct my L2 narrative in a way to negotiate my sense of being in accord with the program expectations. What makes this argument important in regards to the current research is that I (as well as many other candidates) worked to the utmost to allow my personal narrative to embody me, and “talk” on my behalf (<http://us.fulbrightonline.org/application-components/academic>).

However, I challenged to predict social and cultural expectations that the program scanning committee was oriented to perceive. In pursuit of being accepted to the Fulbright program, I pushed myself to the limit to use my second language (L2) literacy skills to socialize and familiarize with the situated form of the program. My struggle can be explained by the limited opportunities to express myself in L2 writing as English is institutionalized only orally in the

Russian context. As noticed by Richmond (1996), “Russia had an oral rather than written tradition, and talk comes naturally to its people” (p. 135). Additionally, I was partially constrained by ideological and linguistic constraints specific to my home country that “belongs to the periphery of the Expanding English circle” (Ustinova, 2011, p. 69) due to the long-lasting influence of Russification (Franklin & Widdis, 2004; Laitin, 1998; Pavlenko 2008). It is true to say that this imposing way of thinking has greatly influenced the mode of belonging for most Russians:

The Russian language surpasses all European languages, since it has the magnificence of Spanish, the liveliness of French, the strength of German, the delicacy of Italian, as well as the richness and conciseness of Greek and Latin. (Lomonosov, 1952, p. 391)

Such enduring linguistic and cultural shifts and reforms in the territory of the Post-Soviet Union countries promoted the preservation either of the westernized or the russified (Laitin, 1998, p. 134) side of the continuum by practitioners, thus neglecting the resolution of shuttling between worlds (Canagarajah, 2012).

Consequently, I pursue my current research endeavors to examine how Russian Fulbright applicants generate understanding of their relationship with the Fulbright through L2 narratives, thus negotiating their identities in broader terms across all sorts of boundaries to invest into this relation. Due to the limited space, I will briefly discuss the conceptual and empirical statements of the study.

Theoretical considerations of identity research

Before proceeding to the analysis, I would like to refer to the poststructuralist consideration of identity once acknowledged by Block (2006), that in attempt to sustain a self in balance (as constant evolving process), individuals always occur within dilemmas of past, present, and future interactions between world and themselves. In doing so, they not only have to face certain resistance in projecting knowledge and experience, but also to synthesize and accumulate the life changes, challenges, and other metamorphoses (p. 35). With regard to this, I have to define what I understand by identity to be able to interpret experiences and time-crossings of the participants through their literacy endeavors.

Defining identity

The analytical shift in the field of sociolinguistics and anthropology from the analysis of purely linguistic variables situated in monolithic forms to conducting more humanistic narrative inquiries (Duff, 2008) in relation to macro sociocul-

tural, political systems (Norton, 2000; Pavlenko & Blackledge, 2004) allows me to focus on how Russian candidates project their subjectivity in relation to the imagined community (Anderson, 1986; Norton & Kanno, 2003; Pavlenko, 2003) (Fulbright). By subjectivity, I understand how they reflect on their perceptions and abilities to mediate relationship with wider sociocultural contexts.

Such dichotomous correlation Norton (1997, 2000) refers to an individual understanding of his/her relations to the world and of possibilities for the future (2000, p. 5) and to referencing desire for recognition and affiliation (p. 8). Specifically important is Norton's consideration of defining the question "Who am I" inseparably from the question "What can I do?" (p. 410) – that allows me to interpret their narrative endeavors as loci of investing the potential to mediate personal idiosyncrasies and capabilities in relation with ever changing social meaning making. As Hansen & Liu (1997) note, Norton's (2000) social theory seems encouraging to explore language learners' identity repertoires and layers in regards to the social world outside of language classroom (p. 572).

Importantly, the question "What can I do?" itself brings the idea of them experiencing the desirable change and reconceptualizing own histories in the light of new social circumstances and "within a cultural matrix of meanings, beliefs, and normative practices" (Schiffrin, 1996, p. 170). How the process of this reconceptualization could be analyzed?

There are two crucial ontological components I should consider for defining identity within the scope of this study: power and change. As the existing body of literature in sociology (Bourdieu, 1999 [1991]), sociolinguistics (Young & Fitzgerald, 2006), language ideologies (Bloomaert, 2006) convincingly demonstrate how power embed language, and thus inhibit its realization. In Bourdieu's (1999 [1991]) terms, we have to account for various agents that are involved into the production and appropriation of meaning according to the criteria determined for their own products (p. 503). Consequently, the question is not about measuring to what extent their linguistic practices can be socially appropriate, but "the sense of the value" (p. 508) applied to own process of realization "to constitute that *sense of one's own social worth* which governs" a desired market (the emphasis is original) (p. 509).

Such constitution usually occur when individuals interpret and project their actions, desires and language in how they "do' themselves in different social contexts" (Block, 2006, p. 40). Along with this argument, working within a poststructuralist tradition, Weedon (2004) emphasizes the role of subjectivity in

individual conscious or unconscious sense of constituting self in language and beyond (p. 18). In this case, projecting one's meaning and way of knowing calls for theorizing the subject matter with greater emphasis on agency recognized by some identity theorists (Althusser, 1971; Weedon, 1997, 2004; Norton, 1995, 1997, 2000). Accordingly, Althusser (1971) recognizes that human subjects reify their beliefs and values and project personal meaning making by inserting ideas into actions, and actions into material practices (pp. 166 – 167).

One possible way to interpret human subjects' meaning production (which is being formulated 'according to [their] ideas' (Althusser, 1971, p. 168)) is to investigate identity in practice. The next section focuses on exploring the process of constant negotiating of self within social practice to develop relations with others (Wenger, 1999, p. 151). It is important to denote that social practices, in which Fulbright applicants' identities are being reified, can be situated in the past, present, or future moment.

Research settings

The scholar collected the samples of Russian Fulbright grantees' personal statements, wrote as a part of their application process. In pursuit of the grant purpose they had to demonstrate how a relative degree of persistence in their learning experience would enhance their professional maturation and strengthen philosophical stances. In other words, each applicant is expected to articulate how his lifecourse achievements may contribute to the program proliferation (<http://us.fulbrightonline.org/application-components/academic>; Fulbright, 1961; Snow, 2008). In fact, senator W. Fulbright established a namesake exchange educational program in 1945 to enhance a deeper comprehending of the American image abroad by making grantees "knowledgeable interpreters of their own and other societies" (Fulbright, 1976, p. 3).

Data analysis

As Pavlenko (2007) argues, to avoid "content analysis [that] may result in a laundry list of observations, factors, or categories" (p. 167), this paper adopts a 'Community of Practice' analytical framework suggested by Wenger (1999) to analyze narrative themes and participants' interpretations of past, present, or future events being convergent with desires and purposes by mediating which they invest into the target community of practice. As Wenger claims, to make sense of the processes of identity formation and learning, it is useful to align activities and interpretations with purposes and forms beyond communities of practice (p. 173). Out of three distinct modes of belonging (engagement, imagi-

nation, and alignment) proposed further in Wenger's scholarship, I adopt imagination concept to analyze "images of the self and images of the world" (p. 177) that transcend time and space to show a process of being-ready-to-change-and-learn in ever-changing circumstances.

With regards, language "is understood with reference to its social meaning" (Norton, 2000, p. 5). Similarly, Halliday (1978) argues that individuals embody linguistic texture with meanings they 'can do' (p. 21). In turn, literacy as a socially constructed endeavor (Barton & Hamilton (2005) within social theory of learning (Wenger, 1999) is represented to reify imprints and memories the participants would desire to project in order to renegotiate their life experiences.

In order to scrutinize the data, I identified the types of reference I would search in the data pool:

1) explicit like "I see [now]" or "I knew I [would], and implicit (generative ideas, knowledge, feelings) (inspired by Pavlenko, 2007) endeavors to signify the subject's understanding of the imagined relation with the Fulbright;

2) attempts to acquire skills, knowledge and meanings necessary for desired learning trajectories;

3) references to the understandings of learning/reinterpreting/renegotiating skills, knowledge, and meanings to assimilate to the changing (and/or desired) circumstances. The references could be one sentence as well as the whole paragraph long as long as it will be thematically appropriate to describe a literacy episode described in the narrative. Then, the types of references were coded and categorized under two themes emerged from the study: (1) critical examination of prior experience; (2) transitional endeavors (inspired by Crafter & Maunder, 2012) to answer the following **Research Question**: In what ways do the grant applicants mediate life experience (histories, opportunities, commitments, etc.) via literacies to invest into their relation to the Fulbright community across time and space?

Findings Discussion

In this brief overview, I will exemplify how where the theme of (1) critical examination of prior experience emerged. Crafter & Maunder (2012) contents this category with the idea that individuals reify new forms for encountering new situations based on prior sociocultural experiences (p. 16) such as situations, behavioral patterns, and frames of references. By virtue of critically inquiring into past enterprises, they tend to discover possible ways to invest into

new (future) situations (Wenger, 1999, p. 152). It turns out that they tend to invest into building their life narrations in two ways (in this short report, only the first subcategory is mentioned):

(1) by “increas[ing] understanding they reflect in their own practices” (Barton et al, 2000, p. 167) in order to apply strong abilities in future contexts throughout time and space:

Negotiating the identity work in relation to the family, Alex signifies conceived knowledge and skills as crucial for understanding his future potential to succeed. Specifically, he creates complex cause-effect relation between his family trajectory and successive professional achievements by using conjunctive adverb “therefore” and followed present perfect action “have been able to adopt”:

I was born into a family that has always encouraged utilizing inherent skills to the fullest extent. Therefore, I have been able to adopt my parents' values of how to conduct myself in life through hard work, discipline, being persistent at everything I do. These skills helped me to succeed in my academics achievements.

Alex chooses a safe mode of interpreting family relations (1), perhaps, to avoid a learning dissonance of any kind. As Giddens (1999) suggests, such way of narrating experience could form “the protective cocoon which helps maintain ontological security” (p. 416) to him and disambiguates of how he intends to apply conceived skills to potential as prospective candidate for the grant (“I feel strongly that my studies . . . have provided me with a diverse set of knowledge and skills that makes me suitable candidate for master's study in this field”).

Conclusion

As a result, in order to embrace Fulbright identities via L2 narratives as socially constructed trajectories the applicants extend their life histories as interpretations of selves in relations with the target community of practice. By virtue of constructing life experiences for the Fulbright audience, they generate possibilities for future, that they can choose out of million other, to novel their trajectories for lifelong learning and thus for renegotiating relations with the world.

References

- 1 Althusser L. (1971). Ideology and ideological state apparatuses (Notes towards and investigation) *Lenin and philosophy and other essays* (pp. 123-173). London, UK: NLB.
- 2 Anderson B. (2006). *Imagined Communities* (4th ed.). New York, NY : Verso.
- 3 Application Forms. (n.d.). *The Fulbright Program in Russia*. Retrieved November 10, 2013 from <http://www.fulbright.ru/en/russians/vgsappl>.

- 4 Barton D., Hamilton M., & Ivanic, R (Ed.). (2000). *Situated literacies: Reading and writing in context*. London, UK: Routledge.
- 5 Barton D., & Hamilton M. (2005). Literacy, reification and the dynamics of social interaction. In D. Barton, & Tustig, K (Ed.), *Beyond Communities of Practice: Language, Power and Social Context* (pp. 2-16). Cambridge, MA: Cambridge University Press.
- 6 Block D. (2006). Identity in Applied Linguistics. In T. Omoniyi, White, G (Ed.), *Sociolinguistics of identity* (pp. 35-49). London, UK : Continuum.
- 7 Bloomaert J. (2006). Language Policy and National Identity. In T. Ricento (Ed.), *An Introduction to Language Policy: Theory and Method* (pp. 238-254). Malden, MA: Blackwell Publishing, Ltd.
- 8 Bourdieu P. (1999). Language and Symbolic Power. In A. Jaworski, & Coupland, N (Ed.), *The Discourse Reader* (pp. 502-513). London, UK : Routledge.
- 9 Crafter S., & Maunder R. (2012). Understanding transitions using a sociocultural framework. *Educational & Child Psychology*, 29(1), 10-18.
- 10 Duff P. A. (2008). *Case Study Research in Applied Linguistics*. Lawrence Erlbaum Associates: New York, NY.
- 11 Giddens A. (1999). Modernity and Self-Identity: Tribulation of the Self. In A. Jaworski, & Coupland, N (Ed.), *The Discourse Reader* (pp. 415-427). London, UK: Routledge.
- 12 Gorgorió N., Planas N., & Vilella X. (2002). Immigrant children learning mathematics in mainstream schools. In G. de. Abreu, A. Bishop, & N. Presmeg (Eds.), *Transitions between contexts of mathematical practice* (pp. 23-52). Dordrecht: Kluwer.
- 13 Halliday M. A. K. (1978). *Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning*. Maryland: University Park Press.
- 14 Kanno Y., & Norton B. (2003). Imagined communities and educational possibilities: Introduction. *Journal of Language, Identity, and Education*, 2(4), 241-249.
- 15 Norton B. (2000). *Identity and Language Learning: Gender, Ethnicity and Educational Change*. Harlow, UK: Pearson Education Ltd.
- 16 Pavlenko A. (2007). Autobiographic narratives as data in applied linguistics. *Applied Linguistics*, 28(3), 163-188.
- 17 Pavlenko A., Blackledge A (Ed.). (2004). *Negotiation of Identities in Multilingual Contexts*. Clevedon, UK: Multilingual Matters, Ltd.
- 18 Schiffrin D. (1996). Narrative as Self-Portrait: Sociolinguistic Constructions of Identity. *Language in Society*, 25(2), 167-203.
- 19 Weedon C. (2004). *Identity and Culture: Narratives of Difference and Belonging*. Berkshire, GBR: McGraw-Hill Education.
- 20 Wenger E. (1999). *Communities of Practice: Learning, Meaning, and Identity*. New York, NY : Cambridge University Press.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артамонова Татьяна Геннадьевна – доцент кафедры английской филологии Курганского государственного университета, кандидат филологических наук; e-mail: t.artam@yandex.ru.

Богданова Евгения Владимировна – студентка франко-английского отделения факультета иностранных языков Марийского государственного университета; e-mail: bogdanova2037@mail.ru.

Бочегова Наталья Николаевна – декан филологического факультета Курганского государственного университета, доктор филологических наук, профессор; e-mail: nbochegova1@yandex.ru.

Боярская Марианна Михайловна – аспирант кафедры теории языка и переводоведения Санкт-Петербургского государственного экономического университета; e-mail: marianna-lady@mail.ru.

Верносова Елена Игоревна – соискатель кафедры теории языка и переводоведения Санкт-Петербургского государственного экономического университета; e-mail: vernoslova@km.ru.

Гриценко Татьяна Александровна – аспирант Курганского государственного университета; e-mail: tanyagritsenko@yandex.ru.

Гришкова Лилия Владимировна – доцент кафедры английской филологии Курганского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: lily1938@yandex.ru.

Драгунова Ольга Сергеевна – ст. преподаватель кафедры английской филологии Курганского государственного университета; e-mail: osdragunova@mail.ru.

Жукова Ирина Максимовна – зав. кафедрой истории литературы и фольклора Курганского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: kafedrailif@rambler.ru.

Иванова Елена Александровна – ст. преподаватель кафедры английской филологии Курганского государственного университета; e-mail: Hel2004@bk.ru.

Иванова Юлия Николаевна – доцент кафедры немецкой филологии Курганского государственного университета, кандидат философских наук, доцент; e-mail: julwell@mail.ru.

Кабыш Виктория Игоревна – доцент кафедры русского языка Курганского государственного университета, кандидат филологических наук, до-

цент; e-mail: kabysh.v.i@yandex.ru.

Казенас Герман Владимирович – ученик 9 класса гимназии № 27; e-mail: german.kzenas@mail.ru.

Казенас Оксана Анатольевна – зав. кафедрой французской филологии Курганского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент; e-mail: oxana.kzenas@yandex.ru.

Какзанова Евгения Михайловна – профессор РУДН, доктор филологических наук, профессор; e-mail: kakzanova@post.ru.

Камаева Юлия Владимировна – аспирант Санкт-Петербургского государственного экономического университета; e-mail: julial-09@mail.ru.

Киселёва Светлана Владимировна – профессор кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор филологических наук, доцент; e-mail: svkiseljeva@bk.ru.

Коваленко Светлана Сергеевна – доцент Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат филологических наук; e-mail: Svetik_r2002@mail.ru.

Мардоса Йонас – профессор кафедры праистории балтов Литовского эдукологического университета, доктор гуманитарных наук, профессор; e-mail: j.mardosa@gmail.com.

Марал Ольга (Maral O.) – студентка педагогического факультета Венского университета.

Морозова Ольга Николаевна – профессор кафедры английской филологии Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, доктор филологических наук; e-mail: olfrost@mail.ru.

Назарова Тамара Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; e-mail: tamara_nazarova@mail.ru.

Овчинникова Ксения Николаевна – магистрант Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева; e-mail: kral.xeniya@mail.ru.

Полякова Светлана Евгеньевна – доцент кафедры теории языка и переводоведения Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат филологических наук; e-mail: Poliakova2106@mail.ru.

Поманисочка Михаил Александрович – ст. преподаватель кафедры ан-

глийской филологии Курганского государственного университета; e-mail: romanis@mail.ru.

Портнягин Дмитрий Валерьевич – доцент кафедры английской филологии Курганского государственного университета, кандидат филологических наук; e-mail: portdim73@mail.ru.

Приходько Мария Юрьевна (Prikhodko M.) – аспирант программы Composition & TESOL факультета английского языка Университета Пенсильвании в Индиане, США (Indiana University of Pennsylvania, Indiana, PA); e-mail: m.prikhodko@iup.edu.

Росянова Татьяна Сергеевна – доцент кафедры экономического английского языка № 2 Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат филологических наук; e-mail: rosyanova@mail.ru.

Савельева Мария Владимировна – доцент кафедры английской филологии Курганского государственного университета, кандидат филологических наук; e-mail: t_maria@mail.ru.

Самошкин Евгений Алексеевич – студент отделения журналистики филологического факультета Северо-Восточного федерального университета; e-mail: hipstersgonnahip@inbox.ru.

Сапегина Елена Владимировна – ст. преподаватель кафедры английской филологии Курганского государственного университета; e-mail: eva0802@mail.ru.

Сапронов Юрий Владимирович – аспирант кафедры теории языка и переводоведения Санкт-Петербургского государственного экономического университета; e-mail: 7sapronov@mail.ru.

Семёнова Евгения Владимировна – соискатель Санкт-Петербургского государственного экономического университета; e-mail: lena.ru@bk.ru.

Скворцова Анна Вячеславовна – доцент кафедры перевода и переводоведения Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, кандидат филологических наук; e-mail: annysunnybird@gmail.com.

Смакотина Тамара Михайловна – доцент кафедры английской филологии Курганского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

Смолина Ольга Владимировна – доцент кафедры иностранных языков Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова кандидат филологических наук; e-mail: sm.olina@mail.ru.

- Соловьёва Татьяна Николаевна** – ст. преподаватель кафедры иностранных языков Курганской государственной сельскохозяйственной академии им. Т.С. Мальцева; e-mail: Solovyeva-05.04@mail.ru.
- Степаненко Ольга Александровна** – доцент кафедры немецкого языка Курганского государственного университета, кандидат филологических наук; e-mail: olgastepanenko@list.ru.
- Ткаченко Марина Васильевна** – доцент кафедры английской филологии Курганского государственного университета, кандидат филологических наук; e-mail: martka06@mail.ru.
- Тулина Екатерина Валерьевна** – доцент кафедры английской филологии и перевода Магнитогорского государственного университета, кандидат филологических наук; e-mail: Tulina78@yandex.ru.
- Ульянин Владимир Фёдорович** – доцент кафедры немецкой филологии Курганского государственного университета, кандидат филологических наук; e-mail: uljaninw@rambler.ru.
- Фаткулин Булат Гилимдарович** – доцент кафедры общей лингвистики Южно-Уральского государственного университета, кандидат филологических наук; e-mail: bfatkulin@gmail.com.
- Фёдорова Валентина Павловна** – профессор кафедры истории литературы и фольклора Курганского государственного университета, доктор филологических наук, профессор.
- Шабурова Оксана Владимировна** – доцент кафедры английской филологии Курганского государственного университета, кандидат филологических наук; e-mail: oksana230181@rambler.ru.
- Швед Инна Анатольевна** – профессор кафедры белорусского литературоведения Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина, доктор филологических наук, профессор; e-mail: Shved_Inna@tut.by.
- Шведова Наталья Владимировна** – доцент кафедры русского языка Курганского государственного университета, кандидат филологических наук; e-mail: shvedova@kgsu.ru.
- Шихардина Людмила Николаевна** – доцент кафедры английской филологии Курганского государственного университета, кандидат педагогических наук; e-mail: ardinaL@yandex.ru.
- Юркевич Лариса Николаевна** – ст. преподаватель кафедры английской филологии Курганского государственного университета; e-mail: alisa_yurkevich@mail.ru.

Научное издание

**УНИВЕРСАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧНОЕ
В ЯЗЫКАХ И ЛИТЕРАТУРАХ**

Сборник материалов 2-й международной научной конференции

28 февраля 2014 года

Редактор Е.А. Могутова

Подписано в печать 18.12.14	Формат 60 × 84 ¹ / ₁₆	Бумага тип 65 г/м ²
Печать цифровая	Усл. печ. л. 18,00	Уч.-изд. л. 18,00
Заказ № 319	Тираж 50	

РИЦ Курганского государственного университета.
640000, Курган, ул. Советская, 63/4.
Курганский государственный университет.